№ 487
Петербургъ

П. Л. Лавровъ.

ОПЫТЪ
ИСТОРІИ МЫСЛИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВЫПУСКЪ I.

1 мая 1876 года.
175 к.

8° C. 172

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе редакціи журнала „ЗНАНІЕ".
1875.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ЗНАНІЕ“

въ 1875 году (годъ V).

Журналъ «ЗНАНІЕ» издается въ 1875 году по прежней программѣ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА ВЪ ГОДЪ:

Безъ доставки и пересылки	12 р.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ .	13 »
Съ пересылкою въ другіе города	13 » 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ **А. Черкесова** и К°., Невскій просп., № 54; **въ Москвѣ**—въ книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева**, Страстной бульваръ, домъ Алексѣева, и въ **«Центральномъ книжномъ магазинѣ»**, Никольская, домъ Славянскаго базара.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться **исключительно** въ редакцію журнала **„ЗНАНІЕ“**, въ С.-Петербургѣ, Литейный просп., 62.

Для подписавшихся въ редакціи допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 руб. 50 коп.; къ 1-му мая— 4 руб. и къ 1-му сентября— 4 руб.

ОПЫТЪ ИСТОРІИ МЫСЛИ.

8° 01.1.172

№ 407.
Пятого тома.

П. Л. Лавровъ.

ОПЫТЪ
ИСТОРІИ МЫСЛИ.

136153

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Т. О.
Морозовъ

1. V. 76.
75 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1875.

рец.

Iшк
Лавров
О

Спб. Тип. В. Демакова. Новый пер., д. № 7.

Сочиненіе «*Опытъ исторіи мысли*» будетъ издаваться выпусками въ объемѣ отъ 10 до 15 печатныхъ листовъ въ каждомъ. Всѣхъ выпусковъ предполагается отъ 8 до 10. Каждые два или три выпуска образуютъ томъ.

Подробная программа и оглавленіе будутъ приложены въ концѣ перваго тома.

ОПЫТЪ ИСТОРІИ МЫСЛИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Задачи исторіи мысли.

§ 1. Мысль и ея формы.

Тому двадцать три вѣка въ Аѳинахъ Перикла знаменитый другъ его, философъ, обвиненный въ безбожіи, Анаксагоръ клазоменскій, говорилъ въ своемъ сочиненіи „о природѣ", отъ котораго намъ остались лишь отрывки: «разумъ — устроитель всего» [1]). Этимъ самымъ онъ ставилъ впервые предъ критическою мыслью человѣка задачу: опредѣлить условія проявленія сознательной мысли, ея генезисъ, ея отличительныя признаки, ея формы въ ихъ группировкѣ, ея роль въ ряду другихъ процессовъ, совершающихся въ мірѣ. Изъ этой задачи должна была развиться психологія въ ея связи съ физіологіею нервовъ и съ историческими продуктами литературы, искусства, личной и общественной жизни въ ихъ разнообразныхъ формахъ; развилась антропологія въ ея связи съ зоологіею съ одной стороны, съ исторіею—съ другой; развилась систематика человѣческой дѣятельности; развился, наконецъ, рядъ философскихъ міросозерцаній, въ которыхъ разуму, мысли, духу давали болѣе или менѣе видное мѣсто въ общей системѣ реальнаго бытія вселенной.

Такъ какъ обо всѣхъ этихъ способахъ разработки научныхъ и философскихъ вопросовъ, касающихся мысли, мнѣ придется говорить болѣе или менѣе подробно въ свое время, то я считаю ненужнымъ повтореніемъ останавливаться теперь же на нѣкоторыхъ фазисахъ, чрезъ ко-

[1]) Πάντα διεκόσμησε νόος. Приведено у Симплиція въ его комментаріи на физику Аристотеля.

торые проходили воззрѣнія человѣка на роль мысли въ разныхъ областяхъ, и потому ограничусь здѣсь лишь самыми крупными и общими указаніями.

Въ формѣ сверхъ-естественнаго пониманія, знанія и предвидѣнія разумъ и мысль вошли существенными элементами въ представленія о божественныхъ личностяхъ религіозныхъ системъ [2]). Генезисъ этихъ типовъ принадлежитъ цѣликомъ прошедшимъ фазисамъ исторіи мысли, имѣетъ историческое значеніе для изслѣдователя этихъ фазисовъ, но самые типы со всѣми ихъ особенностями не находятъ себѣ мѣста въ реалистическомъ міросозерцаніи настоящаго времени, въ присутствіи научной критики. Человѣчество, выработавъ эту критику, занимается рѣшеніемъ вопроса о *реальной* роли мысли, а не о ея фантастической идеализаціи.

Другая группа мыслителей внесла представленіе о мысли, въ формѣ души міра или пантеистическаго бога, нераздѣльнаго отъ природы, въ самое понятіе о вселенной какъ о цѣломъ. Міръ представлялся, на этой точкѣ зрѣнія, какъ нѣчто сознательное, мыслящее, разумное [3]). Но научная критика прослѣдила всю шаткость аналогій, выставленныхъ при этомъ, и эта иллюзія исчезла изъ главнѣйшихъ реалистическихъ міросозерцаній. Разумъ, мысль, сознаніе принадлежатъ не міру въ его цѣломъ, не міру какъ міру, но представляютъ явленія, вырабатывающіяся при нѣкоторыхъ особенныхъ условіяхъ органическаго строенія, въ нѣкоторыхъ особенныхъ формахъ органическаго бытія. Міръ не мыслитъ. Міръ не разуменъ. Но въ нѣкоторыхъ безконечно-малыхъ существахъ міра развивается мысль и разумъ. Роль мысли въ реальномъ мірѣ не космическая, но индивидуальная.

Въ личностяхъ мысль пробовали обособить въ опредѣленную реальность, самостоятельную и безсмертную, въ душу, въ духъ, существующіе внѣ всѣхъ чувственныхъ условій бытія [4]). Но научная критика

---

[2]) Напр. у Августина Богъ есть высшій разумъ (de trinit. VI); мудрость—сущность его (тамъ же, XV). У Платона мудрость соединяется съ представленіемъ идеи высшаго добра, отожествленнаго съ божествомъ. У Аристотеля первая причина міра есть духъ, никогда не прекращающій своей мыслительной дѣятельности, самомыслящая мысль (νὸησις νοήσεως). То же у большинства теистовъ позднѣйшаго времени. См. также катехизисы разныхъ исповѣданій.

[3]) См. наприм. у Кардана ученіе о душѣ міра, отожествленной съ теплотою (de rerum varietate, l. 1. c. 1.); у Бруно ученіе о душѣ міра (de la causa, 235 и слѣд.).

[4]) Многочисленныхъ офиціальныхъ спиритуалистовъ нѣтъ нужды и указывать. Любой учебникъ психологіи, принятый въ государственныхъ шко-

не нашла достаточной доказательности и въ аргументахъ, приводимыхъ въ пользу обособленнаго бытія безтѣлесныхъ сущностей. Внѣ спиритизма въ его разнообразныхъ формахъ, души и духи остались недоступными повѣркѣ опыта. Въ этомъ направленіи, послѣдній, вѣроятнѣйшій результатъ науки таковъ: внѣ организмовъ, обладающихъ нервною системою, мы не можемъ прослѣдить ни одного проявленія мысли. Роль мысли не есть роль самостоятельной сущности, но роль явленія, совершающагося въ особяхъ органическаго міра.

Такимъ образомъ изслѣдованіе мысли получило единственное прочное основаніе въ личной жизни особи, жизни, которая выработывается изъ безсознательнаго состоянія, переходитъ черезъ рядъ фазисовъ полусознательности, принудительной безотвѣтственной дѣятельности, до состоянія вполнѣ сознательнаго и отвѣтственнаго передъ собою, до обдуманнаго плана дѣятельности, охватывающаго всѣ частности жизни, всю работу критики, всѣ обобщенія философскихъ міросозерцаній, всѣ идеалы истины и справедливости въ ихъ теоретической выработкѣ и въ ихъ практическомъ соціальномъ осуществленіи. Это значеніе мысли признано критикою и подтверждается рядомъ непрерывныхъ изслѣдованій. Роль мысли есть, по своей сущности, роль развивающаго и развивающагося элемента личной жизни.

Эта роль заключается главнымъ образомъ въ процессѣ *различенія* и *отличенія* [5]). Развитіе мысли состоитъ въ увеличеніи тонкости и точности различенія разныхъ свойствъ одного предмета, разныхъ частностей одного представленія или понятія, а также въ болѣе раціональномъ и гармоническомъ отличеніи группъ обособленныхъ явленій и предметовъ, въ процессѣ группировки ихъ въ систематическое цѣлое.

Но роль мысли не ограничивается личной жизнью. *Общая* мысль соединяетъ людей для общаго дѣла и становится элементомъ соціологическаго развитія. Вслѣдствіе этого она получаетъ и историческое значеніе, какъ элементъ общечеловѣческаго прогресса. Относительно роли мысли въ общественномъ движеніи вообще раціональныя изслѣдованія начались не особенно давно и результаты ихъ еще недостаточно распространены, чтобы можно было считать ихъ общепринятыми. Тоже самое можно сказать о роли мысли въ исторіи, роли тѣсно связанной съ предыдущимъ вопросомъ, хотя въ новѣйшее время изученіе исторіи неизбѣжно вело мыслителей къ признанію значительности этой роли.

лахъ или одобренный господствующими церквами, можетъ служить примѣромъ.

[5]) О процессѣ различенія и отличенія см. первый отдѣлъ «Очерковъ систематическаго знанія» въ «Знаніи» 1871 г. Ноябрь.

Не обращаясь къ философамъ-идеалистамъ, которые, подобно Гегелю, видѣли въ исторіи *только* процессъ развивающейся идеи [6]), ограничиваюсь небольшимъ числомъ болѣе новыхъ авторовъ, преимущественно же тѣхъ, которые въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ держались всего ближе научныхъ данныхъ.

Огюстъ Контъ писалъ въ 1838 г. [7]):

«Во всѣ времена, начиная съ перваго порыва философской мысли, было признано болѣе или менѣе ясно, но никогда не встрѣчало опроверженія, что въ исторіи общества особенно господствуетъ исторія человѣческаго ума.... Такимъ образомъ существуетъ очевидная научная необходимость распредѣлить совокупность историческаго анализа по отношенію (анализируемыхъ фактовъ) къ одному преобладающему развитію, для того, чтобы предотвратить спутанность и темноту, которую произвелъ бы неизбѣжно всякій иной ходъ, какъ въ изложеніи, такъ даже въ пониманіи подобной системы взаимно-зависимыхъ и единовременныхъ развитій; вслѣдствіе этой необходимости, мы, очевидно, должны здѣсь выбрать или скорѣе сохранить общую исторію человѣческаго ума, какъ естественное и постоянное руководство всякаго историческаго изученія человѣчества».

Въ 1861 г. гентскій профессоръ Лоранъ печаталъ въ предисловіи ко второму изданію перваго тома своихъ историческихъ этюдовъ [8]): «Исторія міра есть въ концѣ концовъ лишь исторія развитія мысли».

Въ 1867 г. на собраніи нѣмецкихъ натуралистовъ въ Дюссельдорфѣ антропологъ Шафгаузенъ говорилъ [9]): «Если сравнимъ исторію человѣчества съ могущественною рѣкою, то политическія событія, которыя долгое время исключительно считались исторіею, представятъ лишь рябь на поверхности воды, рябь, которая въ минуты бури можетъ обратиться въ волны громадной высоты, но движеніе сообщается рѣкѣ непрестанною работою человѣческой мысли».

Наконецъ въ послѣднемъ своемъ трудѣ, появившемся въ прошломъ году, французскій математикъ и мыслитель Курно объясняетъ планъ

---

[6]) «Вся всемірная исторія до сихъ поръ и исторія философіи въ особенности, представляетъ лишь эту борьбу... борьбу конечнаго самосознанія съ безусловнымъ самосознаніемъ, которое казалось первому лежащимъ внѣ его» (Hegel's Werke, XV, 689—690).

[7]) *Aug. Comte*: «Cours de philosophie positive» IV (3 ed. 1869), 460.

[8]) *F. Laurent*: «Etudes sur l'histoire de l'humanité» I. L'Orient (2 ed. 1861), pref. VI.

[9]) Рѣчь его напечатана въ переводѣ въ «Anthropological Review» (1867) подъ заглавіемъ: «The struggle of man with nature». Цитата со стр. 278.

своего труда въ слѣдующихъ словахъ, которыми начинаетъ предисловіе [10]):

«Въ большинствѣ большихъ исторій, которыя въ наше время пишутся заново или снова, къ подробному разсказу политическихъ и военныхъ событій, на которыя продолжаютъ смотрѣть какъ на основаніе исторіи, авторы имѣютъ привычку присоединять, въ формѣ добавленія или привѣска, очеркъ успѣховъ человѣческаго ума въ наукахъ, искусствахъ, промышленности за тотъ же періодъ времени. Почему не слѣдовать иногда обратному порядку, принимая за основу предмета работу человѣческаго ума, а за добавку или привѣсокъ.... то, что составляетъ какъ бы біографію въ обширныхъ размѣрахъ, біографію націи или человѣческаго рода».

Изъ нашей литературы припомню читателю лишь одну цитату, опредѣляющую задачу исторіи цивилизаціи и роль мысли въ этой исторіи [11]):

«Исторія цивилизаціи должна показать: какъ изъ естественныхъ потребностей развилась первая культура; какъ она немедленно прибавила къ естественнымъ потребностямъ искусственныя въ формѣ привычекъ и преданій; какъ мысль работала на этой почвѣ, увеличивая знаніе, уясняя справедливость, округляя философію, воплощая свои пріобрѣтенія въ жизнь; какъ этимъ путемъ возникалъ рядъ культуръ, смѣнявшихъ одна другую; какъ ихъ формы давали болѣе или менѣе простора работѣ мысли; какъ цивилизаціи, такимъ образомъ возникавшія, развивались критическою борьбою личностей, ослабляли и губили сами себя недостаточнымъ пониманіемъ требованій справедливости, или впадали въ застой отъ недостаточной работы въ нихъ критической мысли, или дѣлались жертвою внѣшнихъ историческихъ катастрофъ; какъ періоды усиленной работы критической мысли ускоряли и оживляли прогрессивное движеніе человѣчества; какъ смѣнялись они періодами господства преданій, еще сильныхъ въ массѣ, недостаточно развитой передовымъ меньшинствомъ; какъ критическая мысль снова продолжала работать подъ самыми неудобными повидимому формами, подъ самыми странными девизами; какъ росли и сталкивались партіи; какъ мѣнялся смыслъ великихъ принциповъ на ихъ знаменахъ; какъ критика, и только одна критика, вела человѣчество впередъ; какъ ложныя идеализаціи мало по малу смѣнялись истинными; какъ расширялась область истины; какъ уяснялась и воплощалась въ жизнь личностей и въ общественныя фор-

[10]) *Cournot*: «Considérations sur la marche des idées et des evenements dans les temps modernes» (1872). I, pref. 1.

[11]) *П. Л. Миртова*: «Историческія письма» (1870) 240—242.

мы справедливость; какъ падали предъ ними самыя прочныя преданія, исчезали самыя закоренѣлыя привычки, оказывались немощными самыя громадныя силы; какъ въ драму исторіи вписывали свои имена личности, національности, государства, поочередно становясь органами то прогресса, то реакціи; какъ выработался въ нынѣшнемъ человѣчествѣ тотъ идеалъ прогрессивной дѣятельности, который борется въ наше время противу всѣхъ ложныхъ идеализацій и явно реакціонныхъ стремленій, его окружающихъ, противу наслоившихся культурныхъ привычекъ и преданій стараго времени, противу индифферентизма большинства.

«Еще короче задачу исторіи можно выразить такъ: показать, какъ критическая мысль личностей переработывала культуру обществъ, стремясь внести въ цивилизацію ихъ болѣе истины и справедливости».

Но, допуская справедливость подобнаго воззрѣнія, и потому имѣя въ виду выдѣлить изъ общаго теченія исторіи цивилизаціи тотъ элементъ, который составляетъ самую исторію мысли, мы поставлены въ необходимость прежде всего разсмотрѣть, хотя бы вкратцѣ, вопросы: въ какихъ формахъ проявляется мысль? въ чемъ именно заключается элементъ мысли въ историческомъ движеніи? какъ различныя формы мысли, получая отдѣльно или вмѣстѣ преобладаніе въ нѣкоторыя эпохи исторіи, тѣмъ самымъ обусловливаютъ различныя историческія явленія въ ихъ разнообразіи? какіе элементы внѣ элемента мысли участвуютъ въ теченіи исторіи, какъ они обусловливаютъ это теченіе и каково ихъ отношеніе къ элементу мысли?

Разсматривая мысль въ ея различныхъ формахъ и изучая каждую изъ этихъ формъ въ ея генезисѣ, мы легко убѣждаемся, что всѣ эти формы имѣютъ одну и ту же общую точку исхода, именно безразличіе безсознательнаго состоянія. Изъ него постепенно выработываются инстинкты мысли и начинаютъ обособляться. Это обособленіе растетъ съ увеличеніемъ сознательности, которая вноситъ рѣзкую характеристику въ каждую область мысли. Но чѣмъ долѣе работаетъ мысль въ каждой отдѣльной области, тѣмъ болѣе въ ней развивается потребность внести единство во всѣ свои сферы. Одна изъ отраслей мысли, именно объединяющая мысль, получаетъ преобладаніе надъ остальными, и окончательная цѣль всякаго развитія мысли заключается въ объединеніи всѣхъ формъ дѣятельности въ общемъ міросозерцаніи, не только охватывающемъ міръ мысли, но воплощающемся и въ міръ дѣйствія [12]).

[12]) Для послѣдующаго см. третій отдѣлъ «Очерковъ систематическаго знанія»: Главныя сферы человѣческой мысли, въ «Знаніи» 1872 Августъ, 1873 Апрѣль, Іюнь. Тамъ разсмотрѣны явленія каждой области мысли отдѣльно; здѣсь же они указаны генетически. Ср. таблицу въ концѣ §.

Изъ безсознательнаго состоянія выдѣляются инстинктивно, безъ всякаго участія сознательной воли, процессы мысли, въ которыхъ воспринятіе впечатлѣній извнѣ самымъ тѣснымъ образомъ связано съ воздѣйствіемъ особи на внѣшній міръ; мысль нераздѣльна отъ дѣйствія и во всѣхъ своихъ проявленіяхъ всего ближе подходитъ къ формѣ рефлекса; аффектъ невыдѣлимъ и неотличимъ отъ мысли, не окрашенной чувствомъ; способъ выраженія невыдѣлимъ отъ выражаемаго содержанія. На этой ступени прямой рефлексъ мало по малу разлагается на свои элементы; между впечатлѣніемъ и автоматическимъ движеніемъ уясняется сознательно состояніе, какъ разнообразныя ощущенія, какъ инстиктивно формирующіяся изъ нихъ представленія, какъ пріобрѣтенныя привычки ассоціаціи нѣкоторыхъ ощущеній и представленій, или нѣкоторыхъ формъ мысли и дѣйствія. На этой ступени практическая дѣятельность сознается какъ результатъ прямыхъ животныхъ побужденій или необсуждаемыхъ привычекъ, какъ безотвѣтственная дѣятельность, животная или рутинная. На этой ступени выработываются разныя формы выраженія мысли и чувства, тоже полурефлекторныя, полусознательныя, но вовсе не разсчитанныя; выработывается мимика движенія, модуляціи звука голоса, членораздѣльное слово, характеристическій знакъ для передачи мысли. Наряду съ этой первоначальной теоретическою работою мысли, первоначальною практическою дѣятельностью воли и первоначальнымъ патетическимъ творчествомъ формъ, начинается инстинктивно и работа мысли объединяющей, создающей единое ощущеніе изъ разнообразныхъ впечатлѣній, единое представленіе изъ совокупности многихъ ощущеній, воплощающей сложное состояніе духа въ одно выраженіе.

Сознаніе аффекта, какъ особаго побужденія, сообщающаго опредѣленность цѣли, составляетъ второй фазисъ мысли, значительно уясняющій ея процессъ. Подъ вліяніемъ аффекта человѣкъ (и всякое существо, способное къ аффекту) усвоиваетъ сознаніе различія предметовъ по симпатіямъ и антипатіямъ, ими внушаемымъ, располагаетъ ихъ въ нѣкоторомъ послѣдовательномъ порядкѣ по предпочтенію одного другому. Дѣятельность перестаетъ подчиняться несознанному или неясному побужденію инстинкта и привычки; она руководится сознаннымъ аффектомъ, обращается въ дѣятельность аффективную. Аффекты, сталкиваясь между собою, вступая въ борьбу, вызываютъ начало дѣятельности, которая становится какъ бы разсудительною, допускаетъ нѣкоторую долю иллюзіи свободнаго и сознательнаго выбора. Процессъ мысли начинаетъ отличать вѣрное достиженіе желаемаго, цѣли аффекта, отъ попытки немедленно удовлетворить аффектъ. Начинаетъ выясняться пред-

ставленіе о пользѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ обособляется рядъ дѣйствій, которыя совершаются съ опредѣленною цѣлью, поставленною аффектомъ, но сами остаются свободны отъ непосредственнаго вліянія аффекта: пріобрѣтаются разныя умѣнья, выработывается разнообразная техника. Съ другой стороны аффектъ, проникая въ область мышленія, по мѣрѣ упражненія и развитія послѣдняго, группируетъ представленія и привычки по степени ихъ привлекательности или некритической убѣдительности для мысли. Представленія, преобладающія въ этомъ отношеніи, выработываются въ личное вѣрованіе. На этой привлекательной, неотразимо-убѣдительной почвѣ развивается совершенно обособленная область мысли, область *религіознаго творчества*, самый совершенный и самый сознательный продуктъ *некритической мысли*.

Въ другихъ сферахъ обособленіе тоже совершается при разнообразныхъ условіяхъ въ томъ же фазисѣ мышленія, или, вѣрнѣе говоря, мысль, развивающаяся подъ вліяніемъ аффекта, незамѣтно вноситъ въ разныя сферы своего развитія, при невыдѣлимости аффекта, бо́льшую обдуманность въ достиженіи цѣли. *Практическая мысль* обособляется сознательно, какъ цѣлесообразная дѣятельность, въ виду наслажденія. *Эстетическое творчество* выработываетъ формы сознательнаго *искусства* изъ полуинстинктивныхъ способовъ выраженія мысли и чувства. Одна объединяющая мысль при отсутствіи критики не можетъ еще достигнуть сознательныхъ проявленій въ своей области; она выработываетъ формы мысли, объединяющія общественную жизнь, но не вполнѣ сознательныя для личныхъ дѣятелей; разнообразные процессы теоретической и практической дѣятельности, обычаи, вѣрованія, произведенія искусства и ремесленной техники, біографическія и общеисторическія явленія группируются подъ вліяніемъ обмѣна мыслей и фактовъ общежитія въ рядъ болѣе или менѣе господствующихъ, болѣе или менѣе сознательныхъ міросозерцаній, въ *общественную философію*, характеризующую данную эпоху и данную страну. Всѣ эти обособленныя группы нельзя еще отнести къ продуктамъ мысли критической, но нельзя не признать, что, при ихъ обособленіи, фазисы инстинкта и аффекта уже пройдены и мы стоимъ на рубежѣ совершенно иныхъ явленій.

Эти явленія суть явленія *критики мысли* и опредѣляются по своимъ особенностямъ, когда является первое сознательное стремленіе удалить аффектъ изъ процесса теоретической мысли, получить результатъ размышленія не такимъ, какимъ мы его желаемъ для нашей пользы и въ виду нашего вѣрованія, но такимъ, каковъ онъ есть самъ по себѣ. На пріобрѣтенномъ техническомъ умѣньѣ — въ процессѣ котораго наи-

менѣе участвовалъ аффектъ — выработывается *критическая мысль*, руководимая потребностью достиженія истины, а съ появленіемъ критической мысли обособляется и развивается область *знанія*, сначала какъ знаніе эмпирическое, потомъ какъ болѣе или менѣе связная, болѣе или менѣе цѣльная *наука*. На сферу религіи критика мысли дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ, подрывая самыя ея основанія и замѣняя ее совершенно инымъ продуктомъ — *критикою творчества*. Въ сферѣ дѣятельности объединяющей мысли критика мысли обусловливаетъ выработку *понятій*, какъ элементовъ мысли критически объединенныхъ изъ пестраго разнообразія ощущеній и представленій; систематическая группировка основныхъ понятій — категорій, ихъ производныхъ болѣе сложныхъ продуктовъ и болѣе отвлеченныхъ формулъ составляетъ связующее звѣно между критическою и объединяющею мыслью. Въ сферѣ практической мысли, критика мысли проявляется большею опредѣленностью цѣлей и болѣе строгимъ отличеніемъ ихъ группъ. Эгоистическая дѣятельность въ виду личной пользы противуполагается самоотверженной дѣятельности, обращенной на благо отдѣльныхъ личностей или на благо общества въ одной изъ его формъ. Эти три группы цѣлесообразной дѣятельности, для того чтобы сохранить свою цѣлесообразность, вызываютъ три отдѣла критики практической мысли, именно, критику пользы, критику достоинства личностей и критику общественныхъ формъ. Всѣ эти пріемы критики ведутъ къ распредѣленію практическихъ понятій, руководящихъ человѣка въ жизни, по лѣстницѣ лучшаго и худшаго, лѣстницѣ, которая, по мѣрѣ вдумыванія въ нее, становится для человѣка лѣстницею критически-обязательнаго или основою нравственно-обязательныхъ убѣжденій. Это приводитъ къ послѣднему роду цѣлесообразной дѣятельности, къ *дѣятельности нравственной*, требующей критики убѣжденій и возбуждающей въ личности сознаніе отвѣтственности за свои дѣйствія.

Но во всѣхъ окончательныхъ результатахъ критики мысли, полученныхъ здѣсь въ разныхъ сферахъ, она сама собою вела къ новымъ задачамъ. Какъ цѣльная наука, какъ систематика понятій, какъ выработка убѣжденій, распредѣляющихъ въ данной перспективѣ практическія побужденія, какъ критика творчества, подводящая формы некритической мысли подъ понятыя категоріи мысли критической, — критика мысли ставитъ себѣ задачею объединеніе различныхъ сферъ въ ихъ отдѣльности и въ ихъ связи. Изъ процесса уясненія категорій теоретической и практической мысли выработывается въ полной сознательности *мысль объединяющая* и обособляетъ свою особую сферу дѣятельности, которая пріобрѣтаетъ господствующее вліяніе на всѣ остальныя. Философія

воплощается въ сознательныя, личныя систематическія міросозерцанія. Она объединяетъ науку гипотетическими построеніями. Она объединяетъ практическую сферу убѣжденій въ личности обособленной, какъ сферу личнаго развитія; въ личности, сознающей свою связь съ обществомъ, какъ сферу общественной дѣятельности; въ личности, сознающей свое мѣсто въ исторіи, какъ сферу дѣятельности исторической. Вполнѣ сознательное единство теоретической и практической дѣятельности, при строгомъ критическомъ различеніи ихъ элементовъ и при стройной группировкѣ ихъ отличимыхъ группъ, составляетъ высшій мыслимый результатъ развитія мысли.

Такимъ образомъ мы получили въ этомъ краткомъ очеркѣ генезиса мысли пять основныхъ ея формъ: мысль некритическую (инстинктивную и религіозную); мысль критическую, мысль объединяющую, мысль практическую и эстетическое творчество. Первыя три формы мысли составляютъ собственно теоретическую дѣятельность мысли.

Пяти основнымъ формамъ мысли, въ ихъ болѣе полномъ развитіи, соотвѣтствуютъ пять главныхъ сферъ ея: религія, наука, философія, жизнь, искусство. При этомъ единство человѣческаго существа выражается во взаимнодѣйствіи разныхъ формъ мысли и въ томъ, что каждая главная сфера ея, преимущественно опредѣляемая одною изъ основныхъ ея формъ, заключаетъ въ себѣ невыдѣлимые элементы всѣхъ остальныхъ.

Для бо̀льшей наглядности отношеній между упомянутыми здѣсь явленіями мысли прилагаю таблицу схематически группирующую ихъ.

§ 2. Элементъ необходимости въ исторіи.

Переходя къ вопросу о роли мысли въ исторіи вообще, мы должны уяснить себѣ, въ чемъ заключается задача исторіи?

Исторія отличается отъ прочихъ человѣческихъ знаній тѣмъ, что въ ней группы явленій не повторяются; вѣчно возникаютъ въ ней новыя комбинаціи предшествующихъ обстоятельствъ, которыя приводятъ къ событіямъ, лишь однажды совершающимся. Слѣдовательно, слова—*законъ* и *пониманіе* въ приложеніи къ исторіи имѣютъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ въ другихъ областяхъ мысли.

Законъ въ математикѣ и естествознаніи заключается въ общей формулѣ для связи явленій, формулѣ, которая имѣетъ безчисленное множество приложеній въ настоящемъ, въ прошедшемъ и въ будущемъ. Понять какую либо область знанія—значитъ свести ея явленія на возможно-меньшее число такихъ общихъ формулъ, которыя находятъ себѣ

Схема главныхъ сферъ человѣческой мысли.

Главныя формы мысли.	Некритическая мысль.	Критическая мысль.	Объединяющая мысль.	Практическая мысль.	Эстетическое творчество.
Главн. сферы ея.	Религія.	Наука.	Философія.	Жизненная дѣятельность.	Искусство.
Психическіе фазисы: инстинктъ (подготовленіе мысли).	Рефлексы.		Единство ощущенія.	Автоматическая дѣятельность.	движеніе, звукъ, слово, знакъ.
	Ощущенія.		Единство представленія.	Животная дѣятельность.	
	Представленія.		Единство выраженія.	Рутинная дѣятельность.	
	Привычки.				
аффектъ.	Личное вѣрованіе.	Умѣнье (Техника).		Аффективная дѣятельность.	
	Религіозное творчество.				Искусства.
			Общественная философія.	Цѣлесообразная дѣятельность въ виду наслажденія	
		Эмпирическое знаніе.		эгоистическая дѣятельность. / самоотверженная дѣятельность.	
критика мысли	Критика творчества.	Наука.	Единство понятія.	(критика пользы). / для личностей (критика личнаго достоинства). / для общества (критика общественныхъ формъ).	
				Нравственная дѣятельность. (критика убѣжденія).	
				Личное развитіе.	
				Общественная дѣятельность.	
Сознательное творчество.		Гипотетическое построеніе.	Систематическое міросозерцаніе.	Историческая дѣятельность.	

приложеніе всегда и вездѣ въ этой области, такъ, чтобы сквозь пеструю ткань *разнообразныхъ* явленій мысль ученаго постоянно усматривала повтореніе однихъ и тѣхъ же основныхъ началъ. Такихъ законовъ въ исторіи совсѣмъ нѣтъ, и то, что представляетъ нѣчто подобное въ теченіи историческихъ событій, есть законъ не исторіи, а соціологіи, феноменологіи духа, физики земли и т. д. Напримѣръ, Огюстъ Контъ открылъ законъ перехода человѣческихъ міросозерцаній отъ теологической точки зрѣнія, чрезъ метафизическую, къ позитивной; это, дѣйствительно, законъ, представляющій множество примѣровъ, но это законъ феноменологіи духа, который имѣетъ приложеніе къ единичной личности, какъ къ отдѣльному обществу или къ цѣлому человѣчеству. Бокль развилъ вліяніе духовенства и военнаго сословія на жизнь общества, и это — законъ повторяющихся явленій, но явленій соціологическихъ. Риттеръ и другіе выставили на видъ связь между формою страны и ея исторіею; хотя нельзя сказать, что выводы, полученные до сихъ поръ въ этой области, безспорны, но связь существуетъ и законы ея могутъ быть изслѣдованы, такъ что, со временемъ, можно будетъ опредѣлить болѣе точно вліяніе формы страны, избираемой новыми поселенцами, на ихъ будущую исторію; но опять, это не будетъ законъ исторіи, а законъ физики земли, т. е. законъ связи между морфологіею материка и антропологіей. Законы соціологіи, феномонологіи духа, физики земли входятъ составными частями въ исторію и служатъ къ уясненію ея отдѣльныхъ фактовъ, но на столько же, на сколько законы химіи и механики входятъ въ физіологію и служатъ для уясненія процессовъ жизни.

Чтобы уяснить себѣ смыслъ, въ которомъ можно употреблять слово *законъ* въ исторіи, укажемъ на двѣ аналогичныя области. Геологи опираются на законы механики, физики и химіи, чтобы объяснить образованіе того или другаго слоя земной коры; но когда они говорятъ о законѣ, по которому расположены слои, формаціи и этажи этой коры, они ищутъ законъ геологической послѣдовательности событій въ исторіи земли. Дарвинъ и Ламаркъ установили законы органической морфологіи, указывая на явленія измѣненія органическихъ формъ въ связи съ процессами вліянія среды, борьбы за существованіе, доставляемыми физикою земли; но Гэккель пытался найти законъ послѣдовательнаго развитія органическаго міра, когда онъ далъ классификацію органическихъ существъ, построенную въ формѣ ихъ генеалогіи.

Точно также законъ исторіи можетъ заключаться лишь въ раціональномъ объясненіи всего теченія исторіи въ ея прошедшемъ и будущемъ, при пособіи законовъ вспомогательныхъ наукъ. Законъ исторіи

заключается лишь въ *необходимой* связи событій, сведенной на возможно-меньшее число условій, ее объясняющихъ, въ различеніи *существенныхъ* элементовъ ткани явленій между разнообразными усложненіями этой ткани, въ уясненіи *главныхъ* узловъ среди всесторонняго сплетенія и развѣтвленія фактовъ. Задача исторіи, какъ науки, ближе подходитъ къ задачѣ наукъ классификаціонныхъ. И тамъ надо найти *необходимыя* условія появленія классифицируемыхъ формъ, *существенныя* черты этихъ формъ въ отличіе отъ несущественныхъ, и образовать *главныя* группы, которымъ бы подчинялись группы второй и третьей степени. Отсюда слѣдуетъ, что пониманіе исторіи предполагаетъ именно усвоеніе необходимости ея теченія, выясненіе въ ней существенныхъ элементовъ и главныхъ ея раздѣленій.

Научная задача этимъ кончается, но философская задача идетъ далѣе и обусловливается, какъ и слѣдовало ожидать, тѣмъ міросозерцаніемъ, которое руководитъ философа. Для теиста, исторія, въ своемъ необходимомъ теченіи, представляетъ цѣлесообразный процессъ, причемъ цѣль поставлена сознательнымъ и разумнымъ существомъ, которое руководило человѣчество къ этой цѣли, располагая материки, вызывая эпидеміи, выводя національности на историческую сцену и порождая въ нихъ руководящія личности, чтобы совокупностью этихъ физическихъ и психическихъ условій, взаимодѣйствіемъ массъ и личностей осуществить провиденціальную цѣль исторіи. Для идеалиста исторія должна представить воплощеніе элементовъ феноменологіи духа, реализируемыхъ народами и событіями въ той же логической послѣдовательности, въ которой они развиваются въ мысли человѣка. Для антропологиста исторія представляетъ постепенное развитіе тѣхъ началъ, которыя человѣческая мысль сознаетъ, какъ существенные руководители своего собственнаго развитія, подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій среды, которую та же мысль сознаетъ, какъ вліяющую на все существо человѣка.

Становясь на антропологическую точку зрѣнія, мы постараемся, во-первыхъ, уяснить себѣ участіе элемента *необходимости* въ процессѣ исторіи, и затѣмъ установить необходимыя условія этого процесса; во-вторыхъ, постараемся указать *существенныя* черты его; наконецъ, установить, на основаніи предыдущаго, *главные* пункты раздѣленія для процесса исторіи.

Для пониманія процесса исторіи въ его общемъ значеніи довольно важенъ вопросъ объ отношеніи естественной необходимости и цѣлесообразной дѣятельности человѣка въ развитіи историческихъ событій, и вообще эта антиномія представляетъ едва ли не важнѣйшій философскій

вопросъ нашего времени. Большинство системъ нашего времени или отдѣлываются отъ этого затрудненія словами, или становятся на одну сторону вопроса, игнорируя другую. Но затрудненіе отъ этого не дѣлается меньше прежняго. Послѣдовательная и стройная философская система должна рѣшить вопросъ въ его самой трудной формѣ, не скрывая отъ себя всѣхъ возможныхъ возраженій, иначе она признаетъ свою несостоятельность и не имѣетъ причины существовать. Вопросъ о свободной волѣ и предопредѣленіи возникъ сначала какъ вопросъ религіозный, и это обстоятельство побуждаетъ многихъ современныхъ мыслителей оставить его въ сторонѣ, какъ нѣчто, не входящее въ предѣлы раціональнаго изслѣдованія [1]) Но архаическая форма не должна скрывать отъ изслѣдователя живаго содержанія, если оно существуетъ, а вѣроятность подобнаго содержанія довольно значительна уже изъ того, что самыя нетеологическія школы (какъ матеріалисты и позитивисты) неизбѣжно приходятъ къ вопросамъ: На сколько для человѣка возможно вліять путемъ цѣлей, имъ поставленныхъ и критически обсужденныхъ, на мелкія и важныя событія, около него совершающіяся? Можно ли произносить нравственный судъ надъ дѣйствіями человѣка? Можетъ-ли личность ставить себѣ цѣли, обсуждать ихъ и воплощать ихъ въ жизни? Въ своей рѣчи, читанной въ Бордо 1-го февр. 1871 г., позитивистъ Литтрэ допускаетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, возможность «измѣнять (modifier) исторію» [2]). Генне-ам-Ринъ въ введеніи къ исторіи цивилизаціи новаго времени говоритъ уже совершенно прямо о долѣ человѣческой свободы въ исторіи [3]). Едва-ли какой либо мыслитель, упоминая о дѣятельности человѣка, частной или политической, можетъ устранить эти вопросы. И они имѣютъ не одно метафизическое значеніе. Долгіе споры метафизиковъ по этому поводу могутъ столь же мало затемнить для насъ сущность дѣла, какъ и полемика Августина съ Пелагіемъ или Лютера съ Эразмомъ.

Въ наше время основное положеніе детерминистовъ: «все имѣетъ свою необходимую причину и свое неизбѣжное слѣдствіе» есть аксіома естествознанія, не допускающая исключенія. Въ то же время вся наша практическая жизнь, частная и общественная, всѣ наши сношенія, всѣ наши сужденія о людяхъ опираются на столь же основное положеніе противниковъ детерминизма: каждый человѣкъ ставитъ и долженъ

---

[1]) Наприм. см. *Троицкій*: «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи» (1867), 265 и слѣд.

[2]) «La Philosophie positive» 1871, Nov.—Dec.; 390.

[3]) *Henne-Am-Rhyn*: «Die Kulturgeschichte im Lichte des Fortschritts» (1869), 16.

ставить себѣ цѣли; подвергаетъ, можетъ и долженъ подвергать эти цѣли критикѣ; подлежитъ и долженъ подлежать оцѣнкѣ, смотря по свойству цѣлей, имъ поставленныхъ, и средствъ, имъ употребляемыхъ для достиженія этихъ цѣлей. — При послѣдовательномъ принятіи перваго положенія и перенесеніе его *одного* въ область практическаго мышленія, выборъ цѣлей и средствъ, критическое ихъ обсужденіе, нравственный судъ надъ ними суть не болѣе, какъ субъективныя иллюзіи; этика не существуетъ; соціологія ограничивается описаніемъ наблюдаемыхъ фактовъ; человѣкъ не можетъ измѣнять не только теченіе исторіи, но и теченіе обыденныхъ событій, подобно тому, какъ желудокъ не можетъ самъ по себѣ измѣнить процессъ перевариванія пищи, въ немъ совершающійся по неизмѣннымъ законамъ, или какъ падающая капля дождя не можетъ измѣнить свою траекторію и отодвинуть хотя бы на одну милліонную долю миллиметра вправо то мѣсто, гдѣ она упадаетъ на землю. Вся наша практическая жизнь становится сознательно безсмысленною совокупностью дѣйствій. Мы не можемъ выбирать дѣйствія, потому что оно неизбѣжно вытекаетъ изъ всѣхъ предшествующихъ условій и, между тѣмъ, не можетъ уклониться отъ выбора, потому что и онъ неизбѣженъ. Нравственный судъ надъ чѣмъ либо нелѣпъ, потому что ничто не могло совершиться иначе какъ оно совершилось, но онъ въ то же время необходимъ, потому что бываетъ вызванъ опредѣленными предшествующими условіями.—Если же мы принимаемъ *только* положеніе противниковъ детерминизма, то гдѣ можетъ остановиться вліяніе человѣческаго произвола въ выборѣ цѣлей и средствъ? Неразрывная цѣпь причинъ и слѣдствій, связывающая все сущее, превращается въ ничто, если мы разорвемъ въ ней одно, самое маленькое, звѣно. Когда мы можемъ «измѣнить» хотя на сколько нибудь теченіе исторіи, то нѣтъ причины, почему, при достаточномъ знаніи и достаточной предусмотрительности, мы не могли бы измѣнить и всего хода исторіи, а затѣмъ почему же не измѣнить силою воли законовъ физики? Дайте самую малую долю вліянія произволу личности и — настоящее естествознаніе не существуетъ; не существуетъ и ни одного неизмѣннаго закона, а слѣдовательно, и никакой науки.

Эта антиномія, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть разрѣшена ни однимъ ученіемъ, которое пытается узнать вещи, *какъ онѣ есть*. Позитивисты и матеріалисты столь же безсильны въ этомъ случаѣ, какъ и защитники свободной воли и юристы, возлагающіе на личность полную отвѣтственность за ея дѣйствія. Первые неизбѣжно прилагаютъ ко всему *только* объективную мѣрку, но столь же неизбѣжно приходятъ къ теоретическимъ и практическимъ цѣлямъ, которыя они

себѣ ставятъ, обсуждаютъ, взвѣшиваютъ, выбираютъ: къ похвалѣ и порицанію человѣческихъ дѣйствій, около нихъ совершающихся; между тѣмъ вся эта послѣдняя группа мыслей и дѣятельности не имѣетъ ни малѣйшаго смысла по ихъ ученію и не можетъ быть выведена изъ него. Вторые и въ самой тѣсной сферѣ человѣческихъ дѣйствій наталкиваются на патологическія состоянія духа, на страсти, привычки и безсознательныя дѣйствія, гдѣ ихъ теорія недостаточна, гдѣ приходится предъ самымъ возмутительнымъ преступленіемъ сказать, что преступникъ невиновенъ нравственно и юридически; природа же для нихъ совсѣмъ непонятна.

Устранить эту антиномію можно только, сходя на *антропологическую* точку зрѣнія, т. е. отказываясь во всѣхъ сферахъ отъ познанія вещей *въ нихъ самихъ*, независимо отъ *нашего* способа воззрѣнія, обусловливаемаго *нашею* природою. *Человѣческая* природа во взаимодѣйствіи того, что *мы* называемъ ощущеніями, представленіями, понятіями, ставитъ предъ *нами* міръ, который мы *познаемъ* по необходимымъ *для насъ* законамъ *нашего* познаванія и на который мы *дѣйствуемъ* по столь же необходимымъ *для насъ* законамъ поставленія цѣлей и обсужденія ихъ, какъ логически соотвѣтственныхъ другъ другу, какъ пріятныхъ для нашего воображенія, какъ полезныхъ по болѣе обширнымъ соображеніямъ, какъ нравственныхъ по нашимъ убѣжденіямъ. То и другое *для насъ* равно неизбѣжно и равно истинно *въ своей* сферѣ. *Объективная* истина составляетъ содержаніе нашего *познанія* объективнаго міра вообще и науки о природѣ въ ея цѣломъ; для этой науки внѣ *объективной* реальности нѣтъ ничего, и внѣ *объективнаго* метода познанія нѣтъ средствъ знат. истину. *Субъективная* истина составляетъ содержаніе нашего *эстетическаго* вкуса, нашего *нравственнаго убѣжденія* и тѣхъ наукъ, въ которыхъ эстетическая и нравственная оцѣнка входитъ какъ реальный фактъ, подлежащій изслѣдованію, критикѣ, сравненію, повѣркѣ, обобщенію, словомъ—всѣмъ научнымъ процессамъ. Поэтому въ эстетикѣ и этикѣ *субъективный* методъ познаванія даетъ столь же реальные факты и столь же научные выводы, какъ объективный въ біологіи. Поэтому же въ соціологіи приходится соединить объективный методъ, для опредѣленія фактическихъ данныхъ въ ихъ зависимости и послѣдовательности, съ субъективнымъ методомъ, для опредѣленія цѣлей, которымъ долженъ удовлетворить общественный строй, а также той цѣли, къ которой личности должны направлять общественныя реформы. Цѣли, которыя ставитъ себѣ личность въ частной и общественной дѣятельности, возможность критическаго отношенія къ нимъ, нравственный судъ надъ дѣятельностью

во имя развивающагося убѣжденія, возможность участія личности въ реформѣ общества, согласной съ нравственнымъ идеаломъ личности, или противорѣчащей этому нравственному идеалу, все это—практическія реальности въ этикѣ и соціологіи. Необходимые законы природы и объективныя данныя общественныхъ формъ суть въ этой сферѣ мышленія лишь матеріалы и средства, которыя личность должна брать въ соображеніе для реализированія своихъ субъективныхъ идеаловъ, условія возможности или невозможности осуществленія этихъ идеаловъ.

Но это—иллюзія, возразятъ мнѣ: всякая мысль личности и всякое ея дѣйствіе суть неизбѣжные результаты предъидущаго процесса, въ ней и внѣ ея совершившагося; ей *кажется*, что она ставитъ себѣ цѣли, что подвергаетъ ихъ критикѣ и свободному выбору, что ищетъ средства достигнуть цѣли и колеблется въ рѣшимости дѣйствовать. Въ дѣйствительности всѣ эти процессы совершаются въ ней въ необходимой послѣдовательности и составляютъ придаточный механизмъ для окончательнаго дѣйствія, какъ треніе зубчатыхъ колесъ и вращеніе ихъ въ пильной машинѣ.

Объективно оно такъ, и мы не можемъ иначе *понимать* частную и общественную дѣятельность человѣка, мы не можемъ иначе *понимать* всю природу въ ея цѣломъ, какъ въ смыслѣ необходимой механической системы. Но въ это самое механическое пониманіе міра входятъ слѣдующія объективныя положенія: личность ставитъ себѣ цѣли и стремится къ нимъ; личность сознаетъ себя свободною въ постановкѣ себѣ цѣлей и выборѣ средствъ для дѣйствія; личность развиваетъ въ себѣ нравственныя убѣжденія, подвергаетъ ихъ критикѣ, воплощаетъ ихъ въ жизнь и сама развивается въ этомъ процессѣ; развитая личность сознаетъ свое достоинство въ своемъ убѣжденіи; развитая личность сознаетъ себя *обязанною* развивать, провѣрять и воплощать свое убѣжденіе; развитыя личности сознаютъ себя *обязанными* относиться другъ къ другу сообразно ихъ обоюдному нравственному достоинству. Эти положенія составляютъ основу объективной, наблюдательной этики, независимо отъ того, суть ли они иллюзіи или истины. Но, по самымъ фактамъ, въ нихъ высказаннымъ, они суть для личности *субъективныя истины;* слѣдовательно, съ *антропологической* точки зрѣнія, для практической дѣятельности каждой личности вопросъ объ ихъ нереальности не можетъ быть даже поставленъ. Внѣ сознаваемаго міра *для человѣка* нѣтъ ничего, а *въ его сознаніи* субъективная возможность ставить себѣ цѣли, развивать въ себѣ убѣжденіе и воплощать это убѣжденіе въ жизнь столь же реальна, какъ объективный міръ, имъ сознаваемый. Субъективная истина этики ничѣмъ не уступаетъ

объективной истинѣ физики; слѣдуетъ сомнѣваться въ обѣихъ, или признавать обѣ какъ истины *для человѣка*. Если мы не можемъ объективно *понимать* все сущее иначе, какъ механическую систему, то мы не можемъ и дѣйствовать въ какой бы то ни было сферѣ, начиная научнымъ изслѣдованіемъ и кончая политической агитаціей, иначе, какъ допуская, что мы *выбрали* вопросъ, нами рѣшаемый, и партію, которой служимъ. Это — условія нашей мысли, нашего существованія, слѣдовательно условія научныя. Ограничиваясь объективнымъ методомъ, мы не взяли бы въ соображеніе въ области этики и соціологіи значительнаго числа неоспоримыхъ фактовъ наблюденія. Во имя полноты и цѣльности научнаго изслѣдованія мы *обязаны* употреблять субъективный методъ тамъ, гдѣ для насъ существуетъ истина субъективная, но неустранимая по самой нашей природѣ.

Съ этой-то *субъективной* точки зрѣнія, требующей убѣжденія, опирающагося на критику, и жизни, опирающейся на убѣжденіе, возможно и обязательно вліяніе личности на общество, которому личность принадлежитъ; возможно и обязательно вліяніе человѣка на процессъ исторіи.

Объективное наблюденіе говоритъ: общество можетъ быть сознаваемо личностью, какъ воплощающее или какъ невоплощающее ея нравственныя убѣжденія; исторія общества можетъ быть сознаваема личностью, какъ прогрессивная, т. е. какъ приближающаяся къ осуществленію нравственныхъ требованій личности, или какъ регрессивная, т. е. удаляющаяся отъ этихъ требованій. Субъективное сознаніе требуетъ отъ личности такой дѣятельности, которая бы содѣйствовала реформамъ общества въ направленіи убѣжденій личности и движенію исторіи въ смыслѣ прогресса по этимъ убѣжденіямъ. Съ этой точки зрѣнія, и *только* съ этой, личности суть дѣятели всѣхъ общественныхъ измѣненій, источники прогресса и регресса исторіи, насколько онѣ *сознательно* участвовали въ этихъ процессахъ. Онѣ *одни* суть реальные предметы соціологіи и исторіи, потому что сознаніе присутствуетъ лишь въ нихъ; всѣ же остальныя силы (климатъ, географическія условія, естественное наслѣдство расы, культурныя традиціи національности и т. д.) дѣйствуютъ лишь чрезъ посредство личностей; ни одна мысль не можетъ осуществиться въ формахъ общества или въ событіяхъ исторіи, не пройдя чрезъ сознаніе личностей. Слѣдовательно, *сознаніе* лицъ, составляющихъ общество и производящихъ исторію, есть единственный важный предметъ для научнаго соціолога и для научнаго историка. Формы общества, событія исторіи сами по себѣ не представляютъ интереса; важно лишь то: суть ли эти формы и событія результаты безсознательныхъ процес-

совъ, или въ нихъ воплощается убѣжденіе и какое именно? Представляютъ ли формы общества пособіе или противодѣйствіе тому нравственному идеалу, который выработался въ убѣжденіи изслѣдователя? Долженъ ли онъ призывать общество къ охраненію этихъ формъ, къ ихъ развитію въ данномъ направленіи, или къ борьбѣ противъ нихъ? Представляютъ ли историческія событія сознательное стремленіе къ тому прогрессу, который сознанъ историкомъ, какъ цѣль человѣческаго развитія? Которая изъ борющихся партій стремилась къ нему и понимала его яснѣе? Которая противодѣйствовала ему наиболѣе сознательно? Какія обстоятельства способствовали торжеству или пораженію представителей прогресса въ данную эпоху, подготовляли и вызвали окончательно это торжество или пораженіе? Какъ постепенно уяснялось и затемнялось въ исторіи сознаніе нравственнаго идеала, который развился въ убѣжденіи историка? Эти вопросы научны, потому что основаны на пониманіи реальныхъ фактовъ человѣческаго сознанія, которое есть необходимый, существенный и важнѣйшій элементъ общественной и исторической жизни. Пониманіе соціологіи есть не только пониманіе *необходимой* связи и фиціаціи общественныхъ формъ, оно есть еще пониманіе *возможныхъ* измѣненій для данныхъ общественныхъ формъ; оно есть, наконецъ, пониманіе нравственныхъ цѣлей, къ которымъ *должно* стремиться общество въ измѣненіи своихъ формъ. Пониманіе исторіи есть не только, какъ говоритъ Литтрэ [1]), пониманіе «условій, вслѣдствіе которыхъ общественныя состоянія слѣдуютъ одно за другимъ въ опредѣленномъ порядкѣ»; оно есть еще пониманіе возможнаго прогресса въ каждую эпоху; оно есть, наконецъ, пониманіе сознательнаго участія личностей и обществъ въ прогрессѣ человѣчества.

Предыдущее разсужденіе объ участіи необходимаго закона и объ участіи мысли и воли личностей въ процессѣ исторіи можно резюмировать въ слѣдующихъ положеніяхъ. *Какъ естественный процессъ*, разсматриваемый въ его цѣлости, исторія есть процессъ вполнѣ необходимый во всѣхъ малѣйшихъ частностяхъ, и личности не могутъ быть разсматриваемы какъ элементъ, *видоизмѣняющій* процессъ; какъ бы мало ни допускали мы это измѣненіе и какъ бы много научности, разумности и предусмотрительности ни допускали въ личностяхъ, онъ совершается, увлекая ихъ и дѣлая ихъ только своими орудіями. *Въ сознаніи личностей*, участвующихъ въ процессѣ исторіи, она есть результатъ мысли и воли личностей, при условіяхъ возможности, опредѣляемыхъ природою и общественною средою; соображаясь съ этими

[1]) «La Phil. pos.» 1871, Nov.—Dec.; 386.

условіями, личности обязаны направлять исторію въ смыслѣ своихъ нравственныхъ убѣжденій, подверженныхъ тщательной критикѣ. *Въ пониманіи историка*, исторія есть процессъ, весь интересъ котораго заключается въ сознательномъ приближеніи человѣчества къ нравственному идеалу историка, или въ сознательномъ отдаленіи отъ этого идеала.

Но, становясь на эту послѣднюю точку зрѣнія, мы все-таки имѣемъ въ исторіи не одинъ лишь обусловливающій элементъ, именно нравственные идеалы. Разсматривая въ предыдущемъ параграфѣ формы мысли, мы видѣли, что человѣкъ лишь постепенно вырабатываетъ себѣ убѣжденіе, при которомъ онъ сознаетъ себя отвѣтственнымъ за свои поступки, убѣжденіе, съ точки зрѣнія котораго и историкъ призываетъ на свой судъ личность и ея современниковъ. Это убѣжденіе, а вмѣстѣ съ нимъ нравственная отвѣтственность вырабатывается на почвѣ естественныхъ законовъ, сознаваемыхъ человѣкомъ, какъ *необходимые*, и на почвѣ историческихъ условій среды, сознаваемыхъ какъ *неизбѣжныя*. Это и есть именно элементъ *необходимаго*, входящій научно въ пониманіе процесса исторіи. Человѣкъ сознаетъ себя какъ животный организмъ, выработавшій по необходимости инстинкты культуры и критическую мысль; эта мысль поставила ему задачу развитія, т. е. расширенія области истины и воплощенія начала справедливости. *Необходимыя* условія развитія исторіи лежатъ: въ необходимыхъ законахъ существованія и развитія организмовъ вообще, подъ вліяніемъ среды, данной устройствомъ нашей планеты; въ необходимыхъ вліяніяхъ культурной жизни на всякое существо, усвоившее этотъ родъ существованія; въ необходимыхъ пріемахъ критической мысли для постепеннаго приближенія къ истинѣ; въ необходимыхъ препятствіяхъ и пособіяхъ, представляемыхъ влеченіями личности и формами общественнаго строя воплощенію справедливости.

§ 3. Существенное содержаніе исторіи.

Переходимъ къ вопросу о *существенномъ* содержаніи исторіи.

Не желая заимствовать здѣсь же многое, о чемъ придется говорить впослѣдствіи подробно при разсказѣ о развитіи исторической мысли, я ограничусь лишь краткимъ указаніемъ на фазисы, чрезъ которые проходило пониманіе *существеннаго* въ содержаніи исторіи.

Мы видѣли выше, что Курно, въ сочиненіи, появившемся въ 1872 году, говоритъ о «политическихъ и военныхъ событіяхъ», какъ о такихъ, «на которыя продолжаютъ смотрѣть какъ на основаніе исторіи»; но политической исторіи *народовъ* предшествовалъ въ новой исторіо-

графіи длинный періодъ, когда существеннымъ и единственно важнымъ содержаніемъ исторіи считались дѣла государей, дворовъ и кабинетовъ. Представители этого направленія далеко не вымерли и въ наше время. Самый ходъ событій побудилъ авторовъ историческихъ сочиненій перенести центръ тяжести своихъ трудовъ, т. е. пониманіе о *существенномъ* содержаніи исторіи, съ личностей на массы, которыя прежде составляли лишь смутный фонъ исторической картины. Народы, говоритъ Бидерманъ [1]), появлялись лишь какъ страдательный матеріалъ, или терпя за безуміе правителей, или служа орудіями для ихъ цѣлей, что̀ соотвѣтствовало общераспространенной системѣ безусловнаго господства государей, безусловной подчиненности и пассивности народовъ. По мѣрѣ того какъ въ политическихъ воззрѣніяхъ *государство* становилось выше и выше, рядомъ съ его главами и распорядителями; по мѣрѣ того какъ *дѣйствительная* исторія доказывала, что народы не такъ пассивны, какъ это прежде предполагали, и *книжная* исторія обращалась болѣе къ внутренней государственной жизни, къ развитію государственнаго строя и государственнаго управленія, законовъ и учрежденій. Но и политическія формы въ ихъ измѣненіи, для болѣе внимательныхъ историковъ, выказывались лишь внѣшностью, за которою скрывалась *настоящая* жизнь народовъ, ихъ матеріальныя и духовныя потребности со всѣми разнообразными формами, служащими къ удовлетворенію этихъ потребностей. Политическая экономія пыталась стать на степень науки. Экономическая жизнь въ ея различныхъ отрасляхъ потребовала мѣста въ исторіи и заслонила во многихъ случаяхъ явленія жизни политической. Въ литературѣ и искусствѣ открыли богатую сокровищницу для указанія развитія общественной мысли, общественныхъ симпатій и и антипатій. Религія перешла изъ области полемики въ область оцѣнки ея, какъ одного изъ проявленій жизни народовъ. Наука не оказалась особенною сферою, вліяніе которой ограничено небольшимъ кругомъ читателей-спеціалистовъ, каѳедрою профессора и тетрадью ученика. Она оказалась подкладкою всего духовнаго развитія общества, политической силы государствъ, экономическаго процвѣтанія народовъ. Такимъ образомъ вся человѣческая дѣятельность, матеріальная и духовная, развернулась предъ историками, какъ нѣчто цѣльное во всѣхъ ея проявленіяхъ, какъ нѣчто несравненно болѣе важное исторически, чѣмъ хитрости дипломатовъ и придворныя интриги. Развитіе этой дѣятельности оказалось главнѣйшимъ предметомъ изученія для историка, причемъ

[1]) Въ статьѣ, помѣщенной въ «Unsere Zeit» о литературной обработкѣ исторіи цивилизаціи, во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ.

въ основу первыхъ потребностей, вызывающихъ разсматриваемую дѣятельность, легла природа въ ея топографическомъ и климатическомъ разнообразіи; какъ заключеніе же исторіи встали предъ историкомъ самые сложные вопросы соціологіи и личной нравственности.

Такъ какъ XVIII-й вѣкъ представляетъ попытку распространить научные методы XVII-го столѣтія на всѣ области человѣческой мысли и, въ особенности, приложить ихъ къ вопросамъ соціологическимъ, то немудрено, что именно XVIII-й вѣкъ далъ первыя попытки исторически и теоретически разработать различныя области того, что потомъ вошло подъ рубрики цивилизаціи или культуры. Уже въ 1755 году Малле спрашивалъ, почему исторія должна быть «лишь кучей незначительныхъ фактовъ и датъ, а не великой картиной мнѣній, обычаевъ и даже наклонностей народа» [2]). Въ 1758 г. Гогэ издалъ свой исторически-культурный трудъ [3]), а въ слѣдующемъ году появилось знаменитое историческое произведеніе Вольтера [4]), подготовленное уже за 19 лѣтъ передъ тѣмъ и гдѣ царь европейской мысли прямо говоритъ: «Я хотѣлъ бы знать, каково было тогда человѣческое общество, какъ жили внутри семей, какія искусства имѣли мѣсто, а не повторять разсказъ о многочисленныхъ несчастіяхъ и битвахъ, печальный предметъ исторіи и обычное проявленіе человѣческой злости». Подъ его вліяніемъ жалобы на односторонность исторіи сдѣлались обычными, и къ концу вѣка Кондорсэ посвящалъ часы своего предсмертнаго уединенія исторіи прогресса человѣческой мысли [5]).

Не многимъ позже началось то же движеніе въ Германіи. Въ 1764 г. посвящалъ «Швейцарскому человѣколюбивому обществу» Исаакъ Изелинъ первое изданіе своего труда объ исторіи человѣчества [6]) и вслѣдъ за тѣмъ съ «философіи исторіи» и со знаменитыхъ «идей» Гердера [7]) начинается въ нѣмецкой литературѣ длинный рядъ сочиненій, гдѣ политическія столкновенія и личные интересы государей играютъ

---

[2]) Не могу припомнить, откуда я взялъ эту цитату и не имѣю подъ руками сочиненій Маллэ, но, по видимому, это сказано въ его «Introduction à l'histoire du Danemark» (Copenhague 1755), I.

[3]) *Goguet*: «De l'origine des lois, des arts et des sciences, et de leur progrès chez les peuples anciens» (Paris, 1758).

[4]) «Essai sur les moeurs et l'esprit des nations» (1759). Начато 1740.

[5]) «Esquisse des progrès de l'esprit humain» (1795).

[6]) *Isaac Iselin*: «Ueber die Geschichte der Menschheit». Передо мною 5-е изданіе 1786 г. Судя по «Schreiben» XXVI, первое изданіе появилось 1764; судя по «Vorbericht» XXI, второе изданіе было 1768.

[7]) «Auch eine Philosophie der Geschichte zur Bildung der Menschheit» 1774; «Ideen zur Geschichte der Menschheit» 1784—1794.

весьма второстепенную роль, но авторы стараются уловить общія духовныя стремленія народовъ и эпохъ.

Не стану перечислять послѣдующихъ руководящихъ трудовъ въ этомъ направленіи, но замѣчу, что вліяніе ихъ все распространялось и наконецъ выказалось въ общемъ характерѣ исторической литературы. Во вторую четверть XIX вѣка взглядъ на исторію и ея задачи существенно измѣнился: войны и церковныя событія, дворцовыя интриги и дипломатическія комбинаціи, исчерпывавшія почти все содержаніе историческихъ сочиненій до того времени, стали терять свое значеніе для историковъ, которые имѣли около себя богатую и вліятельную буржуазію, были современниками или ближайшими преемниками значительныхъ національныхъ движеній, и чувствовали на себѣ и на всемъ окружающемъ, что скромная книга или публицистическая статья иногда важнѣе официальнаго закона; что за формами признанныхъ ученій и обрядовъ волнуется общественная мысль съ ея знаніями, вѣрованіями и предразсудками; что подъ однообразіемъ администраціи остается нетронутымъ разнообразіе расъ, языковъ, образа жизни, обычаевъ и привычекъ. Появились въ значительномъ числѣ исторіи цивилизаціи, исторіи культуры, исторіи философіи и т. д. Авторы старались доискаться подъ пестрой наружностью событій настоящей струи исторіи человѣчества.

Конечно, при этомъ обратились преимущественно къ литературѣ. Оно было естественно, потому что писали ученые горожане, болѣе или менѣе удаленные отъ народа, кабинетные труженики, проведшіе большую часть своей жизни между книгами, и для которыхъ жизнь внѣ литературы представляла мало интереса. Время еще не пришло тогда, какъ оно еще не пришло повидимому и теперь, писать исторію всего человѣчества, обращать вниманіе на огромное большинство, безграмотное, погруженное въ предразсудки, заваленное безъисходнымъ трудомъ и нуждою, чуждое дипломатіи и государственныхъ соображеній, не понимающее ни богословскихъ, ни метафизическихъ тонкостей, не знающее ни любимой трагедіи, ни знаменитой картины. Эту толпу оставили пока въ сторонѣ, отмѣчая по временамъ періоды голода, раззоренія, эпидемій, увеличеніе нищеты или взрывы массъ, скоро раздавленныхъ. Такъ поступали средневѣковые писатели, такъ поступали и новые историки первой половины XIX столѣтія. Захотѣли писать исторію цивилизованнаго меньшинства, и это уже былъ значительный шагъ впередъ противъ прежней исторіи Людовиковъ, Иннокентіевъ, Фердинандовъ и Лютеровъ.

Естественно представлялся вопросъ: въ чемъ же существенно за-

ключается исторія цивилизованной части общества? Отвѣтъ на этотъ вопросъ взятъ былъ историками первой половины XIX вѣка изъ ихъ современности. Это была эпоха поэзіи и философіи. Въ Германіи Гёте и Шиллеръ были какими-то лучезарными божествами, которымъ можно было только поклоняться и развѣ допускалось колебаніе относительно того: кто изъ нихъ выше, божественнѣе? Подъ ними копошился цѣлый міръ полубоговъ: лириковъ, эпиковъ, драматурговъ, причемъ романтики школы Тика и Ламотъ-Фуке изъ кожи лѣзли, чтобы поставить своихъ божковъ-титановъ хоть поближе къ божествамъ перваго разряда. Во Франціи титаны завоевали Олимпъ, древніе боги псевдоклассической эпохи были низвергнуты; лирика Гюго и Ламартина была знаменитостью дня; публика толпилась въ театрахъ посмотрѣть Трибуле и Антони; французскій романъ завоевалъ Европу съ меньшимъ сопротивленіемъ, чѣмъ оружіе Наполеона. Въ Англіи кончалась эпоха Байрона, Мура, Вальтеръ Скотта, Уордсворта. Понятно, что историки, видѣвшіе около себя такое значеніе изящной литературы, придали ей и искусству вообще особенное значеніе и во всѣ періоды. И до сихъ поръ является не мало представителей этого взгляда. Если Бокль и Дрэперъ въ своихъ трудахъ отодвинули искусство на второй планъ [8]), то Геннэ-ам-Ринъ придаетъ ему высокое цивилизаціонное значеніе, обособляя идею красоты какъ равноправную съ идеями истины и блага [9]).

Но область искусства имѣетъ свои особенности, которыя не позволяютъ голословно принять или отвергнуть ея право быть мѣриломъ цивилизаціи, но заставляютъ обсудить ея значеніе въ этомъ смыслѣ на основаніи пріобрѣтенныхъ уже выше началъ, и въ такомъ случаѣ становится сомнительнымъ, чтобы эстетическое творчество по своему возвышенію или паденію могло служить вѣрнымъ призпакомъ вовышенія или паденія цивилизаціи вообще.

---

[8]) *Buckle*: «History of civilisation of England» London, (1857—1860); *Draper:* «History of the intellectual devellopement of Europe» (New-York. 1863).

[9]) Въ трудѣ, упомянутомъ въ прим. 3 предыдущаго параграфа, Геннэ-ам-Ринъ говоритъ (30—31): «Есть, преимущественно, три идеи облагораживающія человѣческую умственную дѣятельность: идея *истины*, удовлетворяющая знанію; идея *красоты*, удовлетворяющая чувству, и идея *добра*, удовлетворяющая волѣ. Вся цивилизація состоитъ изъ обработки этихъ трехъ идей, и потому исторія цивилизаціи должна быть различена по тремъ моментамъ: *умственному*, *эстетическому* и *нравственному*. Геннэ-ам-Ринъ обвиняетъ, поэтому, Бокля и Дрэпера въ односторонности, но самъ сейчасъ же сознается, что въ развитіи прекраснаго прогресса нѣтъ; «обработка прекраснаго..... не оставаясь собственно на одномъ и томъ же мѣстѣ, и не подвигаясь впередъ, переходитъ чрезъ разнообразныя формы» (31).

Прежде всего эстетическое развитіе, сравнительно съ развитіемъ критической и практической мысли, представляетъ то затрудненіе, что первое не допускаетъ ни точной оцѣнки, ни ясной зависимости отъ развитія другихъ областей. Развитія умственное и нравственное суть факты, которые допускаютъ точное опредѣленіе и даже, въ нѣкоторой степени, измѣреніе. Расширеніе области ясныхъ понятій, точныхъ методовъ, раціональной группировки фактовъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускаетъ сомнѣніе и споры относительно своей дѣйствительности, и, въ случаѣ своей дѣйствительности, принадлежитъ неизбѣжно процессу прогрессивнаго развитія. Точно то же можно сказать о выработкѣ убѣжденій и о рѣшимости воплощать ихъ въ жизнь, о критическомъ отношеніи къ убѣжденіямъ, и о переработкѣ общественной культуры, подъ вліяніемъ убѣжденій наиболѣе развитой общественной группы. Дѣйствительность факта и прогрессивное его значеніе и здѣсь, большею частью, безспорны. Кромѣ того, двѣ эти области взаимно поддерживаютъ другъ друга въ своемъ развитіи. Усиленіе научной мысли ведетъ къ усиленію критики нравственныхъ убѣжденій, къ уясненію понятій о справедливыхъ отношеніяхъ между личностями, къ лучшему пониманію необходимаго и возможнаго въ данныхъ обстоятельствахъ, а слѣдовательно къ болѣе удачной и цѣлесообразной дѣятельности для реформы общества въ прогрессивномъ смыслѣ. Выработка болѣе крѣпкихъ и болѣе критическихъ убѣжденій и распространеніе справедливости въ отношеніяхъ между людьми заключаютъ уже условіе развитія любви къ истинѣ, слѣдовательно измѣненіе обстоятельствъ въ пользу успѣховъ научной мысли.

Но далеко не то же можно сказать объ эстетическомъ развитіи людей. Художественное достоинство произведенія и художественный талантъ личности не имѣютъ ничего общаго съ силою критической мысли или практическаго убѣжденія. Красота формы есть первое и необходимое условіе эстетической оцѣнки, и самый вліятельный писатель, если его произведенія не отличаются красотою формы, не можетъ занять высокое мѣсто въ глазахъ безпристрастнаго историка изящной литературы, точно такъ же, какъ за самыми безнравственными флюгерами въ области убѣжденій приходится этому историку признать иногда немаловажное значеніе. Развитіе чуткости къ красотѣ формы и способности воплотить схваченное впечатлѣніе въ патетическую рѣчь не зависитъ ни отъ умственнаго развитія, ни отъ гражданской доблести. Существуютъ почти неоспоримые примѣры крайней умственной ограниченности художниковъ формы, звука или слова, произведенія которыхъ блещутъ не только красотою исполненія, но силою мысли; еще

чаще можно встрѣтить, въ ряду первостепенныхъ талантовъ этого рода, нравственный и политическій индиферентизмъ или даже циническое отношеніе къ понятію о нравственной и гражданской обязанности, одновременно съ потрясающимъ патетизмомъ въ ихъ созданіяхъ. Мы видѣли и видимъ безпрестанно, что самыя дрянныя во всѣхъ отношеніяхъ личности могутъ быть замѣчательными художниками слова, кисти, рѣзца или мелодіи. Причины, развивающія въ отдѣльной личности эту особенность, составляютъ еще нерѣшенную психологическую задачу. Здѣсь не мѣсто разбирать дѣйствительныя или вѣроятныя причины этого факта, но самый фактъ независимости эстетическаго развитія личности отъ ея умственной силы и нравственной высоты едва ли допускаетъ сомнѣніе.

Если трудно уяснить психологическія основы художественнаго таланта въ личности, то тѣмъ труднѣе рѣшить вопросъ о томъ, почему въ данную эпоху является разомъ нѣсколько оригинальныхъ личностей, обладающихъ этой особенностью. Замѣтьте, я не говорю о массѣ подражателей, вызываемыхъ на литературную дѣятельность привычкою читать чужія произведенія и восхищаться ими. Но почему одновременно жили Виргилій, Горацій, Тибуллъ, Овидій? Почему Гёте, Шиллеръ, Байронъ были современниками? Эти вопросы можно рѣшить лишь путемъ предположеній, которыя здѣсь во всякомъ случаѣ были бы неумѣстны. Прибавимъ къ этому, что какъ въ личности художественный талантъ можетъ совпадать съ ничтожествомъ умственнымъ и нравственнымъ, такъ въ жизни народовъ эстетическій періодъ процвѣтанія вовсе не соотвѣтствуетъ процвѣтанію другихъ сторонъ цивилизаціи. Въ исторіи, за исключеніемъ греческаго періода, почти всѣ остальныя блестящія эпохи искусства совпадаютъ съ обстоятельствами, крайне не выгодными въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Латинская поэзія эпохи Августа прославляла цезаризмъ, соотвѣтствовала нравственному и политическому утомленію, религіозной реакціи. Эпоха средневѣковой эпики и лирики была временемъ почти полнаго отсутствія научной критики, временемъ нравственности, опирающейся не на личное убѣжденіе, а на правила, данныя извнѣ. Эпоха процвѣтанія живописи въ Италіи совпала съ ея политическимъ униженіемъ, съ выработкою нравственныхъ типовъ, которые начерчены Макіавелли въ его «Государѣ» и въ его комедіяхъ, съ ослабленіемъ въ Италіи научныхъ работъ. Драма эпохи Елисаветы и Филиппа II-го, эпохи религіозныхъ гоненій, ослабѣла съ возвышеніемъ научной мысли въ XVII вѣкѣ и никогда уже не достигала прежней свой высоты. Прославленный вѣкъ Людовика XIV былъ вѣкомъ ослабленія умственной критики, вѣкомъ

идеализаціи придворнаго низкопоклонничества и драгонадъ. Эпоха Шиллера, Гёте, Бетховена и Моцарта была для Германіи эпохой реакціи. Время Ламартина, Гюго, Мюссэ, Занда, Бальзака было для Франціи періодомъ политическаго индиферентизма, парламентскаго лицемѣрія и развитія биржевыхъ спекуляцій, слѣдовательно періодомъ нравственнаго пониженія, которое логически дошло постепенно до второй имперіи.

Но идемъ далѣе. Если великія эпохи художественнаго творчества намъ неясны, какъ *слѣдствія*, то можно ли ихъ признать за важныя историческія *причины* послѣдующаго развитія?—Едва-ли. Вычеркните изъ всеобщихъ исторій (во многихъ это и не упоминается до сихъ поръ) страницы о великихъ поэтахъ временъ Октавія Августа и спросите себя, многія ли изъ послѣдующихъ явленій въ исторіи человѣчества сдѣлаются вамъ отъ этого неясными? Разберите современную жизнь въ ея главныхъ проявленіяхъ и скажите, сколько элементовъ ея восходитъ къ поэтамъ начала нынѣшняго вѣка?—Главное и незамѣнимое вліяніе художниковъ заключается въ томъ, что они воплощаютъ расплывающіяся стремленія и отвлеченныя мысли въ безсмертныя личности, понятныя большинству, и такимъ образомъ ставятъ современные вопросы на болѣе опредѣленную почву, помогая и потомству легче разгадать ихъ эпоху помощью небольшаго поэтическаго произведенія, чѣмъ при посредствѣ многочисленныхъ трактатовъ. Но, дѣлаясь однимъ изъ лучшихъ историческихъ *матеріаловъ* (и въ этомъ отношеніи только *замѣчательные* художники и даютъ *хорошій* матеріалъ), искусство отъ этого не пріобрѣтаетъ болѣе историческаго *вліянія*. Это вліяніе существуетъ безспорно, потому что воплощеніе нравственнаго идеала, или отвлеченной идеи, въ художественный идеалъ усиливаетъ дѣйствіе первыхъ на общество. Но степень вліянія искусства на исторію такъ неопредѣленна, что придать ему преобладающее значеніе въ развитіи цивилизаціи невозможно. Научная и нравственная истина пріобрѣтаютъ громадную силу, когда находятъ себѣ художественное выраженіе, но это художественное выраженіе настолько же усиливаетъ призрачный догматъ и реакціонную проповѣдь. Искусство, помощью наглядности своихъ формъ и патетической красоты ихъ, есть сила весьма значительная, но вовсе не зависящая отъ истины и нравственности своего содержанія. Прогрессъ умственный и нравственный можетъ выражаться въ художественныхъ формахъ Еврипида, Лукреція, Грибоѣдова, но гораздо чаще ему служатъ воплощеніемъ произведенія второстепенныя въ эстетическомъ отношеніи, тогда какъ произведенія наиболѣе выработавшихся художниковъ, только частію, или только помощью критической натяжки, могутъ быть приведены въ связь съ этимъ прогрессомъ.

Если эстетическое развитіе не можетъ быть признано ни источникомъ, ни признакомъ умственнаго и нравственнаго прогресса въ личности и въ народахъ, то остается рѣшить вопросъ: не слѣдуетъ ли его признать самостоятельнымъ прогресивнымъ процессомъ настолько же, какъ и развитіе умственное и нравственное? Но здѣсь намъ представляется первое препятствіе уже въ томъ, что художественная производительность есть явленіе личное и непередаваемое ни современникамъ, ни потомству. Великій художникъ всегда одинъ. Ученики схватываютъ его манеру, его технику, перенимаютъ у него и подражаютъ ему, но всякая школа въ искусствѣ представляетъ его паденіе. При пособіи художественныхъ произведеній возрастаетъ эстетическая критика, эстетическое пониманіе, т. е. возрастаетъ *наука* (подобно тому какъ она выигрываетъ отъ наблюденія новаго землетрясенія, новаго урагана, новой эпидеміи, новаго затмѣнія), но каждый художникъ уноситъ свое художественное творчество съ собою въ могилу: отъ Шекспира, Микель-Анджело, Бетховена остались лишь ихъ произведенія. Большинство эстетиковъ не согласно даже признать, чтобы можно было замѣтить прогрессъ въ искусствѣ, если разсматривать его какъ творчество, а не какъ технику. Многіе мыслители допускаютъ неизбѣжность его ослабленія съ усиленіемъ умственнаго труда и съ возвышеніемъ ремесленной техники. Все это заставляетъ считать крайне сомнительнымъ допущеніе для искусства равноправности съ наукою и съ нравственностью при пониманіи исторіи какъ прогрессивнаго процесса. Это сомнѣніе еще подтверждается соображеніемъ, что художественное творчество есть почти невольная, а не расчитанная, разумная, критическая дѣятельность; что въ искусствѣ всего менѣе возможно уяснить себѣ цѣль и средства, но то и другое является талантливому художнику какъ бы инстинктивно, полусознательно и бываетъ тѣмъ ближе къ явленіямъ механическаго рефлекса, чѣмъ геніальнѣе художникъ. Это послѣднее обстоятельство почти неизбѣжно ведетъ къ отрицанію равноправности искусства съ наукою и съ нравственностью въ исторіи, въ смыслѣ пониманія сознательнаго развитія человѣчества. Художественныя произведенія суть самыя яркія и вліятельныя воплощенія умственныхъ и нравственныхъ процессовъ общества, но они получаютъ историческое значеніе не по степени своего художественнаго достоинства, а по мѣрѣ выраженія въ нихъ общественнаго прогресса или регресса. Сами по себѣ они принадлежатъ къ группѣ *культурныхъ формъ*, обособляющихъ цивилизаціи и ихъ эпохи, но вовсе не свидѣтельствующихъ о мѣстѣ, занимаемомъ данною эпохою данной цивилизаціи въ прогрессивномъ движеніи человѣчества. Прекрасная форма можетъ быть названа лишь цвѣтомъ цивилизаціи, но

историку приходится обратить особенное вниманіе на ея *содержаніе* [10]).

Въ чемъ же заключается содержаніе, выражающееся въ культурныхъ формахъ данной эпохи? Историки прежняго времени отвѣтили бы на это весьма скоро: конечно, въ ея религіозномъ вѣрованіи. Исторія религій составляетъ существенное содержаніе исторіи цивилизаціи человѣчества. Но, при внимательномъ разсмотрѣніи, это содержаніе оказывается сложнымъ и элементы его оказываются ему не принадлежащими. Отдѣляя формы культа, формулы догмата и образы миѳа, полученные по преданію, унаслѣдованные по обычаю и потому относящіеся къ культурнымъ формамъ, мы получаемъ, что каждая эпоха вноситъ въ свои вѣрованія долю своихъ знаній и своихъ практическихъ стремленій, частью въ чистомъ видѣ, частью переработанныя философскою мыслію въ болѣе стройныя міросозерцанія или воплощенныя художественною фантазіею въ новую патетическую форму. Одно *религіозное чувство* составляетъ спеціальную принадлежность этой сферы мысли. Все остальное относится къ сферамъ философіи, знанія, искусства или жизни. Поэтому для отысканія *содержанія* цивилизаціи въ ея основныхъ элементахъ приходится обратиться къ инымъ сферамъ.

Новая школа историковъ начала нынѣшняго вѣка прекрасно поняла это и не затруднилась надъ вопросомъ: въ чемъ именно должно искать существеннаго содержанія даннаго времени? Конечно, въ философіи. Это была эпоха, когда во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ самые многочисленные слушатели толпились около каѳедръ Шеллинга, Гегеля, ихъ учениковъ и противниковъ. Это было время, когда Кузенъ, Жуффруа, Мэнъ-де-Биранъ создавали французскій психологическій эклектизмъ. Немудрено, что философія вошла самымъ важнымъ элементомъ въ исторію цивилизаціи. Подъ формами культа, подъ формулой догмата, подъ постановленіемъ юриста, въ миѳѣ, въ загадкѣ, въ обычаѣ, въ государ-

[10]) Каррьеръ говоритъ (Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwickelung und die Ideale der Menschheit, I, 1863, Einleitung, VI): «Въ общее сознаніе перешла истина, что мы не можемъ отрѣшать искусство отъ жизни, но, напротивъ, должны разсматривать его въ связи съ религіозными идеями и политическимъ состояніемъ, если хотимъ надлежащимъ образомъ понимать и оцѣнивать его произведенія». И далѣе (IX—X): «Если мы хотимъ уловить сущность, понять *формы* поэтическихъ произведеній, храмовъ и идоловъ индусовъ или египтянъ, евреевъ и языческихъ семитовъ, то мы можемъ это сдѣлать лишь изслѣдуя *идеи*, волновавшія духъ народовъ и находившія чувственное выраженіе въ камнѣ и въ звукѣ: внѣшность строенія есть лишь органическое проявленіе внутренняго содержанія и понятна лишь съ этой точки зрѣнія».

ственномъ переворотѣ стали искать *идею*. «Разумъ управляетъ міромъ», говоритъ Гегель [11]). Исторія есть для Гегеля процессъ, въ которомъ духъ развиваетъ въ себѣ идею своей свободы, и разумъ исторіи заключается въ томъ, что эта идея выступаетъ болѣе и болѣе ясно въ своемъ развитіи. Даже въ столкновеніяхъ, которыя слишкомъ ясно и опредѣленно обозначаются въ исторіи, идея не страдаетъ. Она употребляетъ для этого «хитрость» и выставляетъ вмѣсто себя на борьбу страсти личностей. «Личности приносятся въ жертву и гибнутъ. Идея платитъ дань существованію и непрочности не изъ себя, а изъ страстей личностей». На болѣе психологическую точку свелъ въ ближайшее къ намъ время роль идей въ исторіи Лацарусъ [12]). «Идеи — писалъ онъ—дѣйствуютъ въ исторіи тѣмъ путемъ, что онѣ составляютъ части проявленія психической жизни человѣка и получаютъ существенное вліяніе на всего человѣка..... Придавая жизни направленіе и цѣли, онѣ наполняютъ ее новымъ содержаніемъ».

Но затѣмъ представлялся вопросъ: откуда явилась та или другая идея въ ея многоразличныхъ формахъ въ данную эпоху? Какъ раждаются, перерождаются и умираютъ идеи? Какое ихъ преемство? — На это должна была отвѣчать и отвѣчала исторія философіи. Германія и Франція дали цѣлую литературу весьма замѣчательныхъ произведеній въ этой области и она сдѣлалась единственною живою областью философіи съ того времени, когда рухнулъ авторитетъ нѣмецкаго идеализма, а французскій эклектизмъ поддерживался лишь вліяніемъ административной централизаціи преподаванія въ рукахъ *одного* университета. Но мало по малу развивается сознаніе, что въ этой замѣчательной литературѣ есть важный недостатокъ: она односторонняя. Возьмите исторію философіи Гегеля, Кузена или Риттера, замѣчательныя исторіи древней философіи Целлера или Брандиса, исторію новой философіи Куно-Фишера, исторію неоплатонизма Вашро или Симона, исторію схоластики Горо (Haureau) или Руссло—вездѣ вы найдете одинъ характеръ: философы разнаго времени являются какими-то уединенными мыслителями, принимающими одинъ отъ другаго традицію метафизическихъ системъ, живущими лишь со своею мыслію, незнающими почти ничего о современной имъ жизни, о ея вопросахъ, о ея борьбѣ, о ея предразсудкахъ. Это какой-то выдѣленный изо всего остальнаго міръ. Но если философія имѣла *только* такое развитіе, то она должна имѣть столь же мало

---

[11]) «Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte» (2-е изд. 1840), 15.

[12]) Въ статьѣ: «Ueber die Ideen in der Geschichte» въ «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft» (1865), 465 и слѣд.

мѣста въ исторіи человѣчества, какъ исторія аскетовъ, передающихъ одинъ другому свою келью въ уединенной киновіи и размышляющихъ о тщетѣ всего мірскаго. Лишь то вліяетъ на жизнь, что воспринимаетъ жизнь и въ ней участвуетъ. Если въ обычаѣ и въ учрежденіи, въ сказкѣ и въ догматѣ, въ дѣйствіяхъ личностей и въ переворотахъ государствъ проявилась *идея*, то эта идея не была лишь традиціею, передававшеюся отъ одного мыслителя другому, а имѣла свои корни въ общественной жизни; системы же философовъ были лишь наиболѣе яркими воплощеніями ея. Имѣя замѣчательныя исторіи *философскихъ системъ*, мы еще имѣли только часть дѣла, нужнаго для исторіи цивилизаціи. *Преемство идей* осталось неоткрытымъ. Мы имѣемъ ихъ выраженіе, систематическое соглашеніе, но мы не имѣемъ ихъ развитія изъ ихъ истинныхъ началъ, изъ жизни общества. Мы не имѣемъ исторіи *философіи*.

Посмотрѣвъ внимательно на то, что входило въ составъ нынѣшнихъ исторій этого предмета, дѣйствительно можно усомниться въ томъ, можно ли допустить какое либо значеніе въ исторіи человѣчества этому содержанію. Атомы Демократа и омеомеріи Анаксагора, полуочеловѣченныя идеи Платона, демоническій міръ неоплатониковъ, споръ реалистовъ и номиналистовъ, предустановленная гармонія Лейбница, *я* и *не я* или безусловное новыхъ идеалистовъ —всѣ эти метафизическія созданія *безспорно* великихъ умовъ представляются такою дикою фантазіею, если ихъ взять самихъ въ себѣ, такими чуждыми для жизни отвлеченностями, что всякому свѣжему человѣку невольно представится вопросъ: допустивъ даже, что это весьма интересные продукты мышленія, допустивъ, что они представляютъ *между собою* генетическую связь, что́ за связь существуетъ между этими абстрактами и человѣческою исторіею? Не могла ли бы послѣдняя развиваться совершенно такъ же, какъ она развилась, еслибы даже вовсе не существовало этихъ почтенныхъ мыслителей? Неужели всего существеннѣе въ цивилизаціи именно то, что доступно немногимъ особенно развитымъ единицамъ, разсѣяннымъ на пространствѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій? Если философія заключается *только* въ этомъ, за что ей давать въ разумной исторіи человѣчества болѣе мѣста, чѣмъ подвигамъ завоевателей или хитростямъ дипломатовъ?

Конечно, философія заключается не только въ этомъ. Метафизическія созданія суть лишь удобнѣйшія формы, въ которыхъ концентрируются и передаются міросозерцанія, живущія въ обществѣ, переплетенныя со всѣми его отправленіями, составляющія нераздѣльный съ жизнію общества элементъ этой жизни. Въ философскихъ системахъ міросозерцанія

получаютъ свое завершеніе: цѣльную, стройную форму, согласованную во всѣхъ своихъ частяхъ и формулированную въ правильное ученіе. Лишь въ этой формѣ они проявляютъ болѣе полное вліяніе на жизнь. Но форма *философскихъ системъ* есть лишь *орудіе* этого вліянія, причина же вліянія лежитъ въ *содержаніи міросозерцанія*. Это содержаніе иногда долго бродитъ, въ отрывочныхъ чертахъ, въ разныхъ проявленіяхъ жизни, по частямъ округляется различными *мыслителями*, пока оно попадетъ въ голову *философа*, способнаго облечь его въ систему. Исторія философіи должна заключать исторію развитія и перерожденія міросозерцаній, какъ въ ихъ содержаніи, такъ и въ ихъ формѣ, и въ эту исторію философіи (еще принадлежащую будущему) философскія системы съ ихъ преемствомъ войдутъ лишь какъ элементъ. Будемъ благодарны историкамъ философіи послѣдняго времени, что они разработали *этотъ* элементъ для нѣкоторыхъ періодовъ въ высшей степени добросовѣстно и полно, но не забудемъ, что задача будущаго другая, что для исторіи цивилизаціи человѣчества важнѣе содержаніе міросозерцаній, чѣмъ ихъ форма. Она принадлежитъ единицамъ, содержаніе же составляетъ важнѣйшее достояніе общества; въ немъ выражается, насколько общество въ данную эпоху *понимаетъ* природу и жизнь, а не только безсознательно ими пользуется.

Въ чемъ же состоитъ содержаніе общественныхъ міросозерцаній? Это самый важный вопросъ для исторіи цивилизаціи, и онъ долженъ быть рѣшенъ прежде, чѣмъ можетъ быть построена эта исторія надлежащимъ образомъ. Матеріалъ этого содержанія долженъ быть для этого собранъ и возможно тщательно обработанъ въ спеціальномъ историческомъ развитіи прежде, чѣмъ исторія идей можетъ получить свою окончательную форму.

Въ міросозерцаніе человѣка входятъ два элемента: представленія и понятія, полученныя по преданію или вслѣдствіе вліянія окружающей среды, и *не провѣренныя* критикою, а также представленія и понятія, провѣренныя критикою, доказанныя, *продуманныя*. Первыя составляютъ область привычекъ, обычаевъ, вѣрованій; вторыя — область знаній и теоретическихъ взглядовъ. Теоретическіе взгляды сводятся а болѣе или менѣе ловкое и стройное соглашеніе прочихъ областей, точно также, какъ обычаи разлагаются, при внимательномъ изслѣдованіи, на привычки и на вѣрованія. Затѣмъ эти три элемента: привычки, вѣрованія и знанія и остаются какъ основное содержаніе человѣческихъ міросозерцаній, коренящееся въ человѣческихъ *потребностяхъ*, развивающееся въ самыя разнообразныя формы человѣческой культуры и человѣческой мысли: въ дѣятельность государственнаго человѣка, какъ въ

мечтанія аскета; въ промышленное предпріятіе, какъ въ лирическую пѣснь; въ жизнь островитянина Отаити, какъ въ систему философа. Философія во всѣхъ ея формахъ является элементомъ объединяющимъ это содержаніе, но сама новаго содержанія въ мысль не вноситъ.

Такимъ образомъ, изъ пяти сферъ мысли, указанныхъ въ первомъ параграфѣ, три оказались несущественными по своему содержанію для историческаго процесса: одна—сфера искусства—потому, что ея спеціальная дѣятельность направлена на формы; другая—сфера религіи—потому, что она спеціализируется чувствомъ; третья—сфера философіи—потому, что она ограничивается лишь объединеніемъ содержанія даннаго извнѣ. Ихъ роль можетъ быть весьма значительна въ исторіи и намъ придется указать ее, но это роль, обусловленная тѣми элементами знанія и жизни, которые даютъ содержаніе искусству, религіи и философіи. Эти двѣ основныя сферы служатъ орудіемъ прямого удовлетворенія человѣческихъ потребностей, по мѣрѣ ихъ выработки въ личности, въ обществѣ и въ человѣчествѣ, а въ искусствѣ, религіи и философіи они находятъ лишь косвенное удовлетвореніе. Поэтому для опредѣленія настоящаго, существеннаго содержанія исторіи, намъ приходится прослѣдить потребности человѣка въ ихъ послѣдовательности и въ ихъ іерархіи. Работа мысли должна быть разсмотрѣна въ ея отношеніи къ этимъ потребностямъ и къ ихъ удовлетворенію. Цѣлью правильнаго историческаго развитія можетъ быть лишь возможно полное удовлетвореніе *потребностей* человѣка въ той іерархіи, въ которой онѣ сознаются имъ какъ низшія и высшія, по мѣрѣ его личнаго развитія.

Всюду, гдѣ есть проявленіе воли, существуетъ въ основѣ дѣйствія *потребность*; поэтому всѣ элементы историческихъ явленій сводятся на различныя потребности личностей. Эти потребности различны. Однѣ изъ нихъ, общія всѣмъ живымъ существамъ, вызываютъ безсознательную дѣятельность въ формѣ рефлексовъ; другія пробуждаютъ сознаніе въ весьма слабой степени и приводятъ къ элементарной техникѣ приспособленія къ средѣ; онѣ распространяются на значительную долю зоологическаго міра, развиваютъ инстинкты и привычки, уваженіе къ обычаю и преданію. Удовлетвореніе инстинктовъ, привычекъ, требованій обычая и преданія обращается само въ новую *культурную* потребность, которая для большинства существъ столь же принудительна, какъ и самая элементарная физіологическая потребность. Въ породахъ, нѣсколько болѣе близкихъ къ человѣку, мы видимъ пробужденія аффектовъ по выбору, которые переходятъ всю гамму симпатій и антипатій до неудержимой страсти, до сознательной самоотверженной любви, или

ненависти. Потребность жить аффективною жизнью и подчиняться аффекту въ большей или меньшей долѣ своей дѣятельности обусловливаетъ не малую часть жизни высшихъ позвоночныхъ и человѣка. Наконецъ, въ человѣкѣ, на основаніи предыдущихъ, болѣе элементарныхъ потребностей, развиваются еще новыя: потребности познанія и пониманія истины, нравственной оцѣнки мыслей и дѣйствій, жизни по убѣжденію, осуществленія своихъ познаній и своихъ идеаловъ въ словѣ, въ художественномъ произведеніи, въ философскомъ міросозерцаніи, въ общественномъ строѣ. Эту группу потребностей можно формулировать, какъ *потребность критической мысли и нравственной дѣятельности* или, еще короче, какъ *потребность развитія*; она присутствуетъ въ весьма различной степени между людьми, и трудно до сихъ поръ убѣдиться въ существованіи этой потребности внѣ человѣческаго общества. Въ высокоразвитыхъ личностяхъ эта потребность высказывается иногда цѣлою жизнью, исполненною самоотверженія.

Въ этомъ ряду потребностей мы можемъ замѣтить двѣ группы весьма различнаго значенія въ отношеніи историческихъ явленій; именно одна группа вызываетъ дѣйствія, не заключающія въ себѣ никакого элемента, который не допускалъ бы повторенія неопредѣленное число разъ того же самаго явленія, въ той же самой формѣ: она выражаетъ стремленіе къ застою, присущее всякому обществу, стремленіе окоченѣть въ опредѣленныхъ формахъ и уподобиться обществу, какое встрѣчается у высшихъ безпозвоночныхъ. Потребности этой группы можно назвать *антропологическими*, и формы общественной жизни, къ которымъ онѣ приводятъ, составляютъ *культуру* даннаго общества. Другая группа потребностей вызываетъ измѣненія въ обстановкѣ личности и въ строѣ общества; по самой своей сущности, она противодѣйствуетъ повторенію въ прежнихъ формахъ того, что было; противодѣйствуетъ застою общества, развиваетъ его культуру въ прогрессивную цивилизацію и обособляетъ исторію одной части человѣческихъ обществъ отъ повторяющихся явленій культурной жизни, которую мы наблюдаемъ въ настоящій періодъ у другихъ культурныхъ животныхъ и въ остальной долѣ человѣчества. Въ человѣческомъ обществѣ, какъ двигателѣ исторіи, эта потребность была уже формулирована выше, какъ *потребность развитія*; явленія, ею вызываемыя, представляютъ *работу мысли*, но эта потребность не представляетъ чего-либо прирожденнаго человѣку, совершенно особой органической способности; она имѣетъ длинный генезисъ, низводящій ея элементарныя проявленія къ низшимъ зоологическимъ формамъ. Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе эти два элемента человѣческаго общества.

Всякое живое существо встрѣчаетъ около себя жизненную среду; эта среда охватываетъ условія физическія, біологическія, психологическія и соціологическія, которыя существуютъ для данной особи независимо отъ ея воли; они даны какъ нѣчто неизбѣжное. Чтобы существовать, каждая особь должна или приспособиться къ нимъ, или измѣнить ихъ въ предѣлахъ возможнаго, сообразно своимъ силамъ и своимъ потребностямъ. Вся дѣятельность приспособленія къ существующей средѣ ведетъ къ установленію неподвижной *культуры*. Дѣятельность измѣненія окружающей среды, въ виду потребностей, заключающихся въ самой особи, вырабатываетъ окончательно потребность критической *мысли*, потребность развитія, прогрессивную историческую дѣятельность.

Потребности, вызывающія какъ культуру, такъ и работу мысли, частью даны самою природою, частью вырабатываются общественною жизнью. Физическія условія страны дѣйствуютъ одинаково на длинный рядъ поколѣній. Физіологическія потребности существуютъ для дѣтей, точно также какъ и для взрослыхъ. Процессъ образованія ясныхъ и смутныхъ понятій изъ представленій и ощущеній, подъ разнообразнымъ вліяніемъ аффектовъ, подлежитъ неизмѣннымъ законамъ. Это — все естественныя данныя, которыя въ значительной степени обусловливаютъ формы личной и общественной жизни, преобладаютъ въ своей неизмѣнности на низшихъ ступеняхъ человѣческаго общества и сообщаютъ жизни неисторическихъ народовъ и бѣднѣйшихъ классовъ населенія въ цѣломъ мірѣ сильную склонность сохранять долгое время одну и ту же культурную обстановку. Это—первыя и самыя значительныя побужденія къ застою въ данной культурѣ.

Но никакая культура не могла бы образоваться, и даже никакое живое существо не могло бы существовать, еслибы это существо не заключало въ себѣ первоначальнаго побужденія, которое въ своемъ длинномъ генезисѣ должно было окончательно привести къ высшимъ результатамъ исторіи. Это первоначальное побужденіе есть общая потребность всякаго ощущающаго организма увеличивать наслажденіе и удалять страданія [13]). Дѣятельность, сюда относящаяся, начинается еще

---

[13]) Раденгаузенъ говоритъ(Isis: der Mensch und die Welt, 1863, III, 440): «Мы получаемъ рядъ развитій человѣчества, идущихъ чрезъ всѣ періоды и чрезъ всѣ народы, причемъ основными чертами движенія, главными направленіями напряженія силъ, можно признать: борьбу за существованіе, стремленіе къ увеличенію наслажденія, стремленіе къ высшему развитію». Иллюстраціи этихъ трехъ силъ въ ихъ проявленіи онъ посвящаетъ рядъ послѣдующихъ параграфовъ до конца тома, но не совсѣмъ вѣрно замѣчаетъ

въ безсознательный періодъ развитія организмовъ, и можно полагать, что на ней выработывается самый процессъ сознанія. Здѣсь рефлекторныя движенія, инстинктивныя дѣйствія и сознательная дѣятельность связаны столь постепенными переходами, что весьма трудно указать, гдѣ кончается одна область и начинается другая. Побужденіе удалить страданіе и увеличить наслажденіе вызываетъ воздѣйствіе особи на среду, элементарную технику, но не заключаетъ еще потребности въ непрерывномъ прогрессѣ, такъ какъ приспособленіе къ средѣ есть окончательная цѣль этого пробужденія, и когда особь приспособилась къ средѣ настолько, что страданія сносны, а дальнѣйшее увеличеніе наслажденій потребовало бы болѣе сложнаго разсужденія, чѣмъ допускаетъ психическая организація существа, то особь, или собраніе особей, живетъ повтореніемъ той дѣятельности, которая уже обратилась въ инстинктъ, въ привычку или преданіе, какъ наиудобнѣйшее приспособленіе къ условіямъ данной среды.

Но и весьма обширная техника, сложныя общественныя формы могутъ имѣть цѣлью лишь приспособленіе къ средѣ для наиудобнѣйшей жизни; и, на извѣстной степени приспособленія, для меньшинства особей, руководящихъ организаціей общества, неудобства всякаго измѣненія могутъ казаться значительнѣе несовершенствъ его строя. Тогда преданіе освящаетъ существующее, и привычка обращаетъ дѣятельность личностей въ полуинстинктивное отправленіе; выработывается для большинства искусственная культурная потребность — жить сообразно обычаю и сохранять унаслѣдованный общественный строй. Эта потребность, возникающая во всякой культурѣ, сколько-нибудь выработанной технически, представляетъ второе изъ главныхъ препятствій къ общественному прогрессу и причинъ, сближающихъ человѣческое общество съ обществами безпозвоночныхъ.

Противодѣйствіемъ этому влеченію къ застою являются въ человѣкѣ дальнѣйшія ступени той элементарной потребности увеличивать наслажденіе, о которой уже было упомянуто.

Выборъ пріятнѣйшаго, какъ средство увеличить наслажденіе, обращается въ потребность дѣйствовать сообразно влеченію аффекта, и личность, противопоставляя свое интимное чувство выбора, свою любовь и ненависть обычаю и преданію, пріучается бороться съ коченѣющими формами культуры въ сферѣ личнаго чувства. Но потребность аффек-

---

(498); что «въ стремленіи къ увеличенію наслажденія» человѣкъ «возвышается надъ животнымъ». Это стремленіе совершенно очевидно даже на довольно низкой ступени животнаго развитія.

тивнаго выбора не можетъ еще выработать правильнаго прогресса, потому что аффекты временны, цѣли ихъ частны и узки, а измѣнчивость ихъ не ограничена ничѣмъ. Борьба, направленная противъ культурнаго застоя во имя аффектовъ, лишена всякой послѣдовательности и можетъ мѣшать развитію сложной культуры; но не можетъ сообщить существующей культурѣ развитія въ опредѣленномъ направленіи.

Въ самомъ проявленіи аффектовъ или выбора пріятнѣйшихъ наслажденій можно замѣтить разныя степени. Сначала аффектъ чрезвычайно близокъ къ простому удовлетворенію инстинкта, усложненнаго выборомъ, какъ въ половыхъ сближеніяхъ многихъ птицъ и млекопитающихъ, въ постройкѣ и украшеніи увеселительныхъ гнѣздъ нѣкоторыми птицами и т. п. Далѣе онъ уже достаточно силенъ, чтобы подавить инстинктъ самосохраненія, какъ у нѣкоторыхъ птицъ. Еще далѣе въ классѣ приматовъ онъ развивается въ жажду раздражительныхъ наслажденій, несмотря на очевидный вредъ этихъ наслажденій для особи. Здѣсь самоотверженіе и желаніе наслаждаться становятся самостоятельными элементами психической жизни, способными противостоять инстинктамъ поддержанія личности и породы; слѣдовательно, этотъ фактъ развитія мы можемъ разсматривать, какъ подготовленіе періода критической мысли, способной поставить для личности цѣль, сдѣлать ее предметомъ аффекта, вѣрованія, увлеченія, идеальной преданности, и регулировать этою цѣлью дѣятельность личности въ ея цѣлости. Но какъ ни легко сблизить эти явленія съ человѣческою цѣлесообразною дѣятельностью, тѣмъ не менѣе отсутствіе послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, совершенныхъ подъ вліяніемъ аффекта, отнимаетъ всякую возможность приложить къ существамъ, стоящимъ внѣ человѣка, понятіе о прогрессѣ, по крайней мѣрѣ въ тотъ періодъ ихъ развитія, который подлежитъ нашему научному наблюденію.

Элементарное стремленіе увеличить наслажденіе и развитіе аффективнаго выбора, аффективнаго увлеченія могутъ быть разсматриваемы, повидимому, какъ простѣйшія или подготовительныя формы *нравственнаго развитія*, послѣдней ступени этого ряда, которую намъ остается разсмотрѣть. Нравственное развитіе мы встрѣчаемъ въ человѣкѣ, и оно само представляетъ рядъ послѣдовательныхъ ступеней. Потребность лучшаго, и лучшаго по выбору, присутствуетъ и здѣсь. Это лучшее по выбору представляется человѣку какъ психическое наслажденіе, передъ которымъ отступаетъ инстинктъ самосохраненія, передъ которымъ блѣднѣютъ прочія наслажденія, которое ведетъ личность впередъ по пути ея дѣятельности, даже при очевидной опасности для существованія личности на пути, по которому человѣкъ идетъ. Все это, повидимому,

встрѣчается болѣе или менѣе на низшихъ ступеняхъ животнаго міра. Разница здѣсь въ томъ, что нравственное влеченіе, которому подчиняется человѣкъ, перестаетъ быть *чисто* аффективнымъ, не возникаетъ внѣ разсудительности, независимо отъ нея, какъ нѣчто господствующее надъ нею. Наслажденіе есть лишь тогда наслажденіе *нравственное*, когда личность отдаетъ себѣ отчетъ въ его побужденіяхъ и въ его правомѣрности. Нравственное наслажденіе опирается на *критику*, требуетъ критики, не существуетъ внѣ критики. Разсужденіе есть его элементъ настолько же, насколько составляетъ его элементъ и самоотверженная дѣятельность для достиженія этого наслажденія. Аффективный элементъ въ нравственной дѣятельности не отдѣленъ отъ элемента разсудительнаго. Нравственное побужденіе есть не только побужденіе *сильнѣйшее* для того, кто ему слѣдуетъ; оно есть побужденіе *высшее*, т. е. побужденіе, которое разсудокъ признаетъ, какъ сильнѣйшее *по праву*, побужденіе, которому подчиняться обязательно. Въ нравственной жизни человѣка представляется комбинація новаго рода, между влеченіемъ и разсчетомъ. Разсчитана не только дѣятельность въ виду опредѣленной ближайшей цѣли: это встрѣчается на низшихъ ступеняхъ животной жизни; разсчитана не только дѣятельность въ виду подавляющаго аффекта, что̀ находимъ у многихъ животныхъ; но разсчитана также самая цѣль, которую ставитъ себѣ личность: критика предшествуетъ аффекту; выборъ лучшаго дѣлается сознательно, потому что оно лучше. Однако, на основаніи сказаннаго выше, критическій элементъ разсчитаннаго выбора не исчерпываетъ элементовъ нравственной жизни. Выборъ лучшаго можетъ быть чуждъ всякаго аффекта: лучшее можетъ быть лишь *полезнѣйшимъ*; оно можетъ быть вовсе не привлекательно, и дѣятельность для достиженія цѣли будетъ тогда дѣятельностью разсчетливою, *благоразумною*, но не нравственною. Нравственная дѣятельность, какъ уже было сказано, нераздѣльна отъ стремленія наслаждаться, отъ аффекта. Нравственная цѣль есть не только нѣчто *лучшее*: это—нѣчто *высшее*, т. е. лучшее такого рода, что оно возбуждаетъ аффектъ; лучшее, которое можно любить; это не только выгодное слѣдствіе, но и увлекательный *идеалъ*. Критика, *предшествующая* постановкѣ нравственнаго идеала, оправдываетъ его какъ *истину*; аффектъ, имъ возбуждаемый, дѣлаетъ его нравственнымъ *благомъ*; сознаніе, что̀ идеалъ опирается на предшествовавшую критику, что онъ есть истина, дѣлаетъ его *обязанностью* для личности и вызываетъ въ личности сознаніе *права* осуществить его; критика, слѣдующая за постановкою идеала, оправдываетъ дѣятельность, ведущую къ его осуществленію, *какъ нравственную жизнь*.

Такимъ образомъ, въ личности развивается потребность узнать истину, составить себѣ убѣжденіе объ истинномъ благѣ, убѣжденіе о своихъ обязанностяхъ и правахъ; развивается потребность жить, согласно своему убѣжденію. Это составляетъ и исчерпываетъ нравственную жизнь личности. Каждый шагъ на этомъ пути есть шагъ, расширяющій для личности ея собственное достоинство, ставящій ее выше въ собственномъ сознаніи. Все, принадлежащее этой области, составляетъ для личности процессъ *развитія*, а потребность, вызывающая нравственную жизнь, есть основная потребность, создающая исторію, потребность *нравственнаго развитія*.

Такъ какъ первый шагъ нравственнаго развитія есть стремленіе къ истинѣ, то первая область нравственнаго міра есть область *знанія*, которое становится *наукою*, когда оно выработало достаточно строгіе методы и настолько сгруппировало факты, что знанія формулируются въ понятія и законы. Такъ какъ осуществленіе убѣжденій личности въ жизни не можетъ совершаться иначе, какъ въ рядѣ отношеній человѣка къ другимъ личностямъ, то нравственная жизнь приводитъ къ соціальной дѣятельности или къ воплощенію *справедливости* въ общественныя отношенія. Слѣдовательно, цѣли прогресса представляются въ формулахъ истины и справедливости, какъ удовлетвореніе научной и нравственной потребности развитія. Изъ тщательной критики сознанія первостепеннымъ элементомъ исторіи оказывается развитіе ясной научной мысли и яснаго нравственнаго убѣжденія, воплощеннаго въ жизнь.

Но, какъ развитіе науки, такъ и воплощеніе справедливости представляетъ весьма медленный процессъ, встрѣчающій безпрестанныя затрудненія, какъ въ общественныхъ формахъ, такъ и въ психическихъ влеченіяхъ и привычкахъ личности. Ясныя понятія, необходимое условіе науки, пріобрѣсти не легко, и долго личности замѣняютъ ихъ представленіями религіозными, не критически выработанными, но составляющими основу убѣжденій и жизненной дѣятельности, или представленіями художественными, не методически добытыми, но увлекательными по характеристической вѣрности своихъ частностей. Поэтому, съ областями науки и нравственной дѣятельности сплетаются область некритическихъ убѣжденій — область *религіи*, и область патетически вѣрныхъ представленій внѣшняго міра и отраженій міра внутренняго — область *искусства*. Обѣ послѣднія области лишь частью принадлежатъ нравственному міру. Въ первой господствуютъ въ значительной мѣрѣ привычки и преданія, враждебныя критикѣ, слѣдовательно, враждебныя истинѣ и развитію. Искусство, преслѣдуя красоту формы, не можетъ

обратить достаточное вниманіе на то, что въ этой формѣ воплощено. Слѣдовательно, религіозныя вѣрованія и художественное творчество являются второстепенными элементами исторіи, сравнительно съ научной мыслью и ясно сознанными нравственными стремленіями; но, при слабой выработкѣ этихъ важнѣйшихъ элементовъ, первые получаютъ значеніе подготовительныхъ, младенческихъ формъ работы мысли [14]). Дѣйствительно, ясное пониманіе предметовъ и ясное сознаніе цѣлей сдѣлали еще мало успѣховъ въ человѣчествѣ, а потому фактически до сихъ поръ умственное и нравственное развитіе человѣчества гораздо чаще проявлялось въ формѣ религіозныхъ вѣрованій и болѣе или менѣе художественныхъ произведеній искусства, чѣмъ въ формѣ научно-установленныхъ истинъ и сознательнаго пониманія справедливости. Научныя теоріи и научная общественная техника завоевываютъ себѣ больше и больше мѣста, но завоеванія ихъ, особенно послѣдней, еще не очень значительны. Поэтому, изучая потребность развитія въ ея историческомъ удовлетвореніи, историку приходится разсматривать второстепенныя области вѣрованій и художественнаго творчества наряду съ областями науки и нравственной дѣятельности, какъ фазисы прогресса въ человѣчествѣ.

Сущность процесса исторіи можетъ быть выражена еще иначе. Будетъ ли убѣжденіе человѣка вѣрно или ошибочно, будетъ ли оно продумано критически или усвоено путемъ вѣрованія, или угадано въ художественномъ идеалѣ,—во всякомъ случаѣ, это убѣжденіе ставитъ свой нравственный идеалъ, какъ нѣчто высшее, какъ нѣчто обязательное, рядомъ съ привычками и преданіями общественной культуры. Оно *требуетъ* отъ личности *критики* общественныхъ формъ и общественныхъ явленій, на основаніи идеала, образовавшагося въ убѣжденіи. Какъ личность, критически мыслящая, человѣкъ становится врагомъ застоя въ обществѣ, органомъ общественныхъ реформъ и переворотовъ, дѣятелемъ прогресса, элементомъ исторіи. Потребность развитія противодѣйствуетъ всѣмъ остальнымъ потребностямъ, которыя влекутъ общество къ застою. Критическая мысль, дѣйствуя неудержимо на культуру для распространенія истины и справедливости, обращаетъ культуру въ прогрессивную *цивилизацію* и создаетъ *исторію*.

Такимъ образомъ, существенно-историческое явленіе прогресса обусловливается въ своихъ видоизмѣненіяхъ взаимодѣйствіемъ двухъ эле-

---

[14]) Мы увидимъ ниже, при разсмотрѣніи первыхъ періодовъ жизни человѣчества, какъ вопросы знанія и нравственности составляли все содержаніе религіозныхъ и художественныхъ созданій перваго времени, которому доступна была лишь эта форма постановки этихъ вопросовъ.

ментовъ. *Культура* общества представляетъ въ каждомъ мѣстѣ и въ каждый моментъ среду, изъ которой развивается критическая мысль личностей, но которая сама по себѣ заключаетъ естественное влеченіе къ застою, къ упроченію привычекъ и преданій даннаго общества въ данную эпоху его существованія. *Мысль* личности противопоставляетъ этому влеченію къ застою свои идеалы въ формѣ вѣрованій и художественныхъ созданій, которыя постепенно выработываются въ научную критику и въ ясное сознаніе нравственныхъ требованій справедливости. Исторія человѣчества представляетъ раціональный интересъ лишь какъ изслѣдованіе процесса переработки культуры помощью мысли. Успѣхи послѣдней обозначили великія эпохи жизни человѣчества. Подавленіе ея культурными привычками и преданіями влекло за собою замедленіе развитія общества, застой цивилизаціи или даже пониженіе ея. *Исторія цивилизаціи*, въ ея раціональномъ смыслѣ, должна показать образованіе различныхъ культуръ подъ вліяніемъ естественныхъ законовъ, историческихъ условій и работы мысли личностей, возникновеніе новой критики мысли при условіяхъ каждой новой культуры и переработку этой культуры подъ вліяніемъ мысли, ею вызванной.

Отсюда слѣдуетъ и рѣшеніе вопроса, поставленнаго выше о *существенномъ* содержаніи исторіи. *Существенныя* черты исторіи обусловливаются: борьбою критической мысли противъ задерживающихъ вліяній культуры; прогрессомъ въ области познанія истины; прогрессомъ въ области осуществленія справедливости. Все зависящее отъ органическаго устройства человѣка, всѣ культурные элементы общественной жизни составляютъ лишь среду, обстановку настоящей исторіи и цѣнны лишь какъ матеріалъ для работы мысли на пути ея завоеваній въ сферѣ истины и справедливости [15]).

---

[15]) Бокль пишетъ (Hist. of civil. in Engl. 1871, I, 20): «Такимъ образомъ мы имѣемъ человѣка, видоизмѣняющаго природу, и природу, видоизмѣняющую человѣка; изъ этого взаимнаго видоизмѣненія должны произойти неизбѣжно всѣ событія. — Таковы матеріалы, изъ которыхъ единственно можетъ быть построена философская исторія». — Безспорно, что взаимнодѣйствіе природы и человѣка исчерпываетъ событія, но центръ тяжести историческаго ряда событій не въ этомъ взаимнодѣйствіи, и замѣчательный трудъ англійскаго историка-мыслителя служитъ самъ этому доказательствомъ. Дѣйствіе природы на человѣка *подготовляетъ* исторію; дѣйствіе человѣка на природу составляетъ лишь одну долю его *технической* дѣятельности. Но между этими двумя окончательными звѣньями находятся промежуточныя, представляющія разнообразное дѣйствіе человѣка на человѣка при пособіи формъ общежитія, и въ этой *собственно-исторической* дѣятельности природа доставляетъ лишь среду. Вся исторія, на сколько она есть исторія чело-

§ 4. Столкновеніе элементовъ мысли въ исторіи.

Исторія мысли не можетъ быть разсматриваема какъ картина безостановочнаго прогресса, не только вслѣдствіе того препятствія, которое мысль встрѣчаетъ въ необходимыхъ условіяхъ человѣческаго существа и природы, а также въ формахъ культурной среды, но и потому, что различныя сферы мысли, развиваясь неравномѣрно, только тогда способствуютъ взаимному успѣху, когда доросли до степени достаточно стройнаго и цѣльнаго міросозерцанія. До тѣхъ же поръ онѣ весьма часто становятся во враждебныя отношенія между собою, вступаютъ въ борьбу за преобладаніе, и лишь постепенно вырабатывается между ними гармоническое отношеніе. Исторія мысли съ самаго начала до нашего времени представляетъ длинный рядъ столкновеній между элементами мысли, столкновеній, явившихся какъ слѣдствія неяснаго пониманія ихъ взаимныхъ отношеній.

Мы видѣли, что всѣ сферы мысли вырабатываются изъ одного и того же безсознательнаго состоянія, слѣдовательно, въ первомъ періодѣ своего развитія субъективно неразличимы. Лишь постепенно онѣ дифференцируются и обособляются въ сознаніи, чтобы потомъ переработаться въ одно цѣлое въ сферѣ объединяющей мысли. Именно въ промежуткѣ между этими двумя фазисами онѣ вступаютъ въ столкновеніе между собою.

Первая и самая продолжительная борьба въ области мысли, начавшаяся въ доисторическомъ періодѣ и продолжающаяся до нашего времени, есть

вѣка въ его особенностяхъ для него наиболѣе важныхъ, заключается въ этихъ промежуточныхъ звѣньяхъ, во взаимнодѣйствіи формъ общежитія и личности, то подчиняющейся этимъ *культурнымъ* формамъ, то перерабатывающей ихъ теоретическою и практическою *мыслію*. Природныя вліянія лишь способствуютъ культурѣ поработить мысль или мысли усилиться для борьбы съ культурой. Центръ тяжести философской исторіи въ этой борьбѣ прогрессивнаго элемента личной мысли съ косною общественною средою и матеріалы взаимнодѣйствія между природою и человѣкомъ входятъ въ эту исторію уже въ сильно переработанномъ видѣ общественныхъ формъ и личныхъ наклонностей. Наибольшая часть исторія Бокля и занимается изложеніемъ общественныхъ формъ подъ вліяніемъ мысли, и работою мысли при данныхъ условіяхъ общежитія. Природа эта составляетъ для него, какъ и для всякаго мыслящаго историка, лишь фонъ картины, сообщающій ей общій колоритъ, но не вліяющій на ея содержаніе.

борьба между мыслью теоретическою и практическою. Изъ массы личностей, озабоченныхъ ежедневными заботами жизни, выдѣлились истолкователи сверхъ-естественнаго, угадыватели смысла знаменій, вѣдуны, шаманы, пророки. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не образовалось особой касты духовенства, занятія вопросами *высшими*, таинственными, совершеніе магическаго обряда, истолкованіе сверхъ-естественнаго міра, вступленіе въ сношенія съ нимъ—составили *высшую* работу мысли, далеко отстоявшую въ мнѣніи общества отъ обыденныхъ дѣлъ. Заботы о жизни, практическая низшая дѣятельность противополагалась заботамъ о предметахъ, доступныхъ лишь мышленію особаго рода, теоретической высшей дѣятельности. Тамъ, гдѣ выработалась каста жрецовъ, монополизировавшая высшую работу мысли, ей противополагалась почти всегда каста воиновъ, захватившая въ свои руки, болѣе или менѣе, если не всю политическую дѣятельность, то исполнительную власть. Въ такомъ случаѣ, надъ массою подавленнаго большинства земледѣльцевъ и ремесленниковъ возвысились оба класса, раздѣлявшіе между собою спеціальности мысли теоретической и практической. Вслѣдствіе этого раздѣленія укоренилось и убѣжденіе въ противоположеніи этихъ двухъ областей мысли, въ ихъ несовмѣстимость; стало развиваться взаимное недоброжелательство спеціалистовъ обѣихъ областей: истолкователь высшей мудрости презиралъ человѣка, поглощеннаго ежедневными заботами; политическій дѣятель смотрѣлъ на мыслителя о сверхъ-естественныхъ предметахъ какъ на безполезнаго мечтателя; они не могли не сталкиваться въ борьбѣ за общественное преобладаніе, одинъ во имя высшей мудрости, другой во имя пониманія практическихъ условій, и на первыхъ страницахъ исторіи древнѣйшихъ выработанныхъ цивилизацій записана эта борьба.

Это противоположеніе удержалось и впослѣдствіи, при отсутствіи кастъ. Типъ уединеннаго мыслителя-мудреца, пренебрегающаго жизненными вопросами, противостоялъ типу практическаго дѣловитаго человѣка. Для перваго считалось не нужнымъ, едвали не вреднымъ, вмѣшательство въ общественную жизнь; для втораго считалось столь же мало нужнымъ, едвали не столь же вреднымъ, послѣдовательное мышленіе, дѣятельность по принципу. Какъ общественный индифферентизмъ былъ болѣе или менѣе явно высказаннымъ идеаломъ мышленія перваго типа, такъ безнравственная приноровка къ обстоятельствамъ, отсутствіе всякаго широкаго и обязательнаго начала въ жизни были характеристическими чертами послѣдняго. И эти два типа мысли, выработанные античнымъ міромъ, почти безъ измѣненія дошли до нашего времени. Въ періодѣ

господства религіозныхъ формъ мысли они высказались противоположеніемъ типа аскета, преданнаго заботамъ «не отъ міра сего», и міянина, который подчинялся требованіямъ жизни, ограничиваясь періодическимъ признаніемъ предъ своимъ духовникомъ, что онъ грѣшитъ и не грѣшить не можетъ, мгновеннымъ сокрушеніемъ сердца объ этой необходимости и возвращеніемъ къ этому грѣшному пути жизни немедленно по полученіи отпущенія. Въ этомъ періодѣ, къ безнравственному допущенію двойственности теоретическаго и практическаго идеала человѣка прибавилось еще новое безнравственное начало—лицемѣрнаго признанія *единственною* правильною жизнью такого жизненнаго идеала, которому почти никто не слѣдовалъ, да всѣ и не могли вполнѣ слѣдовать безъ совершеннаго разрушенія общества. Когда этотъ періодъ смѣнился распространеніемъ раціоналистическихъ пріемовъ мысли, противоположеніе теоретическаго и практическаго мышленія продолжалось въ новой формѣ, которая до сихъ поръ находитъ себѣ отъ времени до времени выраженіе въ самыхъ серьезныхъ произведеніяхъ литературы, тѣмъ болѣе, что общественныя формы жизни и экономическая борьба поставили на первое мѣсто раздѣленіе работы и выработку спеціальности. Тогда типъ ученаго спеціалиста, чуждаго всѣмъ заботамъ общества, его окружающаго, противоположился и противополагается до сихъ поръ типу дѣлового человѣка, не имѣющаго нужды въ теоретическомъ знаніи. Ньютонъ сидѣлъ въ англійскомъ парламентѣ въ одинъ изъ самыхъ бурныхъ періодовъ исторіи его отечества и молчалъ, весь погруженный въ свои теоретическія задачи. Де-Кандоль въ послѣднемъ своемъ трудѣ [1]) признаетъ, что «человѣкъ, ищущій чистую истину въ исторіи, въ правѣ, въ наукахъ нравственныхъ, естественныхъ или иныхъ, не думая о себѣ, чувствуетъ себя чужимъ въ политическомъ собраніи. Его можетъ ввести туда лишь патріотизмъ или минутное увлеченіе, и онъ очень скоро замѣчаетъ, что онъ не на своемъ мѣстѣ. Какъ пойдетъ онъ на сдѣлки *политикующихъ* (politiciens), напримѣръ, торговать принципомъ въ обмѣнъ за желѣзную дорогу, благотворительнымъ учрежденіемъ—въ обмѣнъ за избраніе, низверженіемъ министерства или монархіи—въ обмѣнъ за нѣкоторыя личныя выгоды?» Ученый ботаникъ не особенно несогласенъ съ остроумнымъ опредѣленіемъ ученаго, какъ «человѣка, который знаетъ то, чего не знаютъ другіе, и который невѣжда въ томъ, что всѣмъ извѣстно» [2]). Современные позитивисты, по крайней мѣрѣ въ одной

[1]) *Alph. de Candolle:* «Hist. des sciences et des savants depuis deux siécles» (1873), 146—147.

[2]) Тамъ же, 81.

изъ своихъ отраслей, считаютъ прирожденнымъ различіе способностей теоретическаго и практическаго мышленія. «Умъ спекулятивный—пишетъ де Блиньеръ [3])—единственно способный стремиться къ открытію истины путемъ размышленія и достичь этого открытія, по самой своей природѣ, существенно не годенъ для ежедневнаго руководства обыкновенными вещами..... Характеры размышляющіе, по необходимости, мало заботятся и должны мало заботиться о настоящей реальности въ ея подробностяхъ.» Въ этихъ словахъ мы видимъ прямой отголосокъ древняго воззрѣнія стоиковъ и эпикурейцевъ, выдѣлявшаго мудреца изъ остальнаго міра. Знаніе и жизнь продолжаютъ казаться областями не только несогласными между собою, но несогласимыми, требующими противоположныхъ свойствъ мысли, и борьба между ними считается какъ бы узаконенною. Въ одномъ изъ современныхъ міросозерцаній, считающемъ себя наиболѣе научнымъ, это противоположеніе переходитъ даже въ методологію. Для знанія и вообще для теоретическаго мышленія признается правильнымъ лишь методъ объективный, который поэтому и противополагается субъективному стремленію къ пріятному, къ полезному, къ воплощенію идеаловъ, составляющему сущность практическаго мышленія, потому самому признаваемаго ненаучнымъ.

Именно современная исторія мысли должна разрушить иллюзіи этого противоположенія, такъ какъ ея задачи заключаются въ выработкѣ *единаго* нравственнаго идеала, опирающагося на строгую теоретическую критику; въ организаціи соціологіи, какъ высшей научной отрасли, гдѣ объективный и субъективный методы одинаково необходимы, гдѣ теоретическое мышленіе неизбѣжно приводитъ къ практической задачѣ, и всякая практическая задача заключаетъ въ себѣ рѣшеніе сложнаго теоретическаго вопроса; въ упрощеніи методовъ знанія до полной доступности пониманія всѣхъ основныхъ научныхъ истинъ для большинства мыслящихъ людей; въ упрощеніи общественнаго строя до обязательнаго участія въ немъ всѣхъ членовъ свободнаго общественнаго союза; въ удѣленіи всѣмъ спеціальностямъ лишь доли жизни каждой личности, тогда какъ другая и бо́льшая доля составитъ общечеловѣческую почву, гдѣ строгое теоретическое мышленіе должно служить основою энергическому практическому убѣжденію, осуществленному въ послѣдовательной жизни. Борьба областей теоретической и практической мысли должна быть прекращена ихъ соглашеніемъ, и только въ ихъ соглашеніи лежитъ возможность лучшаго будущаго для человѣчества.

---

[3]) *C. de Blignières:* «Exposition de la philosophie et de la religion positives» (1857), 27—28.

Въ области теоретической возникла уже въ историческое время борьба между мыслью религіозною и критическою. Если ее можно частью замѣтить уже въ цивилизаціяхъ дальняго Востока, то ея настоящею почвою была Греція. Чѣмъ болѣе уяснялась и опредѣлялась въ своихъ пріемахъ и методахъ научная критика, тѣмъ опредѣлительнѣе выставлялось это противоположеніе. Многочисленныя попытки примирить эти два стремленія оказывались постоянно или самообольщеніемъ со стороны мыслителей, или тенденціознымъ лицемѣріемъ. Другой рядъ попытокъ раздѣлить эти двѣ области, какъ равноправныя, тоже привелъ къ полной неудачѣ, такъ какъ критика науки никогда не могла и не имѣла права остановиться ни предъ какою заставою, кромѣ непознаваемаго, но для этой области непознаваемаго критическая мысль не могла тоже допустить существованія *иной* истины внѣ истины научной, а должна была установить положительную *невозможность* какой либо истины [4]). Фазисы

---

[4]) Ог. Контъ говоритъ по этому поводу (Cours de phil. pos., 3 ed. 1869, IV, 493 и слѣд.): «Не смотря на непобѣдимую очевидность постепеннаго влеченія человѣческаго ума къ позитивной философіи, (многіе) желали бы сохранить за теологической философіею вѣчное господство, мечтая о химерическомъ соглашеніи между ними, вслѣдствіе ложной оцѣнки ихъ основного антагонизма. Но разнообразныя объясненія, предложенныя по этому предмету въ трехъ предшествующихъ томахъ, не могутъ болѣе оставить никакого сомнѣнія въ радикальной несогласимости этихъ двухъ философій, какъ по ихъ методу, такъ и по ихъ доктринѣ, какъ только ихъ соотвѣтственные особенности достаточно развиты..... Прежде чѣмъ былъ открыто заявленъ какой либо прямой антагонизмъ, эта элементарная антитезія повсюду выказалась.... Когда, наконецъ, могли быть открыты естественные законы сколько нибудь важные, это интимное непрерывное противоположеніе не замедлило выказать, во всѣхъ отношеніяхъ, все болѣе и болѣе опредѣленную несогласимость между господствомъ воображенія и господствомъ разума, между строемъ мысли, направленной на безусловное и на относительное, особенно же между древнею гипотезою верховнаго направленія какихъ бы то ни было событій произвольными хотѣніями и все болѣе неоспоримою возможностью предвидѣть событія или ихъ видоизмѣнить единственными раціональными средствами человѣческой мудрости.... Научная мысль, становясь менѣе робкою, а въ то же время болѣе общею, должна была невольно подорвать теологическія представленія тѣмъ самымъ, что она провозглашала ихъ недоступность для человѣческаго ума. Вводя непосредственно въ розысканія совершенно новый пріемъ, успѣхъ этой мысли не могъ не выставить ярко на видъ, въ чисто-логическомъ отношеніи, рѣшительный контрастъ между осторожною разсудительностью пріемовъ, приложенныхъ къ цѣли, наиболѣе доступной, и легкомысленной дерзостью попытокъ открыть самыя непроницаемыя тайны.»

Насколько эти начала мало усвоены еще въ наше время даже людьми, которыхъ нельзя не причислить къ передовымъ мыслителямъ, видно изъ

этой совершенно правомѣрной борьбы между двумя несогласимыми пріемами мышленія составляютъ значительную долю исторіи мысли въ ея послѣдовательномъ ходѣ. Для современнаго человѣчества, въ наиболѣе развитыхъ его группахъ, вопросъ уже рѣшенъ. Критическая мысль есть единственная нормальная мысль, а догматическое мышленіе составляло въ прошедшемъ лишь переходную и подготовительную ступень; въ настоящемъ же представляетъ переживающій остатокъ отжившихъ періодовъ или признакъ личнаго недоразвитія, излѣчимаго лишь педагогически. Нормальная же область этого мышленія есть область нравственнаго убѣжденія, которая является не областью параллельной съ критическою мыслью, не областью независимою отъ нея, но *результатомъ этого мышленія*, имѣющимъ лишь ту особенность, что онъ, выросшій на критической почвѣ, предъ задачею немедленной практической дѣятельности перестаетъ быть критикою началъ и побужденій, но становится непоколебимою вѣрою въ эти начала и ограничиваетъ критическую дѣятельность критикою способовъ осуществленія въ жизни усвоеннаго убѣжденія. «Лишь критика создала прочныя убѣжденія. Лишь человѣкъ, выработавшій въ себѣ прочныя убѣжденія, находитъ въ этихъ убѣжденіяхъ достаточную силу вѣры для энергическаго дѣйствія. Въ этомъ отношеніи вѣра противоположна критикѣ не по существу, а по времени; это—два разные момента развитія мысли. Критика подготовляетъ дѣятельность; вѣра вызываетъ дѣйствіе» [5]).

примѣра трехъ современныхъ англійскихъ знаменитостей. Въ своей рѣчи, обращенной къ Британской ассоціаціи, президентъ послѣдней, въ 1868 году, извѣстный ботаникъ Гукеръ, отвелъ законы вещества—учителямъ физической науки, законы духа—учителямъ религіи, и допускалъ, что «тѣ и другіе могутъ работать вмѣстѣ въ согласіи и для хорошей цѣли». (Report, LXXIV) Не менѣе извѣстный Гэкели печаталъ въ 1869 г. въ Fortnightly Review (June, 663) статью, гдѣ признавалъ, что борьба между богословіемъ и наукою никогда не разрѣшится, и что для всѣхъ практическихъ вопросовъ это равносильно побѣдѣ антропоморфизма. Наконецъ, Гербертъ Спенсеръ стремится, въ своей теоріи непознаваемаго, къ *примиренію* областей знанія и догмата, и говоритъ (First principles, 113): «Весьма вѣроятно, навсегда останется потребность придать форму чувству основнаго бытія, чувству, которое составляетъ сущность нашего мышленія..... Постоянно стремясь знать и постоянно отбрасываемые къ болѣе глубокой увѣренности въ невозможность знанія, мы живо сохраняемъ сознаніе, что наша высшая мудрость и наша высшая обязанность заключаются въ признаніи того, чѣмъ все существуетъ, непознаваемымъ.»—И сколько другихъ стоятъ еще на подобной точкѣ зрѣнія!

[5]) «Историческія письма» (1870), стр. 247 — См. вообще Письмо XV: Критика и вѣра, 243—255.

Въ сферѣ самой критической мысли шла борьба между эмпиризмомъ знанія и объединяющими стремленіями философскаго настроенія. Въ мудрости и въ философіи первыхъ мыслителей древней Греціи эти два направленія мысли сливались. Послѣ Аристотеля началось ихъ раздѣленіе. Въ Александріи выработались отрасли спеціальныхъ наукъ и рядомъ съ тѣмъ произошло отдѣленіе философской мысли именно отъ тѣхъ вопросовъ, которые начали образовывать область *точной* науки. То же явленіе повторилось при возрожденіи критической мысли въ XVII-мъ вѣкѣ, послѣ попытки Бэкона. Философское мышленіе стремилось болѣе и болѣе противоположиться эмпирическому, пока это противоположеніе, въ началѣ нынѣшняго вѣка, не достигло своей высшей точки, когда одновременно ученые естествоиспытатели гордились своимъ нефилософскимъ эмпиризмомъ, а натурфилософы пытались построить природу á ргіогі, презирая спеціальное знаніе. Съ возрожденіемъ реализма въ настоящее время это противоположеніе явно сглаживается, и едвали не справедливо выразить полную надежду, что задача теоретической мысли въ современности заключается именно въ группировкѣ отдѣльныхъ фактовъ точнаго знанія въ цѣльное міросозерцаніе и въ выработкѣ такого міросозерцанія, которое могло бы служить для объединенія точныхъ фактовъ въ ихъ реальности. Объединяющая мысль должна стать теоретическимъ завершеніемъ мысли критической.

Въ сферѣ практической мысли борьба между разными направленіями шла еще съ большимъ ожесточеніемъ и отражалась болѣе рѣзкими катастрофами, какъ въ исторіи культуры, такъ и въ исторіи мысли. Не останавливаясь на болѣе частныхъ вопросахъ, приходится указать на главный моментъ борьбы въ противоположеніи личности обществу, то при поглощеніи личной дѣятельности общественною въ формѣ культурнаго обычая или всеподавляющаго легальнаго механизма, то при эксплуатаціи общественныхъ силъ личностью путемъ централизаціи власти, монополіи имуществъ, орудій труда, средствъ наслажденія. Эта борьба личнаго и общественнаго начала, по самой сущности, восходитъ къ доисторическому періоду и позволяетъ отнести къ первымъ фазисамъ общественной жизни какъ поглощеніе личности группою, такъ и противоположеніе личной воли, личнаго интереса первобытному объединяющему общежитію. Если на чисто-зоологической ступени развитія человѣческаго общества мы, по аналогіи съ антропоморфными приматами, угадываемъ господство личности надъ другими слабѣйшими личностями, «семью первобытнаго патріархальнаго склада съ исключительнымъ господствомъ ревниваго обладателя, съ вѣчною борьбою между самцами, съ чрезвычайною непрочностью

семейнаго союза» [6]), то первая антропологическая форма общества представляетъ намъ полное поглощеніе личности группою, которая одна могла оградить личность отъ безчисленныхъ опасностей, ей угрожавшихъ; здѣсь «все было общее въ этой совокупности людей, погруженныхъ въ неисходную борьбу за существованіе съ другими обществами», и характеристическою чертою является «подчиненіе всѣхъ эгоистическихъ, обособляющихъ инстинктовъ сознанію необходимости крѣпкой связи дружины для успѣшной борьбы» [7]).

За этою формою общежитія слѣдовала, вмѣстѣ съ выработкой личности въ средѣ общества, реакція личныхъ элементовъ противъ общественныхъ и такой общественный порядокъ, «въ которомъ индивидуальная воля и личные интересы преобладали... надъ волей и интересами цѣлаго» [8]). Съ этихъ поръ исторія обществъ, ихъ упроченіе и разрушеніе, ихъ прогрессъ или застой опредѣлялись борьбою между этими двумя практическими побужденіями: стремленіемъ упрочить общественную связь, подчиняя ей личныя побужденія, и стремленіемъ осуществить личныя цѣли въ ущербъ крѣпости общественной связи.

Промежуточнымъ звѣномъ между этими противоположностями явилась аффективная связь между эгоистическими личностями, сплачивавшая ихъ въ крѣпкія группы и расширявшая эти группы, во-первыхъ, вслѣдствіе привычныхъ, во-вторыхъ, вслѣдствіе нравственныхъ идей. Аффектъ въ своемъ основномъ элементѣ обращенъ на личность *по выбору*. Затѣмъ онъ распространяется на группы, съ которыми человѣкъ связанъ по рожденію, по воспитанію, по мѣстожительству, по сходству занятій, по преданіямъ; этотъ аффектъ, сословный, мѣстный, цеховой, опирается *на привычку* и поддерживается *привычкою*. Въ обѣихъ указанныхъ формахъ аффектъ является въ полярной противоположности силы, скрѣпляющей связь между личностями внутри группъ, и силы, ослабляющей связь между группами. Чѣмъ болѣе слѣпа преданность данному лицу, тѣмъ равнодушнѣе преданный этому лицу человѣкъ относительно другихъ лицъ и менѣе способенъ къ преданности общему дѣлу. Усиленіе сословнаго чувства связано съ враждебностью къ инымъ сословіямъ. Усиленіе патріотизма, въ старомъ смыслѣ этого слова, связано большею частью съ ненавистью или презрѣніемъ къ другимъ народностямъ. Чѣмъ

---

[6]) «Первобытная форма человѣческихъ отношеній». «Дѣло», 1872, № 2, стр. 309. Ср. *Ч. Дарвинъ*: «Происхожденіе человѣка и половой подборъ» (изд. «Знанія», 1871), стр. 401 и слѣд.

[7]) Тамъ же.—*В. Сергѣевичъ*: «Задача и метода государственныхъ наукъ» (1871), 228.

[8]) *В. Сергѣевичъ*, 230.

крѣпче связь секты, тѣмъ самая секта обыкновенно нетерпимѣе относительно иновѣрцевъ. При всякомъ историческомъ разрушеніи крѣпкой привычной связи въ средѣ отдѣльныхъ группъ, прежде всего выступаетъ на видъ личный эгоизмъ со всѣми своими непривлекательными свойствами, но, въ дѣйствительности, этотъ періодъ личнаго эгоизма, разрушающаго привычную, некритическую связь у группъ, служитъ лишь подготовкою почвы для періода болѣе раціональной общественной связи. Наиболѣе развитыя натуры могутъ столь же мало успокоиться на чисто эгоистической личной дѣятельности, какъ и вернуться къ формамъ общественной связи, однажды перейденнымъ. Въ періоды подобной безнравственности обыкновенно происходило раздѣленіе трехъ слоевъ мысли: большинство, наиболѣе замѣтное для современниковъ и для менѣе внимательныхъ историковъ, разорвавъ связь съ прошедшимъ, предается оргіямъ эгоизма и взаимной эксплуатаціи, на основаніи чисто элементарнаго зоологическаго принципа борьбы всѣхъ противъ всѣхъ; болѣе развитыя нравственно, но не особенно сильныя умственно личности, испуганныя картиною общественнаго распаденія, послѣдовавшаго за отрицаніемъ старыхъ формъ, усиленно держатся за эти старыя формы, приписывая общественное разстройство именно отреченію отъ этихъ старыхъ формъ, и образуютъ партію реакціи, идеализаціи стараго; наконецъ, немногіе дѣятели, сознавая невозможность удержать отжившій порядокъ вещей, но не имѣющіе возможности допустить отсутствія общественной связи, пытаются или видоизмѣнить старый порядокъ, чтобы сдѣлать его годнымъ для новаго времени, или изъ теоретическаго изслѣдованія потребности общественной жизни извлечь основанія новаго порядка, способнаго придать обществу прочную связь. Оба рода попытокъ требуютъ, во-первыхъ, критическаго разбора старыхъ преданій, отличенія въ нихъ того, что очевидно и окончательно отжило, отъ того, что имѣло нѣкоторый шансъ еще удержаться; во-вторыхъ, критическаго разбора дѣйствительныхъ потребностей общества. Но именно это составляетъ условіе возможности общественнаго прогресса, и всего труднѣе ему имѣть мѣсто въ эпохи господства привычныхъ, установившихся культурныхъ преданій. Почти неизбѣжно поэтому, чтобы появленію новыхъ, болѣе раціональныхъ теорій общественнаго строя предшествовало видимое пониженіе связующей общественной нравственности, эпоха господства эгоистическихъ влеченій [9]).

Такимъ образомъ въ древнемъ мірѣ, за періодомъ господства рели-

[9]) Ср. «Современныя ученія о нравственности и ея исторія». Отеч. Зап. (XC, отд. I, 129; CXCI, отд. I и слѣд.).

гіозно-политическаго строя, установленнаго преданіемъ, настала въ Греціи эпоха противуположенія личности общественному строю, причемъ софисты выставляютъ теорію, а люди, подобные Алкивіаду, доставляютъ практическую иллюстрацію ученія. Къ послѣднему времени Греціи эгоизмъ личностей разлагаетъ государственный строй, губитъ общество, опирающееся на преданіи, и въ нравственномъ отношеніи эпоха эллинизма представляетъ самыя печальныя явленія. Но въ этомъ распаденіи общества, жившаго преданіемъ, выработываются теоріи, неизвѣстныя предшествующему періоду, теоріи спеціальной, точной истины, уже не философской, а строго-научной, и теоріи всемірнаго гражданства, чуждаго мѣстнымъ преданіямъ. — Вслѣдъ затѣмъ въ Римѣ вліяніе греческой мысли является разлагающимъ элементомъ для стараго общества, выказываетъ его несостоятельность, выставляя на видъ всю его безнравственность, какъ только его перестали сдерживать старыя привычки; но съ тѣмъ вмѣстѣ, среди падающей республики, ограбившей міръ, обобщаются и разливаются по всѣмъ концамъ классическаго общества теоріи, которыя заключали въ себѣ данныя болѣе широкой общественной жизни и которыя погибли безъ успѣха скорѣе вслѣдствіе внѣшнихъ катастрофъ и сложныхъ соціальныхъ болѣзней, чѣмъ вслѣдствіе своей собственной несостоятельности.

При процессѣ организаціи новаго европейскаго общества, феодализмъ составилъ протестъ самовольной, эгоистической личности противъ искусственной церковной связи общества, не имѣвшаго никакихъ нравственныхъ данныхъ для своей связи. За разрушеніемъ средневѣковаго общества послѣдовала эпоха возрожденія, гдѣ практика политическаго эгоизма, въ лицѣ государей, министровъ, гражданъ, шла рядомъ съ теоріею маккіавелизма, но именно эта эпоха послужила колыбелью новымъ теоретическимъ и практическимъ міросозерцаніямъ, составившимъ основу новоевропейской цивилизаціи.—Съ разрушеніемъ вѣры въ политическія теоріи, связующія общества, началась современная намъ оргія капитализма, но рядомъ съ нею выработывались и болѣе правильныя соціологическія воззрѣнія, замѣнившія государство, какъ основной типъ правильнаго общежитія, совершенно иными типами.

Критика, внесенная научнымъ методомъ въ эти вопросы, не дала утвердиться теоріи полнаго подчиненія личности обществу, теоріи, которая входила во многія новыя соціологическія построенія. Джонъ Стюартъ Милль указалъ на опасность для новаго общества выработаться въ Китай своего рода [10]). Эгоистическій индивидуализмъ нашелъ себѣ

[10]) *J. St. Mill.* «On liberty» (1859) 129, ср. 195.

почву въ отрицаніи всякой централистической организаціи, въ предоставленіи личности полнаго произвола въ дѣйствіяхъ относительно группы, цѣли которой личность признаетъ и своими цѣлями. Въ теоріи права личности не подчиняться рѣшенію большинства группы, съ которою личность добровольно признаетъ себя солидарною, живетъ еще теперь въ самыхъ передовыхъ кружкахъ нашего времени старое противуположеніе личнаго вкуса, личнаго эгоизма общественному дѣлу.

Задача современности заключается именно въ примиреніи этого противуположенія, въ отысканіи общественнаго строя, формы котораго служили-бы наиболѣе крѣпкой связью между личностями для взаимной помощи, для взаимнаго развитія, для прогрессивной кооперації, но не стѣсняли бы личности въ ея развитіи, въ ея особенностяхъ. Эта задача заключается въ воспитаніи личнаго убѣжденія такимъ образомъ, чтобы оно не могло противупоставлять личнаго вкуса и эгоистическаго стремленія общему дѣлу, чтобы развитой человѣкъ могъ всегда дѣйствовать сообразно личному убѣжденію, но чтобы при этомъ солидарность съ людьми, идущими съ нимъ къ одной прогрессивной цѣли, составляла основной элементъ его убѣжденія. Это примиреніе возможно лишь при пониманіи общества какъ формы, удовлетворяющей потребностямъ личности, въ ихъ нравственной іерархіи, и при пониманіи личности, какъ развивающейся умственно и нравственно лишь въ процессѣ содѣйствія прогрессу общественныхъ формъ.

Не разъ встрѣчалась, въ позднѣйшіе періоды исторіи, и борьба между областями эстетическаго творчества и нравственной дѣятельности, но она особаго значенія не имѣла, и мы не имѣемъ причины на ней долго останавливаться. Она лежитъ не въ сущности самаго процесса мысли въ этихъ двухъ областяхъ, а въ личныхъ особенностяхъ дѣятелей. Художественный талантъ не составляетъ никакого ручательства въ нравственной высотѣ человѣка, однако и не представляетъ ни малѣйшаго препятствія его нравственному развитію. Но свое нравственное развитіе художникъ воплощаетъ въ свое произведеніе совершенно независимо отъ всякой преднамѣренности, такъ что отсутствіе слѣдовъ нравственнаго развитія въ произведеніи есть самое вѣрное свидѣтельство о низкомъ нравственномъ уровнѣ его создателя; хотя обратное указаніе было бы невѣрно, такъ какъ художникъ, неспособный въ жизни воплотить ни одного нравственнаго начала, можетъ умственно понимать высоту идеала, ему практически недоступнаго, и творить съ точки зрѣнія этого идеала. Во всякомъ случаѣ теоретическое противу-

положеніе *искусства для искусства и искусства для жизни* составляетъ вопросъ крайне второстепенный. Развитой нравственно художникъ, имѣя въ виду исключительно эстетическое творчество, прекрасную и патетическую форму, неизбѣжно одушевитъ эту форму нравственнымъ содержаніемъ. Неразвитой нравственно художникъ, если станетъ творить съ цѣлями практическими, произведетъ нравственно-отвратительныя созданія, каково бы ни было ихъ эстетическое достоинство. Въ эпохи борьбы за новые нравственные идеалы всегда являлись безсильные художники, которые воздерживались отъ участія въ борьбѣ во имя того, что они будто бы служатъ «чистому искусству» и стоятъ «выше партій», но они доказывали этимъ не высокое значеніе эстетическаго творчества, а свою личную неразвитость и отсутствіе въ нихъ ясныхъ убѣжденій. Большею частью борьба за чистое искусство была маскою борьбы за реакцію [11]).

Такимъ образомъ въ столкновеніи различныхъ областей мысли въ исторіи и въ борьбѣ между ними, продолжающейся до нашего времени, нѣтъ ничего непримиримаго и фатальнаго. Борьба эта возникала по неизбѣжнымъ условіямъ въ данныя эпохи, поддерживалась слабостью критики, недостаткомъ знанія, неясностью пониманія, непрочностью убѣжденій. Но прогрессъ въ этихъ областяхъ долженъ былъ ослабить борьбу и долженъ окончательно прекратить ее.

Причины этой борьбы въ наше время заключаются прямо въ переживаніи остатковъ предыдущихъ, доисторическихъ или историческихъ эпохъ. Мы не станемъ говорить о представителяхъ тенденцій безпозвоночнаго міра въ средѣ человѣческаго общества, о разныхъ классахъ отсталыхъ личностей, стоящихъ на одномъ уровнѣ съ дикими, о современныхъ представителяхъ варварскихъ, мистическихъ, схоластическихъ и другихъ отжившихъ мнѣній. Но и въ рядахъ болѣе или менѣе передовыхъ людей нашего времени мы находимъ часто безсознательные для нихъ слѣды переживанія прошлаго. Доисторическое противуположеніе личнаго произвола и личнаго вкуса общественному дѣлу переживаетъ среди насъ въ отрицаніи всякаго подчиненія личности общественному рѣшенію при малѣйшемъ разногласіи. Религіозный аскетизмъ, противуполагавшій божественный духъ презрѣнному веществу, переживаетъ въ отрицаніи права человѣка на личную аффективную жизнь въ виду требованій борьбы за идею. Варварское и доисторическое противуполо-

---

[11]) Ср. «Истор. письма (1870). Письмо V: Дѣйствіе личностей, 65—77; въ особенности стр. 74 и слѣд.

женіе кудесника и знахаря профану переживаетъ въ различеніи важной и неважной сферы дѣятельности въ необходимой совокупности дѣлъ, которыя лишь въ этой совокупности могутъ дать надлежащій результатъ. Въ національной идеѣ переживаетъ эпоха, когда всякаго человѣка, не принадлежавшаго къ данной группѣ, считали врагомъ, убивали и въ иныхъ случаяхъ съѣдали. Въ спиритизмѣ, считающемъ своихъ приверженцевъ милліонами, переживаетъ самое элементарное вѣрованіе доисторическаго человѣчества.—Всѣ эти остатки стараго могутъ существовать среди новаго міра мысли лишь потому, что завоеванные уже элементы мысли недостаточно критически продуманы, не сведены въ достаточно-послѣдовательное, стройное и цѣльное міросозерцаніе и не образовали крѣпкаго практическаго убѣжденія. Въ гармоническомъ міросозерцаніи, опирающемся на исключительную реальность и на нераздѣльное единство человѣческаго существа, при критическомъ продумываніи частностей и при энергическомъ внесеніи въ практическое мышленіе полученныхъ результатовъ, столкновеніе между разными областями мысли не должно и не можетъ имѣть мѣста.

§ 5. Главныя дѣленія исторіи мысли.

Главные періоды въ исторіи мысли, раздѣленіе которыхъ мнѣ приходится теперь разсмотрѣть, могутъ быть опредѣлены лишь на основаніи сущности самаго процесса этой исторіи. Условія развитія мысли опредѣляютъ и важнѣйшіе ея моменты. Конечно, здѣсь, какъ во всѣхъ непрерывныхъ процессахъ, дѣло можетъ идти не о рѣзкихъ переломахъ, не о внезапныхъ измѣненіяхъ. Непрерывно, съ едва замѣтною постепенностью, разрушается старое, а рядомъ съ нимъ уже ростетъ и развивается новое, въ то время какъ старое, повидимому, находится въ полной силѣ. Въ каждый моментъ исторіи можно наблюдать одновременно присутствіе нѣсколькихъ наслоеній мысли, изъ которыхъ иныя представляютъ слѣды давно-отжившихъ періодовъ, тогда какъ другія свидѣтельствуютъ о присутствіи зародышей времени, еще далеко не наступившаго, и лишь нѣкоторыя выражаютъ господствующее, преобладающее направленіе даннаго періода. Но при самомъ бѣгломъ обзорѣ историческаго процесса легко замѣтить разницу настроенія мысли эпохъ довольно отдаленныхъ одна отъ другой; слѣдовательно, не трудно убѣдиться въ совершенной научности отличенія нѣсколькихъ крупныхъ періодовъ мысли, изъ которыхъ каждый представляетъ совокупность нѣсколькихъ направленій въ работѣ мысли, причемъ, какъ господствующія направленія, такъ особенно

зависимость между различными направленіями и ихъ взаимное вліяніе представляются совершенно иными въ разные періоды. Такимъ образомъ приходится признать совершенно научнымъ обособленіе въ исторіи мысли нѣсколькихъ періодовъ. Какъ только это признано, мы неизбѣжно приходимъ къ опредѣленію эпохъ, раздѣляющихъ эти крупные періоды, къ отысканію момента, наиболѣе характеристическаго въ этомъ случаѣ; момента, обозначающаго невозвратную гибель стараго строя мысли и совершенно опредѣленное, сознательное выступленіе въ замѣнъ этого стараго строя другаго, совершенно отъ него отличнаго. Конечно, старый строй въ его элементахъ продолжаетъ существовать, точно также какъ новый организуется не сразу. Большинство особенностей старой цивилизаціи долго не исчезаетъ, какъ до сихъ поръ не исчезли *вполнѣ* слѣды ни одного изъ прежнихъ крупныхъ періодовъ. Существенныя черты новаго строя мысли развиваются и медленно достигаютъ полнаго преобладанія. Но все-таки, съ нѣкоторымъ вниманіемъ, можно опредѣлить моментъ дѣленія двухъ періодовъ съ достаточною точностью и тѣмъ самымъ установить главныя дѣленія исторіи.

Попытки установить эти главныя дѣленія для исторіи вообще были многочисленны. Онѣ зависѣли отъ взгляда авторовъ на исторію, отъ того, что именно авторъ считалъ въ ней *существеннымъ*. Для насъ, конечно, могло бы быть важнымъ лишь дѣленіе, установленное писателями, которые ставили исторіи приблизительно тѣ же задачи, которыя поставлены ей и здѣсь. Для этого пришлось бы обратиться преимущественно къ писателямъ послѣдняго періода. Но и тутъ, во-первыхъ, разница точекъ зрѣнія (напримѣръ, у Гегеля и другихъ идеалистовъ) настолько значительна, что нѣтъ возможности воспользоваться многимъ изъ ихъ схемъ исторіи для настоящаго труда. Во-вторыхъ, ихъ авторитетъ въ области мысли недостаточно силенъ въ наше время, чтобы представлялась необходимость опровергать ихъ въ самомъ вступленіи. Въ-третьихъ, критика всѣхъ этихъ болѣе или менѣе научныхъ построеній исторіи должна имѣть мѣсто въ самомъ развитіи исторіи мысли, слѣдовательно, взгляды, здѣсь высказанные, почти неизбѣжно пришлось-бы повторить впослѣдствіи, если мнѣ удастся довести задуманный трудъ до позднѣйшихъ періодовъ. На этомъ основаніи и не приходится здѣсь останавливаться на многихъ системахъ исторіи, имѣвшихъ преимущественно въ виду исторію мысли, хотя въ нѣкоторыхъ ея областяхъ, и предложенныхъ разными авторами прошедшаго или настоящаго времени, хотя бы въ нѣкоторыхъ пунктахъ главныя дѣленія этихъ авторовъ сходились съ принятою здѣсь схемою, въ другихъ же—расходились съ нею.

Но для одного мыслителя я сдѣлаю исключеніе, хотя имѣю въ виду посвятить достаточное мѣсто изложенію и разбору его мнѣній въ девятой книгѣ этого труда [1]). Обширный авторитетъ, которымъ онъ по справедливости пользуется не только въ кругу школъ, прямо примкнувшихъ къ его ученію, но и среди серьезныхъ мыслителей нашего времени, во многомъ съ нимъ расходящихся; его оцѣнка разныхъ областей мысли, довольно близко подходящая къ тому, что здѣсь найдутъ читатели; весьма важныя схемы историческаго процесса въ области мысли, имъ предложенныя; его обширный и весьма важный трудъ, способный занять въ глазахъ многихъ совершенно то же мѣсто, на которое претендуетъ этотъ опытъ,—все это доставляетъ Огюсту Конту совершенно особое мѣсто въ ряду систематиковъ историческаго процесса мысли. Мы остановимся нѣсколько на томъ, что онъ предложилъ въ этомъ отношеніи, и тогда будетъ ясно, насколько можно было здѣсь воспользоваться его мыслями и насколько было необходимо, по самой сущности задуманнаго труда, руководиться иными началами, вовсе не произвольно установленными, но опять-таки опредѣлившимися самою постановкою вопроса.

Здѣсь прежде всего приходится говорить о «великомъ законѣ», который Огюстъ Контъ, по его словамъ, открылъ въ 1822 г. [2]), именно о неизбѣжной послѣдовательности трехъ состояній мысли, трехъ способовъ воззрѣнія на предметъ, или трехъ философій, совпадающихъ съ тремя отличительными ступенями развитія мысли въ личности и въ человѣчествѣ.

«Изучая полное развитіе человѣческаго ума — говоритъ Огюстъ Контъ [3])—въ различныхъ сферахъ его дѣятельности, начиная съ перваго и простѣйшаго его порыва до настоящаго времени, я открылъ, какъ я думаю, великій основной законъ, которому подчиненъ умъ по неизмѣнной необходимости.... По этому закону всякое изъ нашихъ человѣческихъ понятій, всякая отрасль нашихъ знаній проходитъ постепенно чрезъ три различныя теоретическія состоянія: состояніе теологическое или призрачное (fictif), состояніе метафизическое или отвлеченное, состояніе научное или позитивное. Иначе говоря, человѣческій умъ, по своей природѣ, употребляетъ послѣдовательно при каждомъ своемъ изслѣдованіи три метода философствованія, особенности которыхъ существенно различны и даже противоположны въ своихъ основаніяхъ:

[1]) См. книгу IX, Отд. II, преимущественно главу 6; но также и другія главы того же отдѣла.

[2]) «Cours de philos. pos.» IV, 463.

[3]) Тамъ же, I, 8.

сначала методъ теологическій, потомъ методъ метафизическій и, наконецъ, методъ позитивный. Отсюда три рода философіи или три общія и взаимно исключающія другъ друга системы воззрѣній (conceptions) на совокупность явленій: первая есть необходимая точка исхода для человѣческаго ума; третья—его прочное и окончательное состояніе; вторая служитъ (ему) лишь для перехода (отъ первой къ третьей).

«Въ теологическомъ состояніи человѣческій умъ направляетъ свои разысканія существенно на основную (intime) природу существъ, на первыя и на конечныя причины всѣхъ результатовъ, его поражающихъ, однимъ словомъ, на безусловныя познанія; онъ представляетъ себѣ явленія какъ продукты прямаго и непрерывнаго дѣйствія болѣе или менѣе многочисленныхъ сверхъестественныхъ дѣятелей, произвольное вмѣшательство которыхъ объясняетъ всѣ кажущіяся аномаліи міра.

«Въ метафизическомъ состояніи, которое, въ сущности, есть не болѣе, какъ простое видоизмѣненіе перваго, сверхъестественные дѣятели замѣнены отвлеченными силами, настоящими entités (олицетвореннымі отвлеченностями), присущими различнымъ міровымъ существамъ, и которыя, въ понятіи, одарены способностью производить изъ самихъ себя всѣ наблюдаемыя явленія, такъ что объясненіе послѣднихъ заключается въ назначеніи каждому явленію соотвѣтственной олицетворенной отвлеченности (entité).

«Наконецъ, въ позитивномъ состояніи, человѣческій умъ, признавъ невозможность дойти до безусловныхъ понятій, отказывается отъ изслѣдованія начала и назначенія міра, отъ познанія основныхъ (intimes) причинъ явленій и занимается лишь, употребляя надлежащую совокупность разсужденія и наблюденія, открытіемъ фактическихъ (effectifs) законовъ явленій, т. е. неизмѣнныхъ отношеній ихъ послѣдовательности и сходства. Тогда объясненіе фактовъ, сведенное на его реальное выраженіе, есть лишь связь, установленная между различными частными явленіями и нѣсколькими общими фактами, число которыхъ все стремится уменьшаться подъ вліяніемъ успѣховъ наукъ».

Эта основная схема процесса мысли, конечно, должна была лечь въ основаніе разработки въ подробностяхъ взгляда Конта на исторію. Но онъ поставилъ рядомъ съ этою цѣлью еще другія соображенія, едва ли не важнѣйшія для самой исторіи, но имѣющія мало отношеній къ предыдущей схемѣ.

«Разсматривая—пишетъ Контъ [4])—съ самой возвышенной научной точки зрѣнія всю совокупность человѣческаго развитія, мы приходимъ

[4]) Тамъ же, IV, 443 и слѣд.; ср. 446.

къ пониманію его, вообще, какъ состоящаго существенно въ большемъ и большемъ обнаруженіи характеристическихъ свойствъ человѣка, сравнительно съ животными, и особенно по отношенію къ свойствамъ, общимъ для насъ со всѣмъ органическимъ царствомъ, хотя послѣднія свойства продолжаютъ по необходимости составлять первоначальную основу человѣческаго существованія, какъ и всякой другой животной жизни... Съ этой философской точки зрѣнія, наше общественное развитіе составляетъ въ дѣйствительности лишь самый крайній членъ общей прогрессіи, непрерывно продолжающейся сквозь все живущее, начиная съ простѣйшихъ растеній и наименьшихъ животныхъ, переходя послѣдовательно къ послѣднимъ парнымъ животнымъ, восходя затѣмъ къ птицамъ и млекопитающимъ, а у послѣднихъ возвышаясь къ хищнымъ и къ обезьянамъ: при этомъ необходимое преобладаніе чисто-органическихъ отправленій становится все менѣе и менѣе замѣтнымъ, тогда какъ развитіе собственно животныхъ отправленій, въ особенности же умственныхъ и нравственныхъ, стремится, напротивъ, все болѣе и болѣе къ жизненному преобладанію, которое, впрочемъ, никогда не можетъ быть вполнѣ достигнуто, даже при самомъ высокомъ совершенствѣ человѣческой природы [5]).

Съ этимъ весьма важнымъ началомъ вырабатыванія человѣчности въ исторіи находится въ весьма слабой связи мысль Ог. Конта, что распредѣленіе исторіи вообще зависитъ преимущественно отъ исторіи философіи. «Такимъ образомъ—пишетъ онъ [6])—раціональное распредѣленіе (coordination) нашего историческаго анализа должно неизбѣжно руководиться послѣдовательною оцѣнкою основаній системы человѣческихъ мнѣній, относящихся къ совокупности какихъ бы то ни было явленій, однимъ словомъ, исторіею *философіи*, каковъ бы ни былъ, впрочемъ, ея дѣйствительный характеръ, богословскій, метафизическій или позитивный».

Здѣсь именно мы вступаемъ въ сферу приложенія закона о трехъ состояніяхъ духа. Но если мы внимательно прочтемъ лекцію, посвящен-

---

[5]) Лишь во избѣжаніе возможнаго недоразумѣнія, замѣчу, что я нисколько не думаю приписывать Ог. Конту оригинальности въ этихъ соображеніяхъ. Между прочимъ они почти всѣ встрѣчаются въ первыхъ книгахъ Гердера «Ideen zur Geschichte der Menschheit», и самое развитіе въ человѣкѣ спеціальныхъ человѣческихъ свойствъ формулировано въ характеристическихъ словахъ: «собственно мы еще не люди, но *дѣлаемся* людьми». (*J. G. v. Herder's* Ausgew. Werke. 1844, 807). Конечно, это соединено у Гердера со множествомъ устарѣлыхъ взглядовъ.

[6]) «Cours de phil. pos.», IV, 461.

ную Контомъ общественной динамикѣ [7]), то замѣтимъ, во первыхъ, что авторъ особенно обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что «теологическое состояніе» составляетъ неизбѣжно точку исхода, а «позитивное состояніе», столь же неизбѣжно, — окончательный результатъ умственнаго развитія человѣчества. Иначе говоря, одно лежитъ въ началѣ исторіи, другое въ концѣ ея. Такъ что собственно исторія, по этой схемѣ, заключаетъ лишь промежуточный метафизическій періодъ, въ которомъ постепенно теряются особенности богословскаго строя мысли и такъ же постепенно вырабатываются особенности строя мысли позитивнаго въ іерархическомъ порядкѣ ряда наукъ, установленныхъ Контомъ [8]). Почти то же приходится сказать и о другой серіи трехъ фазисовъ «совокупности матеріальнаго развитія», которое «должно неизбѣжно слѣдовать ходу, не только аналогичному, но вполнѣ соотвѣтственному» ходу развитія умственнаго [9]), именно серіи военнаго, легальнаго (или оборонительно военнаго), и индустріальнаго общественнаго строя. И здѣсь дѣло идетъ объ установленіи точки исхода для матеріальнаго развитія общества и окончательнаго результата этого развитія, не говоря уже о томъ, что Контъ, писавшій въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, не имѣлъ не малѣйшаго понятія о двухъ прямо антагонистическихъ фазисахъ, которые неизбѣжно долженъ пережить строй, названный имъ «индустріальнымъ», причемъ антагонизмъ ихъ гораздо болѣе характеристиченъ, чѣмъ противоположеніе всѣхъ предыдущихъ послѣдовательныхъ періодовъ.

Впрочемъ, Контъ самъ совершенно ясно высказалъ, что его разсужденія вовсе не относятся къ самой исторіи. Его цѣль, какъ извѣстно, была—создать соціологію, какъ науку, но это созданіе, къ которому онъ приступалъ, должно было, по его мысли, неизбѣжно предшествовать построенію исторіи. «Дѣйствительно раціональная исторія различныхъ существъ, личныхъ и коллективныхъ—писалъ онъ [10])—не можетъ ни въ какомъ отношеніи сдѣлаться возможною, прежде чѣмъ вся система основныхъ знаній будетъ предварительно дополнена созданіемъ соціологіи.» Вслѣдъ затѣмъ, отвергая возможность исторіи земли, онъ прибавлялъ: «по бо́льшей причинѣ надо разсматривать какъ химерическую всякую попытку прямо построить (consttiuer) въ наше время несравненно болѣе сложную исторію человѣческихъ обществъ!» И далѣе онъ два раза возвращается къ указанію, что его трудъ имѣетъ «характеръ сущест-

[7]) Лекція LI. «Cours de phil pos.» IV, 442—520.
[8]) Ср. «Очерки системат. знанія» въ «Знаніи» 1872, № 3, 198 и слѣд.
[9]) «Cours de phil. pos.» IV, 508
[10]) Тамъ же, V, 16.

венно абстрактный», и что «въ историческомъ трудѣ, который имѣлъ бы характеръ конкретный», нельзя вовсе было бы употреблять тѣхъ пріемовъ, которые «совершенно согласны съ абстрактнымъ анализомъ общественнаго процесса». [11])

Но если, по самой задачѣ своего труда, Контъ имѣлъ въ виду вовсе не построеніе исторіи, а соціологическое изслѣдованіе, если его серія трехъ фазисовъ умственнаго и матеріальнаго развитія имѣла несравненно болѣе въ виду опредѣлить точку исхода и цѣль этого развитія, чѣмъ его переходы, то совершенно естественно, что здѣсь, при иной задачѣ, можно весьма мало воспользоваться воззрѣніями знаменитаго мыслителя. Всѣ раздѣленія, имъ принятыя, относятся гораздо болѣе къ абстрактной задачѣ, имъ поставленной, чѣмъ къ вопросу, который здѣсь имѣется въ виду. Оттого онъ самъ не всегда послѣдователенъ въ своей мысли, а тѣмъ болѣе эта мысль не можетъ быть принята здѣсь въ руководство.

Такъ онъ призналъ химеричною попытку построить конкретную исторію, хотѣлъ ограничиться соціологическою задачею, указалъ въ богословскомъ и въ позитивномъ строѣ мысли двѣ крайнія точки исторіи, но тѣмъ не менѣе пытался установить въ самой конкретной исторіи точки дѣленія «періодовъ» теологическаго, метафизическаго и позитивнаго. За конецъ каждаго періода онъ принялъ переходъ въ слѣдующій фазисъ «самаго спеціальнаго и сложнаго порядка основныхъ понятій, именно идей нравственныхъ и общественныхъ» [12]), такъ что «богословскую эпоху мы должны разсматривать какъ продолжающуюся, пока нравственныя и политическія идеи сохранили существенно богословскій характеръ, не смотря на переходъ другихъ умственныхъ категорій въ состояніе чисто-метафизическое, и если бы даже точно-позитивное состояніе началось для иныхъ изъ нихъ; точно также, эпоху собственно-метафизическую надо продолжить до начинающейся позитивности этого господствующаго порядка человѣческихъ понятій.» Когда же онъ, въ 55-ой лекціи, переходитъ къ реальному раздѣленію періодовъ, то принимаетъ за точку окончанія богословскаго періода конецъ XIII-го вѣка совершенно несогласно съ имъ же установленнымъ критеріемъ. *Начало* не-богословскаго, анти авторитетнаго ученія о нравственности и политикѣ восходитъ къ древней Греціи, а *установившагося* ученія въ этомъ родѣ начало XIV вѣка вовсе не представляетъ. Такъ что эта точка дѣленія, единственно важная въ очеркѣ историческаго развитія, которому Контъ посвятилъ два послѣдніе тома своего труда, не

[11]) Тамъ же, V, 351; ср. 17.
[12]) Тамъ же, V, 23 и дал.

соотвѣтствуетъ его собственнымъ требованіямъ, да и вообще не представляетъ исторически-характеристичной эпохи. Само собою разумѣется, что отожествленіе Контомъ «критическаго періода» съ періодомъ господства метафизической мысли и его непріязненное отношеніе къ разрушительному процессу критики, вслѣдствіе «естественнаго отвращенія, которое должно внушать, во всѣхъ родахъ, зрѣлище разрушенія», [13]) діаметрально противоположно роли, которую мы указали въ предыдущихъ параграфахъ для критической мысли. Конечно, тутъ дѣло болѣе въ названіи, именно въ разницѣ смысла, приписываемаго критикѣ.

Во всякомъ случаѣ изъ предыдущаго слѣдуетъ, что для настоящаго труда не существуетъ ни повода, ни возможности принять въ соображеніе для главныхъ дѣленій исторіи тѣ схемы, которыя предложилъ Контъ. Мы не разъ, для оцѣнки періодовъ, будемъ имѣть случай цитировать знаменитаго мыслителя съ цѣлью подтвердить его мысль или отвергнуть ее, но для общаго распредѣленія исторіи должны оставить въ сторонѣ его взгляды.

Переходимъ прямо къ нашей задачѣ, въ томъ видѣ, какъ она выходитъ изъ положеній, развитыхъ въ предыдущихъ параграфахъ.

Я сказалъ выше (§ 3), что «элементы знанія и жизни» даютъ содержаніе прочимъ областямъ мысли, что «цѣли прогресса представляются въ формулахъ истины и справедливости», что всѣ остальныя данныя для исторіи «цѣнны лишь какъ матеріалъ для работы мысли на пути ея завоеваній въ сферѣ истины и справедливости». Съ этой точки зрѣнія и приходится приступить къ опредѣленію главныхъ точекъ дѣленія исторіи мысли.

Задачи современной мысли, какъ формулировка современныхъ понятій объ истинѣ и справедливости, составляютъ и послѣднюю ступень исторіи мысли и ту точку зрѣнія, съ которой неизбѣжно приходится смотрѣть на все предыдущее, какъ на подготовленіе современнаго состоянія мысли въ ея высшихъ результатахъ. Задачи современной мысли придаютъ смыслъ событіямъ прошедшаго и опредѣляютъ мѣсто каждаго изъ этихъ событій въ перспективѣ исторіи.

Но задачи истины и справедливости, какъ онѣ поставлены передовою мыслью современнаго періода, встрѣчаютъ наибольшее препятствіе для своего разрѣшенія въ переживаніи элементовъ старой мысли, когда-то свѣжихъ и прогрессивныхъ, вызванныхъ потребностями времени, потребностью узнать истину и воплотить справедливость, но затѣмъ окаменѣлыхъ въ формахъ культуры, которыя тѣмъ болѣе становились

[13]) Тамъ же, V, 357.

препятствіями прогрессу, чѣмъ болѣе окаменѣли въ привычкѣ и въ преданіи. Одно изъ требованій теоретической истины заключается въ томъ, чтобы *понять* пережившіе остатки стараго, присутствующіе среди насъ, понять ихъ какъ результаты прогрессивнаго процесса удовлетворенія человѣческихъ потребностей въ ту эпоху, когда они вступили въ исторію; понять ихъ въ ихъ процессѣ постепеннаго окаменѣнія въ дальнѣйшемъ процессѣ исторіи. Одно изъ требованій справедливости, т. е. практической истины, заключается въ отысканіи средствъ наудобнѣйшей борьбы новой мысли противъ окаменѣлыхъ остатковъ прошлаго, а эти средства могутъ быть почерпнуты лишь въ томъ теоретическомъ пониманіи, которое только что оказалось требованіемъ теоретической истины. Такимъ образомъ, современная мысль, теоретическая и практическая, одинаково ставитъ задачу распредѣленія переживающихъ остатковъ прежней мысли на хронологическія группы, изъ которыхъ, каждая, при ея появленіи, была бы объяснена въ ея особенности, какъ вызванная потребностями общества; въ ея смыслѣ, по ея отношенію къ прогрессу человѣчества; въ ея борьбѣ съ прочими группами мысли, уже прежде существовавшими и болѣе или менѣе окаменѣвшими; въ ея борьбѣ съ дальнѣйшими фазисами мысли; въ ея современномъ значеніи, по ея отношенію къ задачамъ нашего времени. Распредѣленіе этихъ главныхъ группъ прошлой работы мысли и опредѣляетъ главныя дѣленія исторіи мысли.

Характеристическую черту работы мысли періода, въ которомъ мы находимся, повидимому, можно съ достаточною увѣренностью опредѣлить какъ выработку соціологіи, во-первыхъ, какъ теоретической истины, опирающейся на истины всѣхъ прочихъ наукъ въ ихъ іерархическомъ развитіи; во-вторыхъ, какъ жизненной задачи воплощенія въ общественномъ строѣ потребностей человѣка въ ихъ іерархическомъ подчиненіи. Рядъ неоспоримыхъ, точныхъ, методически полученныхъ и связанныхъ между собою истинъ, заключенныхъ истинами соціологіи; рядъ безспорно-установленныхъ потребностей, вызывающихъ соотвѣтственныя формы общественной жизни, потребностей, послѣдовательно развивающихся въ высшую нравственную потребность истины и справедливости, и тѣмъ самымъ указывающихъ на справедливѣйшій общественный строй, который долженъ быть воплощеніемъ убѣжденія развитыхъ людей,—эти два ряда, въ ихъ гармоническомъ соглашеніи, образуютъ теорію и практику соціологіи, какъ ее вырабатываетъ настоящій періодъ. Онъ начался съ того времени, къ которому восходитъ непрерывный рядъ попытокъ научно понять соціологическія задачи и воплотить ихъ въ жизнь на основаніи цѣльнаго пониманія человѣческихъ

потребностей въ ихъ іерархіи. Онъ, поэтому, можетъ справедливо носить названіе *періода соціологической мысли.*

Но научному поставленію соціологическихъ задачъ должна была предшествовать выработка научной мысли на болѣе простыхъ областяхъ знанія; причемъ параллельно съ этой теоретической подготовкою соціологіи шло чисто эмпирическое рѣшеніе общественныхъ вопросовъ; такъ что, въ логической схемѣ, періоду мысли соціологической долженъ бы предшествовать періодъ развитія научной мысли, начинающійся съ перваго выдѣленія этой мысли изъ другихъ областей. Подобная логическая схема была бы возможна лишь при существованіи непрерывнаго, фатальнаго прогресса въ исторіи, при условіи отсутствія борьбы между разными областями мысли. Но оно было не такъ въ реальной исторіи. Мы видѣли въ предыдущемъ параграфѣ, что критическая мысль должна была выдержать сильную борьбу съ мыслью религіозною, и эта борьба была настолько трудна, что за періодомъ перваго появленія критической мысли въ исторіи,—сначала въ тѣсной связи съ объединяющею, философскою мыслью, потомъ и въ самостоятельной формѣ мысли спеціальной-научной,—послѣдовалъ періодъ подавленія критической мысли мыслью догматическою, періодъ отрицанія права критической мысли на руководство человѣчества, періодъ, во время котораго научная и философская мысль существовала болѣе въ видѣ слабой традиціи, чѣмъ въ видѣ сколько нибудь руководящаго элемента. И затѣмъ, только когда снова критика возникла въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, когда общественное господство догмата стало ослабѣвать, когда изъ-подъ тысячелѣтняго праха выступили и были усвоены новыми поколѣніями пріемы критической мысли перваго періода,—тогда начался періодъ непрерывнаго подготовленія теоретической мысли во всѣхъ областяхъ къ научной разработкѣ и соціологическихъ вопросовъ.

Конечно, при этомъ не могутъ не подлежать спору главныя точки дѣленія обширнаго промежутка времени, посвященнаго этой борьбѣ. Во всякомъ случаѣ безспорно, что мы имѣемъ здѣсь три фазиса, достаточно различные между собою, чтобы оправдать раздѣленіе всего этого времени борьбы на три періода: изъ нихъ первый характеризованъ развитіемъ критической мысли, еще тѣсно связанной съ мыслью философскою и выдѣляющейся изъ нея лишь въ единичныхъ явленіяхъ; второй представляетъ господство догматической мысли и попытки побѣдить ее на почвѣ, еще не укрѣпленной научнымъ методомъ; третій есть періодъ научнаго подготовленія на болѣе простыхъ задачахъ къ задачамъ соціологіи. Въ области теоріи эти періоды опредѣлены довольно рѣзко и могли бы быть обозначены характеристическими наименованіями

изъ категорій мысли. Но въ практической области всѣ они одинаково представляютъ поле развитія соціологическаго эмпиризма, гдѣ вѣрныя и ошибочныя, раціональныя и случайныя соціологическіе понятія и пріемы смѣняютъ другъ друга безъ всякой правильной послѣдовательности подъ вліяніемъ тысячи разнообразныхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ временныхъ условій среды, борьбы партій и т. п. Поэтому три упомянутые періода точнѣе обозначить терминами, характеризующими всю совокупность соотвѣтственныхъ имъ цивилизацій.

Въ такомъ случаѣ періодъ постепенной подготовки научной мысли къ соціологическимъ задачамъ будетъ соотвѣтствовать *цивилизаціи новой Европы*.

Предшествующій ему періодъ господства догматической мысли надъ критическою обниметъ *средневѣковую цивилизацію*.

Наконецъ, періодъ перваго развитія критической мысли, по справедливости, можетъ сохранить имя того племени, которое впервые въ человѣчествѣ противопоставило съ успѣхомъ критическую мысль преданію, и соотвѣтствуетъ *греческой цивилизаціи*.

За временемъ развитія мысли критической, предъ нами лежитъ въ болѣе отдаленной древности время, когда мысль могла проявиться лишь въ тѣхъ формахъ, которыя мы назвали (§ 3) «подготовительными, младенческими», именно въ формахъ религіи и искусства, въ которомъ господствовалъ религіозный характеръ. Это время господства религіозной мысли въ человѣчествѣ заключаетъ въ себѣ два весьма различныхъ фазиса, различіе которыхъ отдѣляетъ жизнь историческихъ народовъ отъ общей антропологической почвы человѣческаго развитія. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и племенахъ, при опредѣленныхъ условіяхъ среды, религіозная мысль обособила цивилизаціи, которыя дали начало прогрессивному, историческому развитію народовъ, и подготовили почву, гдѣ, самостоятельно или вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, могла впослѣдствіи укорениться критическая мысль. Эти *обособленныя религіи и цивилизаціи* составляютъ древнѣйшій слой чисто исторической жизни человѣчества, слой, который мы встрѣчаемъ въ разныхъ мѣстностяхъ въ различныхъ хронологическихъ предѣлахъ, причемъ въ большей части случаевъ историческія катастрофы убили обособленныя цивилизаціи ранѣе, чѣмъ на ихъ почвѣ развилась работа критической мысли, и лишь въ нѣкоторыхъ, крайне-исключительныхъ случаяхъ, эта работа могла имѣть мѣсто.

Но подъ этимъ слоемъ обособленныхъ цивилизацій лежитъ слой *антропологической религіозной мысли*, охватывающій всѣ человѣческія племена и дающій общіе типы первоначальнаго творчества мысли,

характеризующіе человѣка вообще. Это — слой доисторической жизни человѣчества.

Идемъ далѣе, и предъ нами еще болѣе глубокій слой *выдѣленія человѣка* съ его особенностями изъ остальнаго животнаго міра, періодъ инстинктивной дѣятельности мысли, изъ которой должны были выработаться всѣ прочія, обособленныя области мышленія, но и этотъ періодъ оставилъ нѣкоторые слѣды переживанія даже до нашего времени въ самыхъ передовыхъ цивилизаціяхъ. Исторія мысли выросла на этой почвѣ и для своего уясненія требуетъ изслѣдованія и этой первобытной, антропологической почвы человѣчества.

Но можемъ ли мы остановиться на этой крайней точкѣ *человѣческой* исторіи, если хотимъ *понять* процессъ развитія мысли? Мысль составляетъ столь же мало спеціальную принадлежность человѣка, какъ и его нервная система, какъ и формы его скелета. Психологически и логически, точно также какъ морфологически, человѣчество составляетъ лишь послѣднее звѣно длиннаго ряда зоологическаго развитія. Мысль человѣка имѣла длинное подготовленіе въ психическихъ процессахъ низшихъ зоологическихъ формъ, и понять ее можно лишь прослѣдивъ эти процессы въ ихъ постепенномъ развитіи, т. е. прослѣдивъ зоологическое развитіе мысли.

Здѣсь процессъ мысли, все болѣе смѣшиваясь съ безсознательными процессами, выказывается, какъ находящійся въ тѣсной зависимости отъ морфологическихъ данныхъ, и тѣ органы, которые обусловливаютъ явленія мысли въ ихъ меньшей и большей сложности, являются намъ одновременно и органами морфологически-развивающимися въ рядѣ организмовъ, параллельно съ психическимъ развитіемъ существъ, и формами органическаго развитія, составляющими лишь одно звѣно въ длинномъ рядѣ видоизмѣненій всего живаго, начиная съ простой, безформенной протоплазмы до сложнаго объединеннаго цѣлаго двусѣмянодольнаго растенія и человѣка. Какъ мысль человѣка подготовлялась въ развитіи психическихъ явленій зоологическаго міра, такъ вообще мысль, какъ органическій процессъ, подготовлялась въ формахъ органическаго міра.

Но самый органическій міръ, все живое въ его совокупности, есть лишь опредѣленный фазисъ существованія нашей планеты, и вся исторія мысли, въ ея органической подготовкѣ, въ ея зоологическомъ развитіи, въ ея антропологическихъ формахъ, въ ея историческомъ процессѣ, опредѣлилась геологическою основою, на которой выработались ея продукты [14]). Пониманіе этой геологической основы исторіи мысли необходимо для уясненія условій хода самой исторіи.

[14]) Уже Лейбницъ въ 1693 г. указалъ связь исторіи съ геологіею.—Въ

Наконецъ, подъ геологическою основою ея находится основа космическая, такъ какъ всѣ процессы геологическіе составляютъ лишь частный случай непрерывно совершающихся міровыхъ процессовъ, именно непрерывной смѣны образованія, развитія, обособленія и разрушенія

1784 г. писалъ Гердеръ (Ideen zur Geschichte der Menschheit, кн. I, гл. VI, Ausgew. Werke, 1844, S. 725): «Въ горныхъ хребтахъ, которые она провела, какъ и въ рѣкахъ, которыхъ теченіе она направила, природа набросала грубый, но твердый очеркъ всей человѣческой исторіи и ея переворотовъ».— Съ тѣхъ поръ эта мысль повторялась много разъ. Очень опредѣленно и сжато она формулирована Ф. Бэромъ (въ статьѣ, помѣщенной въ «Карманной книжкѣ» географическаго общества за 1848 г. и теперь напечатанной въ нѣмецкомъ оригиналѣ въ «Studien aus dem Gebiete der Naturwissenschaften» II, Th. erste Hälfte, 1873: «Ueb. d. Einfluss der äussern Natur auf d. socialen Verhältnisse der einzelnen Völker u. d. Geschichte der Menschheit überhaupt» 41, 43, 47): «Въ физическихъ свойствахъ обитаемой страны какъ бы предначертана судьба народовъ и всего человѣчества .. Когда земная ось получила свой наклонъ, когда суша отдѣлилась отъ воды, когда поднялись горы и разграничились страны, тогда былъ предначертанъ въ общихъ очеркахъ фатумъ для человѣческаго рода, и всемірная исторія есть лишь исполненіе этого фатума..... Поэтому познаніе разнообразной поверхности земли есть необходимая основа изученія всемірной исторіи».—Ог. Контъ вполнѣ призналъ солидарность этихъ областей. «Невозможно—пишетъ онъ въ 1840г. (Cours de ph. pos. V, 15)—понимать дѣйствительную исторію человѣчества отдѣльно отъ реальной исторіи земнаго шара, неизбѣжной сцены прогрессивной дѣятельности человѣчества; различіе послѣдовательныхъ состояній земли должно было непремѣнно оказать сильное вліяніе на постепенное нарожденіе событій въ человѣчествѣ, даже послѣ эпохи, когда физическія и химическія условія нашей планеты дали начало возможности непрерывнаго существованія на ней человѣка». Относительно точки отдѣленія исторіи отъ геологіи одинъ изъ самыхъ полныхъ представителей мнѣній, существующихъ между господствующими школами геологовъ въ наше время, Бернгардъ Ф. Котта, говоритъ (D. Geologie der Gegenwart, 3-te Aufl., 1872, 281, 283.): «Исторія земли обнимаетъ не только ея первое появленіе и развитіе до того времени, какъ земля стала жилищемъ человѣка; она обнимаетъ и все такъ называемое историческое время, и слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ то, что, въ тѣсномъ смыслѣ, называютъ *исторіею*..... Какъ для историка крайнею точкою изслѣдованія былъ бы первый человѣкъ, такъ для геолога—моментъ, когда земля впервые явилась въ міровомъ пространствѣ какъ обособленное небесное тѣло. За этими предѣлами перестаютъ существовать исторія, какъ исторія, и геологія, какъ геологія; первая вполнѣ сливается съ геологіею, вторая—съ космологіею.» Съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться. Во-первыхъ, беря исторію въ тѣсномъ смыслѣ, нельзя возводить ее до перваго человѣка, такъ какъ понятіе о доисторическомъ періодѣ жизни человѣчества уже достаточно установилось въ наукѣ. Во вторыхъ, если дѣло идетъ о необходимомъ объясненіи исторіи изъ явленій, ей предшествовавшихъ, то приходится идти далѣе перваго человѣка. При этомъ, объясненіе исторіи (а не самая исторія) вовсе не сливается съ геологіею, но чер-

космическихъ тѣлъ [15]). Минута рожденія земли есть единственная, когда для нашей мысли *начинается* обширный процессъ, въ средѣ котораго мы находимся, который еще не кончился, и который, слѣдовательно, мы изучаемъ не въ формѣ закона повторяющихся явленій, а въ формѣ генезиса другъ друга порождающихъ распредѣленій, причемъ событія никогда не повторяются. Этотъ процессъ, начавшійся обособленіемъ земли, заключаетъ въ себѣ геологическое развитіе земли, развитіе на ней организмовъ, развитіе въ средѣ органическаго міра человѣка, какъ вида зоологическаго, и всю исторію человѣка, какъ дѣятеля цивилизаціи. Непрерывно-повторяющіяся космическія явленія, какъ основа этого процесса, составляютъ и послѣднюю основу исторіи мысли, входящей въ этотъ процессъ, какъ одинъ изъ его элементовъ. Для исторіи вообще эти четыре, замѣченныя нами, до-человѣческія ступени могутъ составить весьма крупныя дѣленія, но для спеціальной цѣли исторіи мысли, космическая основа этой исторіи, ея геологическая основа, подготовленіе мысли въ органическомъ мірѣ и ея зоологическое развитіе до человѣка могутъ быть разсмотрѣны какъ одинъ обширный періодъ *подготовленія человѣка*.

*

Такимъ образомъ мы проникли, начиная отъ задачъ современной мысли, чрезъ рядъ формацій мысли прежнихъ цивилизацій, чрезъ рядъ еще болѣе глубокихъ слоевъ, подготовлявшихъ мысль человѣка, до самаго глубокаго, первобытнаго слоя всего сущаго, до вѣчныхъ космическихъ основъ всѣхъ познаваемыхъ нами процессовъ, и при этомъ восхожденіи все въ болѣе и болѣе дальнюю древность мы неизбѣжно получали пункты главныхъ дѣленій исторіи мысли и доисторической ея подготовки.

I. *Подготовленіе человѣка* въ міровыхъ процессахъ, въ геологическихъ измѣненіяхъ, въ развитіи органическаго міра, въ развитіи мысли въ зоологической средѣ составляетъ неизбѣжно почву всей дальнѣйшей исторіи.

II. *Выдѣленіе человѣка* изъ остальнаго зоологическаго міра, съ особенностями инстинктивнаго бытія этой формы приматовъ, составляетъ второе, совершенно неизбѣжное и совершенно обособленное изслѣдованіе

наетъ изъ нея то—и только то, что нужно для уясненія послѣдующаго развитія человѣка. Въ подобномъ же отношеніи находится исторія земли къ космическимъ процессамъ.

[15]) Гердеръ начинаетъ свои «Ideen zur Geschichte der Menschheit» словами: «Небомъ должна начинать наша философская исторія человѣческаго рода, если она хочетъ сколько нибудь заслуживать это имя».

*

для начала разсматриваемой исторіи. Антропологія ставитъ здѣсь задачу о появленіи человѣка, какъ особаго вида; его первобытная техника составляетъ одно изъ самыхъ характеристическихъ инстинктивныхъ отличій его отъ прочихъ культурныхъ животныхъ; въ инстинктивныхъ явленіяхъ его общежитія для насъ поставлены уже многіе самые сложные вопросы соціологіи; въ инстинктивной психической дѣятельности мы можемъ прослѣдить подготовленіе будущей исторіи; и всѣ эти инстинктивныя явленія представляются намъ не какъ давно вымершія воспоминанія глубокой древности, но какъ обычное состояніе духа огромнаго большинства человѣчества съ доисторическихъ эпохъ до самой нашей современности, такъ что все послѣдующее развитіе представляется лишь исторіею крайне небольшаго меньшинства сравнительно съ общими антропологическими явленіями инстинктивныхъ процессовъ мысли, выдѣляющими человѣка изъ ряда его зоологическихъ сродниковъ, но не представляющими вовсе ничего *качественно* отличнаго отъ инстинктовъ прочихъ зоологическихъ существъ.

III. *Антропологическая религіозная мысль* составляетъ первое общее антропологическое явленіе, на столько характеристичное для человѣка, что мы можемъ угадать его аналогію у другихъ существъ лишь въ самой зародышной формѣ, и въ то же время мы имѣемъ здѣсь первый фазисъ работы мысли, который подготовлялъ историческій прогрессъ въ человѣчествѣ. Но насколько это антропологическое явленіе приходится неизбѣжно отдѣлить отъ предшествующихъ чисто зоологическихъ явленій въ человѣчествѣ, настолько же оно, какъ явленіе *доисторическое*, должно быть отдѣлено отъ самой *исторіи*. Антропологическая религіозная мысль была *приспособленіемъ* мыслительной дѣятельности человѣка къ окружающей его природѣ и къ элементарной общественности, инстинктивно созданной. Это не была дѣятельность, направленная на *измѣненіе* природы и общественности, сообразно развивающимся потребностямъ. По этому самому, это былъ процессъ *антропологическій*, а не *историческій*[16]), процессъ, предшествовавшій исторіи, а не начинавшій ее, процессъ, совершавшійся болѣе или менѣе интенсивно во всѣхъ человѣческихъ расахъ и обществахъ, а не принадлежащій исключительно лишь племенамъ, вошедшимъ въ историческую жизнь. Всюду мы замѣтимъ здѣсь одинъ и тотъ же генезисъ религіозной мысли. Всюду религіозное освященіе культуры быстро вело къ ея окамѣненію

---

[16]) О различіи потребностей приспособленія къ средѣ и измѣненія среды, и о соотвѣтствующемъ этому различію раздѣленіи антропологіи отъ исторіи см. «L'idée du progrès dans l'anthropologie» (1873), 5, 20—21.

даже въ подробностяхъ и тѣмъ самымъ обособляло національныя культуры. Всюду основныя формы религіозной мысли были однѣ и тѣ же; всюду законы мышленія выработывали однѣ и тѣ же основныя формы миѳовъ. Мы замѣтимъ, что религіозная мысль заключала въ себѣ не только антропологическіе элементы; она представляла данныя для пріобрѣтенія дѣятельной роли въ прогрессивномъ процессѣ исторіи, какъ подготовительный элементъ раціональнаго прогресса или какъ начало застоя и реакціи. Но эту роль она дѣйствительно пріобрѣла лишь у историческихъ народовъ. Для большинства же человѣчества этотъ періодъ антропологической религіозной мысли, продолжавшійся весьма долго и частью продолжающійся до настоящей минуты, представляетъ племенныя и національныя различія скорѣе въ культурномъ отношеніи, чѣмъ въ отношеніи мысли.

IV. *Обособленныя религіи и цивилизаціи*, съ которыхъ начинается собственно-историческая жизнь человѣчества, составляютъ тоже отдѣлъ совершенно опредѣленный. Мысль, не удовлетворенная первыми пріемами приспособленія къ окружающей средѣ, ищетъ фантастическіе и художественные пріемы для перестройки міросозерцанія согласно своимъ требованіямъ истины и справедливости; противъ общества, *какъ оно есть*, возстаютъ типы общества, *какъ оно должно быть*, и религіозные учители являются общественными агитаторами. Миѳы систематизируются; искусство выработываетъ вліятельныя произведенія; проповѣдь практической мудрости разнообразится личными идеалами вліятельныхъ проповѣдниковъ, вліяніемъ исторической обстановки. Строго-критическая мысль еще нигдѣ не выработалась изъ пріемовъ догматическаго и религіозно-философскаго мышленія,—и это именно обособляетъ разсматриваемый періодъ отъ послѣдующаго,—но противъ окаменѣнія культуры идетъ всюду борьба: въ обособленныхъ центрахъ верхней Азіи, во взаимодѣйствіи цивилизацій передней Азіи и Египта, въ поселеніяхъ эллиновъ, въ Италіи, въ Палестинѣ, въ неполныхъ цивилизаціяхъ финновъ, скандинавовъ, кельтовъ, древнихъ американцевъ. Верхняя Азія вырабатываетъ даже періодъ религіозно-философскихъ реформаторовъ: Лао-цзы, Кхун-цзы и Будда вызываютъ своихъ учениковъ къ новой дѣятельности мысли; но на этомъ фазисѣ и останавливается самостоятельный процессъ мысли у большинства народовъ. До иниціативы строго-критической мысли они не дорабатываются. Поэтому явленія разсматриваемаго слоя мысли, разбросанныя хронологически по разнымъ промежуткамъ времени, составляютъ, тѣмъ не менѣе, въ исторіи мысли совершенно опредѣленную и рѣзко характеризованную группу, которую нельзя смѣшать ни съ антропологически-религіознымъ

слоемъ мысли, на которомъ выросли всѣ пышные цвѣты обособленныхъ цивилизацій, ни съ уединеннымъ развитіемъ критической мысли, которое условія исторической среды допустили лишь въ одномъ мѣстѣ.

V. *Греческая цивилизація* есть единственная, которая дала продукты критической мысли настолько крѣпкіе и раціональные, что они сдѣлались основою непрерывнаго историческаго прогресса мысли, и съ нея исторія мысли получаетъ хронологическое распредѣленіе. Именно особенность критической мысли, не зависящей ни отъ какого авторитета, но на основаніи личнаго размышленія то сближающейся съ религіознымъ міросозерцаніемъ и съ наличнымъ порядкомъ общественнаго строя, то отдаляющейся отъ него, именно эта особенность характеризуетъ періодъ греческой цивилизаціи во всѣхъ ея фазисахъ, начиная съ Θалеса и кончая Прокломъ, и отличаетъ эту цивилизацію какъ отъ предыдущаго слоя обособленныхъ цивилизацій, сильно проникнутыхъ вліяніемъ преданія, такъ и отъ средневѣковаго отрицанія правъ критической мысли.

Но въ этотъ двѣнадцативѣковой періодъ (ок. 650 до Р. Х.—ок. 550 по Р. Х.) греческая цивилизація переживаетъ три крупные отдѣла, точки дѣленія которыхъ если и не такъ ясны, какъ точки дѣленія большихъ періодовъ, но все-таки достаточно опредѣлены, чтобы можно было не сомнѣваться въ ихъ настоящемъ мѣстѣ.

1. Въ *свободной Греціи* (650—320) постепенно вырабатывается теоретическое и практическое міросозерцаніе, независимое отъ преданія, и на почвѣ его дисциплинируется научная мысль. Поэты, историки, государственные люди одинаково участвуютъ въ этой работѣ объединяющей и практической мысли, рядомъ съ мудрецами и философами; мудрецы и философы суть въ то же время главные двигатели спеціальнаго знанія, рядомъ съ медиками. Но начинается раздѣленіе областей и борьба между ними. Критическая мысль не довольно сильна, чтобы помѣшать развитію въ средѣ философскихъ умозрѣній представленій спиритуалистическихъ сущностей и въ средѣ практическихъ идеаловъ противоположенію типа уединеннаго мудреца заботамъ о пропагандѣ мысли среди большинства. Въ борьбѣ съ софистикою вырабатывается идеализмъ. Соціальные идеалы становятся идеалами школы, чуждыми практическаго вліянія. Когда на развалинахъ греческой свободы великій умъ Аристотеля пробуетъ создать научную философію, охватывающую дѣйствительное пониманіе реальнаго міра и дѣйствительные задачи практической жизни, то становится уже совершенно очевидно, что гармоническое содѣйствіе теоретической и практической мысли, объединяющаго представленія и спеціальнаго понятія сдѣлалось невозможно, что философія,

наука, жизнь пойдутъ параллельно, не только не помогая другъ другу, но мѣшая полнотѣ результатовъ, полученныхъ въ каждой области.

2. *Эллинизмъ* (320 до Р. Х.—50 по Р. Х.) представляетъ именно процессъ этого раздѣльнаго развитія областей мысли. Достоинство личностей гибнетъ въ царствахъ Діадоховъ; лицемѣрный эгоизмъ Рима подготовляетъ эксплуатацію міра; поэзія, исторія, эрудиція выказываютъ нравственный упадокъ убѣжденій. Рядомъ съ этимъ философскія школы вырабатываютъ самые высокіе личные идеалы, доходятъ до самыхъ широкихъ общественныхъ идей. Новые боги, новые культы вызываютъ поклоненіе человѣчества; и рядомъ съ этимъ спеціальная наука вырабатываетъ образцовые методы критической мысли, завоевываетъ самыя прочныя основанія для будущаго прогресса. Греческая мысль разлагаетъ старый Римъ, вызываетъ къ философской мысли семитовъ, становится иниціаторомъ умственнаго движенія въ далекомъ Индостанѣ. Соціальный вопросъ выходитъ на римскій форумъ; рабы и безгосударственники грозятъ всему общественному строю. Великолѣпная поэма Лукреція становится въ то же время воплощеніемъ самой передовой философіи того времени. Но разъединеніе областей мысли совершило свое дѣло. Передовая мысль уединена и не можетъ выдержать борьбы противъ переживающихъ остатковъ прежнихъ періодовъ, противъ личнаго животнаго эгоизма и склонности къ фантастическому догмату. Разрушающійся старый строй бросаетъ міръ къ подножію трона помѣшанныхъ владыкъ міра. Критическая мысль быстро слабѣетъ. Приливъ религіозныхъ вѣрованій растетъ, и греческой цивилизаціи приходится бороться за самое существованіе своихъ основъ.

3. *Первые вѣка христіанства* (50—550) совпадаютъ съ этимъ временемъ задушенія античной цивилизаціонной мысли приливомъ догматической нетерпимости и антропологическаго варварства. Государственный типъ древности мѣшаетъ живымъ силамъ общества развить свои средства для борьбы съ грозящими отовсюду врагами. Владыки міра оказываются безсильными помочь государству при всемъ ихъ формальномъ всемогуществѣ. Общественная борьба, при ослабленіи критической мысли, начинается подъ знаменемъ догмата. Борьба въ области мысли обращается въ борьбу сектъ. Самая философія получаетъ во всѣхъ отрасляхъ религіозный характеръ. Героизмъ личностей выступаетъ лишь въ видѣ нетерпимаго фанатизма, аскетизма добровольнаго мученика за фантастическую идею и индифферентизма къ общественнымъ задачамъ. Величайшіе умы періода отдаляются отъ спеціальной науки, отъ самостоятельной философіи и трудятся надъ систематическою постройкою зданія, элементы котораго настолько противурѣчивы, что ихъ противорѣчіе не

могло выдержать самаго элементарнаго критическаго пріема и не могло побѣдить самой обыденной жизненной задачи. Притокъ племенъ, не вышедшихъ изъ элементарныхъ антропологическихъ представленій, вмѣстѣ съ ненавистью народовъ къ государственному строю имперіи, эксплуатировавшей міръ, но служившей въ глазахъ всѣхъ представительницею традицій античной цивилизаціи, облегчаетъ задачу задушенія этой цивилизаціи, и съ закрытіемъ аѳинскихъ школъ, со смертью Боэція, періодъ древней критической мысли Греціи заключенъ.

VI. *Средневѣковая цивилизація* отдѣлена отъ греческой окончательнымъ задушеніемъ критической мысли, отъ новоевропейской—окончательнымъ установленіемъ научныхъ методовъ мышленія въ эпоху Кеплера, Галилея и Бэкона. Но десять вѣковъ (550—1588) этого періода представляютъ отдѣлы, можетъ быть, даже болѣе рѣзко отличимые, чѣмъ отдѣлы предыдущаго періода.

1. Сначала предъ нами фазисъ безусловнаго *господства религіозной мысли* (550—1200) на Западѣ и на Востокѣ, въ утверждающемся единообразіи католицизма и въ быстромъ развитіи ислама. Безъ всякой оппозиціонной тенденціи, бесознательно традиція античнаго міра хранится въ стѣнахъ монастырей, въ пантеистическихъ міросозерцаніяхъ, въ школахъ медиковъ, въ маскарадныхъ типахъ новой священной имперіи. Общественные вопросы выступаютъ подъ видомъ еретическихъ, религіозныхъ ученій, противупоставляютъ вѣча и сеймы славянъ феодализму запада, феодализмъ самостоятельныхъ владѣтелей—типу всенароднаго императора, древній легализмъ христіанскихъ цезарей—идеалу католическаго іерарха, элементарный эгоизмъ личности—невозможному мистическому идеалу. Будущей критикѣ невозможнаго идеала предшествуетъ развитіе свѣтскихъ идеаловъ въ рядѣ поэтическихъ цикловъ, изъ которыхъ съ особенною яркостью выступаетъ сатирическій циклъ звѣринаго эпоса. Одновременно съ этимъ философская мысль возобновляетъ сознательно античную традицію среди мусульманскихъ школъ, среди евреевъ, и въ то время какъ болѣзненность всего средневѣковаго строя выражается въ эпидеміи крестоносцевъ, изъ славянскаго юга разливается по западной Европѣ ересь, грозящая противупоставить католицизму столь же сильную духовную организацію, и буржуазія начинаетъ первую борьбу за свободу, въ тоже время какъ изъ монастырей выходитъ проповѣдь вѣчнаго Евангелія, проповѣдь наступающаго царства Духа Святаго.

2. Фазисъ *университетовъ* начинается приливомъ въ западныя школы арабскихъ комментаріевъ на древнюю мудрость [17]). Католицизмъ

[17]) Прантль (Gesch. d. Logik im Abendlande) нѣсколько разъ высказываетъ

побѣждаетъ, повидимому, всѣхъ своихъ враговъ: еретиковъ, мистиковъ, пантеистовъ, скептиковъ, императоровъ, феодаловъ. Папство опирается на свѣтское владычество. Оно вызываетъ къ жизни два могучихъ монашескихъ ордена и грозный трибуналъ инквизиціи. Оно уничтожаетъ цѣлую народную цивилизацію. Оно выставляетъ самыхъ ученыхъ и вліятельныхъ своихъ защитниковъ въ университеты, защитниковъ, около которыхъ собираются десятки тысячъ слушателей. Но еретическая мистика проникаетъ въ ряды нищенствующихъ монаховъ; античный авторитетъ утверждается въ умахъ Европы именно самыми вѣрующими схоластами; въ лабораторіяхъ алхимиковъ начинаются попытки новаго опытнаго знанія; искусство становится болѣе оппозиціоннымъ. Въ то же время, какъ оно находитъ себѣ высшую художественную форму въ поэмѣ Данта, свѣтская власть торжествуетъ надъ папствомъ одну изъ самыхъ рѣшительныхъ побѣдъ. Число противниковъ іерархіи усиливается. Среди грозной эпидеміи, идущей чрезъ Европу, возстаютъ подавленные классы сельскихъ жителей; города начинаютъ повсюду борьбу противу господствующихъ классовъ, а въ самымъ городахъ цехи побѣждаютъ патриціевъ. Поклоненіе красотѣ языческаго міра возникаетъ рядомъ съ церковью, проклинающею язычество, подъ ея защитою. Самую церковь раздираетъ расколъ, въ то время какъ голосъ богословскихъ ересіарховъ переходитъ въ голосъ ересіарховъ національныхъ. Когда же Констанцскій соборъ думаетъ кончить расколъ, на пламя костра, на которомъ погибъ Гусъ, отвѣчаетъ соціалистическая проповѣдь вооруженныхъ таборитовъ и циническій смѣхъ итальянскихъ новыхъ язычниковъ.

3. Къ средневѣковой цивилизаціи приходится отнести и фазисъ *возрожденія и реформаціи* (1450—1588), такъ какъ господствующіе интересы въ этомъ фазисѣ заключались не въ отрицаніи авторитетовъ во имя критической мысли, а въ противупоставленіи авторитету римской церкви авторитета античнаго язычества или авторитета библіи; не въ научной истинѣ, а въ художественной красотѣ и въ чистотѣ

мысль что, вслѣдствіе несамостоятельности средневѣковыхъ писателей, слѣдуетъ принять дѣленіе схоластики по притоку новаго матеріала.—Въ пользу такого дѣленія среднихъ вѣковъ въ началѣ XIII столѣтія можно привести Ренана («Averroès,» 233), Прантля (Geschichte d. Logik. im Abendlande» III. 1-2), Грегоровіуса («Gesch. d. Stadt Rom im Mittelalter», V, 1 и слѣд.). Ср. для аргументовъ за эту точку дѣленія и за начзло XII-го столѣтія (что́ принимается многими) «Подготовленіе новой европейской мысли» въ «Дѣлѣ» за ноябрь 1872 г. стр. 325 и слѣд.—Ог. Контъ, какъ сказано выше въ текстѣ, предлагаетъ за точку дѣленія конецъ XIII-го столѣтія, но аргументы его въ этомъ отношеніи очень слабы и едва ли нашлись бы многіе приверженцы этого мнѣнія.

догмата. Возрожденіе стараго, — заключалось ли это старое въ язычествѣ или въ первобытномъ христіанствѣ, — не можетъ считаться началомъ новаго времени [18]). Но это былъ послѣдній фазисъ борьбы во имя авторитетовъ. Средневѣковой міръ получалъ ударъ за ударомъ. Техника выставила противъ него книгопечатаніе. Стремленіе къ обогащенію выставило противъ него открытіе новаго міра. Желаніе укрѣпить христіанство реформою разложило церковь, выказало еще яснѣе, что всѣ подобныя попытки приводятъ лишь къ новой схоластикѣ и къ лицемѣрію. Предтечами новаго времени выступили сатирики и математики, астрономы и анатомы. Античный авторитетъ устоялъ столь же мало противъ новыхъ открытій, какъ и авторитетъ еврейскій. Теоретическая мысль требовала новыхъ методовъ. Философія обращалась къ природѣ, какъ основному принципу. Между рѣзнею Варѳоломеевской ночи и костромъ Серве несли въ славянскія земли социніяне проповѣдь деизма. Въ виду разыгравшейся жажды золота возникалъ соціалистическій идеалъ Утопіи, религіозное одушевленіе переходило въ политическую агитацію проповѣдниковъ кальвинизма и проповѣдниковъ лиги. Періодъ тысячелѣтняго господства религіозной мысли надъ критическою кончился скептическими опытами Монтэня.

VII. *Цивилизація новой Европы* (1588-1810), какъ теоретическое подготовленіе къ задачамъ соціологіи, начинается установленіемъ научнаго метода, кончается исчерпываніемъ средствъ искренняго политическаго эмпиризма, и совершенно естественно распадается на два отдѣла.

1. Въ эпоху *научныхъ завоеваній* (1588-1773) на первомъ планѣ стоятъ вопросы теоретическіе, а практическіе предоставлены всѣмъ случайностямъ историческихъ столкновеній. Послѣ величественнаго разцвѣта чисто свѣтской поэзіи, при разорительномъ столкновеніи эгоистическихъ государей, министровъ, полководцевъ, шагъ за шагомъ идетъ впередъ научная критическая мысль. За эпохою Кеплера, Галилея, Бэкона, Гервея слѣдуетъ эпоха Декарта и Паскаля, эпоха сплоченія ученыхъ въ общества, затѣмъ время Ньютона, Лейбница, Сталя; далѣе время Реомюра, Галлера и Морганьи; время Линнея и Бюффона; наконецъ, время Эйлера, Франклина, Уатта. И рядомъ съ ними философія даже въ лагерѣ идеализма ставитъ механическое начало въ основу пониманія природы; матеріализмъ и сенсуализмъ выступаютъ во всеору-

[18]) Въ свое время будетъ подробно развита мысль о правильности отнесенія эпохъ возрожденія и реформаціи къ средневѣковой цивилизаціи. Пока, см. «Историческое значеніе науки и книга Уэвеля» въ «Отеч. Зап.» 1868 г., мартъ, стр. 45 и слѣд.

жіи на борьбу за господство; самый цѣльный метафизикъ всѣхъ вѣковъ завѣщаетъ міру свое міросозерцаніе; самый рѣшительный скептикъ новой Европы становится учителемъ передовыхъ умовъ ряда поколѣній. Затѣмъ философія становится воинственною. Она развертываетъ знамя прогресса и просвѣщенія противъ безжизненныхъ средневѣковыхъ формъ, стоящихъ еще рядомъ съ нею. Многотомной схоластической литературѣ всѣхъ сектъ она противупоставляетъ энциклопедію. Она вооружается противъ враговъ насмѣшкою и страстью, ученою критикою и популярными брошюрами, монологами псевдо-классической трагедіи и двусмысленною сказочкою. Просвѣтители всѣхъ странъ, борясь между собою, ненавидя другъ друга, составляютъ одну обширную армію мысли противъ общаго врага. Но неизбѣжно вопросы теоріи ведутъ къ вопросамъ практики. Политическія задачи становятся задачами экономическими. Солидарность государственнаго строя съ догматическими противниками новой мысли ведетъ мыслителей къ борьбѣ противъ существующихъ государственныхъ формъ. Англійскій переворотъ конца XVII вѣка увлекаетъ большинство руководителей мысли, не замѣчающихъ экономическаго подавленія большинства, судьбу котораго этотъ переворотъ оставилъ безъ вниманія. Министры реформаторы выступаютъ повсюду. Мысли Беккаріи переходятъ въ Наказъ. Политическій либерализмъ соединяетъ свою программу съ программою просвѣтителей, и для ново-европейской цивилизаціи настаетъ канунъ революцій.

2. *Политическія революціи* конца XVIII вѣка составляютъ послѣдній искренній опытъ либерализма рѣшить соціологическія задачи эмпирически, перемѣщая государственную власть, но оставляя прежнія основы экономическихъ отношеній безъ измѣненія. Въ то время какъ на берегахъ Волги и Днѣпра протестъ шелъ несравненно глубже, Сѣвероамериканскіе штаты вырабатывали типъ самаго либеральнаго политическаго строя, и французская республика писала на стѣнахъ формулу, резюмирующую либеральную программу въ ея окончательныхъ результатахъ. Удача перваго опыта и неудача втораго въ политическомъ отношеніи привели къ одному и тому же практическому результату: что политическія конституціи, взятыя сами по себѣ, не улучшаютъ положенія большинства. Но къ подобному же результату пришла въ это время и теоретическая мысль. Въ то время какъ Лагранжъ, Монжъ, Лапласъ, Гауссъ, Гальвани, Вольта, Лавуазье, Гои, Вик-д'Азиръ продолжали завоеванія теоретической мысли въ болѣе простыхъ областяхъ; въ то время какъ критическая философія переходила въ реакціонный идеализмъ, и величайшіе поэты становились въ оппозицію съ процессомъ критики предыдущаго періода; въ это время Смитъ ставилъ опредѣленнѣе экономичес-

кую задачу конкуренціи на пути къ личному обогащенію, и когда новый цезаризмъ, достигнувъ высоты своего могущества, обозначилъ собою эру реакціи, Рикардо и Мальтусъ писали свои безнадежныя формулы, какъ безусловныя заключенія эмпирической и отрывочной соціологіи. Наукѣ оставалось отречься отъ рѣшенія соціологическихъ вопросовъ или приступить къ ихъ рѣшенію съ новыми методами.

VIII. *Періодъ соціологической мысли*, въ которомъ мы находимся, въ главныхъ чертахъ его работы мысли, имѣетъ передъ собою эту задачу. Имѣя въ виду здѣсь установить главныя дѣленія исторіи, я не имѣю повода столь же долго останавливаться на немъ, такъ какъ мнѣ пришлось бы говорить тутъ лишь о подраздѣленіяхъ, во всякомъ случаѣ второстепенныхъ. Ограничусь короткимъ указаніемъ, что въ немъ можно отличить четыре отдѣла, точки дѣленія которыхъ (по крайней мѣрѣ, двѣ) обозначены довольно крупными историческими катастрофами или весьма характеристическими общественными новообразованіями.

1. Эпоха до-іюльской революціи (1810—1830) можетъ быть названа временемъ *развитія капитализма*.

2. Эпоха между іюльской и февральской революціями (1830—1848) представляетъ *царство буржуазіи*, но весьма важна и въ философскомъ отношеніи.

3. Эпоха, затѣмъ слѣдовавшая (1848—1864), характеризована самымъ разительнымъ *распаденіемъ стараго*, именно всѣхъ старыхъ партій и началъ, вынесенныхъ изъ прежнихъ періодовъ, но въ ней сдѣлано много для подготовки раціональнаго рѣшенія вопросовъ соціологіи.

4. Характеръ *современности* (нач. 1864 г.) опредѣлитъ будущая исторія. Мы можемъ ставить о немъ догадки; можемъ надѣяться, что историческій промежутокъ, назначенный нашей эпохѣ, будетъ вовсе непродолжителенъ, что мы живемъ наканунѣ начала совершенно новаго періода исторіи; можемъ желать, чтобы современность осуществила то или другое; можемъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ этому осуществленію, но..... не болѣе.....

Таковы главныя дѣленія исторіи мысли, которыя, на сколько можемъ судить, устанавливаются самою ея задачею, и которыя будутъ приняты въ настоящемъ трудѣ.

§ 6. Матеріалъ исторіи мысли.

Самый общій очеркъ программы предпринимаемаго труда, именно такой очеркъ, какой читатель видѣлъ въ предыдущемъ параграфѣ, достаточенъ для того, чтобы можно было судить о трудности предстоящей работы и о многочисленныхъ препятствіяхъ, неизбѣжно встрѣчающихся для надлежащаго ея исполненія. Поэтому я считаю нужнымъ, въ этомъ послѣднемъ параграфѣ введенія, высказать по возможности ясно читателю, что̀ можетъ онъ ожидать отъ этого труда, что̀ онъ можетъ искать въ немъ, и чего искать въ немъ не слѣдуетъ; особенно же, какимъ образомъ я имѣю въ виду отнестись къ громадному матеріалу, который долженъ прямо или косвенно лечь въ основаніе этого опыта.

Именно громадность этого матеріала составляетъ одно изъ главныхъ затрудненій, о которыхъ только-что было говорено. Жизни человѣка недостаточно, чтобы ознакомиться съ малою долею *основнаго* матеріала исторіи мысли, такъ какъ *все* есть продуктъ мысли, болѣе или менѣе выражающей стремленія своего времени, или носящей на себѣ слѣды переживанія прежнихъ періодовъ, или выработавшей въ себѣ зародышъ еще не развившагося будущаго. Узнать, только *узнать* всѣ факты исторіи мысли невозможно одному человѣку, и опытъ исторіи мысли былъ бы очевиднымъ шарлатанствомъ, еслибы авторъ его сталъ увѣрять читателей, что онъ его составляетъ *вполнѣ* на основаніи изученія первоначальныхъ матеріаловъ. Эта работа можетъ быть только *объединяющая* въ наибольшей своей долѣ, объединяющая труды предшественниковъ, пользуясь ихъ подготовительною работою собиранія, группировки и освѣщенія первоначальнаго матеріала, и лишь въ *нѣкоторыхъ* мѣстахъ восходящая къ самымъ первымъ источникамъ.

Но *объединеніе* не есть компиляція, и не должно быть ею. Объединеніе совершается во имя *принципа*, и чѣмъ общнѣе, чѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ могущественнѣе этотъ руководящій принципъ, тѣмъ болѣе ясности онъ вноситъ въ группировку фактовъ и въ значеніе каждаго изъ нихъ, тѣмъ лучше освѣщаетъ ихъ перспективу, тѣмъ лучше уясняетъ, которые изъ фактовъ важнѣе другихъ и, слѣдовательно, требуютъ тщательнаго пересмотра, изученія ихъ въ ихъ источникахъ, и которые могутъ считаться фактами втораго и третьяго плана исторіи, причемъ можно довольствоваться для ихъ оцѣнки и освѣщенія готовымъ трудомъ. *Объединяющій принципъ* служитъ руководствомъ при распредѣленіи матеріала, при его пересмотрѣ, при пользованіи трудами предшественниковъ, при оцѣнкѣ значенія этихъ трудовъ, при построеніи новаго

результата на основаніи существующаго матеріала и существующей его обработки.

Работа историка обширной области имѣетъ кое-что сходное съ работою картографа, который берется нанести на плоскость изображеніе обширной кривой поверхности, со всѣми ея неровностями, такъ чтобы полученное изображеніе давало зрителю возможно-близкое понятіе объ изображаемой поверхности. Прежде всего *невозможно* изобразить совершенно точно поверхности на плоскости; можно лишь выбрать нѣкоторый способъ проэкціи первой на послѣднюю, развертыванія послѣдней по частямъ, опредѣленно-условнымъ способомъ. Чѣмъ обширнѣе изображаемая поверхность, чѣмъ значительнѣе ея кривизна, чѣмъ значительнѣе ея неровности, тѣмъ задача труднѣе. Для этого изображенія существуютъ нѣсколько извѣстныхъ, условныхъ, рутинныхъ пріемовъ, и они повторяются въ милліонахъ произведеній. Но можно искать, который изъ существующихъ пріемовъ лучше, удобнѣе въ данномъ случаѣ; нельзя ли воспользоваться нѣсколькими пріемами въ ихъ соединеніи, нельзя ли, наконецъ, придумать какой либо новый пріемъ, новый способъ проэктированія данной поверхности, сообщающій болѣе точное ея изображеніе?—Подобные же вопросы, но болѣе сложные, имѣетъ передъ собой историкъ, который долженъ дать факты въ той группировкѣ, въ той перспективѣ, чтобы читатель могъ всего яснѣе получить впечатлѣніе о ихъ относительной важности, о ихъ связи и взаимной зависимости.

Но картографъ имѣетъ предъ собою еще другую задачу; это — нанесеніе на карту трехъ географическихъ координатъ разныхъ точекъ мѣстности, изъ которыхъ лишь немногія онъ можетъ провѣрить самъ. Здѣсь онъ опирается на предшествующія геодезическія и гипсометрическія работы, какъ историкъ на первоначальныя источники; опирается на труды спеціальныхъ картографовъ разныхъ мѣстностей, какъ обобщающій и объединяющій историкъ на труды другихъ историковъ.

При этомъ труды спеціальные и объединяюшіе исправляютъ другъ друга. Приступая къ дѣлу съ болѣе ограниченнымъ, съ менѣе точнымъ взглядомъ на общій ходъ исторіи, ученый получаетъ первоначальный рядъ установившихся фактовъ. Самый этотъ рядъ наводитъ слѣдующаго мыслителя на болѣе широкое пониманіе связи и группировки фактовъ, выдвигаетъ на первый планъ факты, дурно изслѣдованные, потому что они считались неважными, и направляетъ на нихъ труды исторической эрудиціи. Какъ только эрудиція дала достаточно новаго фактическаго матеріала, этотъ новый матеріалъ, вмѣстѣ съ переработаннымъ старымъ, вызываетъ новую работу объединяющей и группи-

рующей мысли. Такимъ образомъ, постепенно, спеціальные труды охватываютъ все новыя области фактовъ, а объединяющіе труды вырабатываютъ все болѣе точную ихъ перспективу, причемъ спеціальная эрудиція нисколько не мѣшаетъ одновременному уясненію отдѣльныхъ болѣе или менѣе обширныхъ группъ событій, какъ объединяющая работа мысли иногда неизбѣжно требуетъ самостоятельной переработки нѣкоторыхъ фактовъ, прежде оставленныхъ безъ особеннаго вниманія.

Предпринимая трудъ, опирающійся на многочисленныя работы предшественниковъ, я могу надѣяться лишь въ крайне немногихъ случаяхъ представить читателю новыя фактическія данныя, указывая въ томъ или другомъ результатѣ исторической мысли стороны, не достаточно замѣченныя прежними изслѣдователями; но, можетъ быть, мнѣ удастся открыть читателю тамъ или здѣсь новыя перспективы фактовъ, которыя придадутъ значеніе тому, что оставалось въ тѣни, отодвинутъ на второй планъ то, что, при другой точкѣ зрѣнія, стояло на первомъ. Безошибочность невѣроятна при этой работѣ, и я не надѣюсь ея достигнуть, но, можетъ быть, самыя ошибки одного автора могутъ повести другихъ изслѣдователей къ болѣе точному фактическому уясненію событій, до сихъ поръ оставленныхъ безъ вниманія, и потому самому, вызвавшихъ ошибки.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ трудѣ, наибольшую важность можетъ имѣть лишь принципъ, который служитъ къ группировкѣ, къ освѣщенію историческихъ фактовъ, къ установленію ихъ перспективъ. Если мнѣ удастся лучше уяснить какіе либо факты или группы ихъ, это лишь на основаніи тѣхъ началъ, которыя приняты здѣсь за точку исхода. Читатели, отвергающіе эти начала, едва ли найдутъ здѣсь много такого, чего они не встрѣтили бы въ другихъ, болѣе спеціальныхъ трудахъ. Можетъ быть, читатели встрѣтятъ кое-что новое лишь въ установленной здѣсь связи работъ научной мысли съ другими сферами историческаго развитія, такъ какъ въ большинствѣ трудовъ, мнѣ извѣстныхъ, именно научныя работы менѣе всѣхъ другихъ оцѣнены, какъ въ ихъ безусловномъ значеніи для прогресса мысли, такъ и въ ихъ связи съ прочими явленіями исторіи. За то, согласно со сказаннымъ въ § 3 и въ противуположность большинству работъ по исторіи цивилизаціи, продукты эстетическаго творчества получатъ здѣсь, сравнительно, мало мѣста, и ихъ художественное достоинство будетъ по большей части, совсѣмъ оставлено въ сторонѣ. Читатели, интересующіеся *этой* стороной исторіи, точно также какъ культурнымъ разнообразіемъ обычаевъ и преданій въ человѣчествѣ, найдутъ себѣ мало удовлетво-

ренія въ настоящемъ трудѣ и могутъ обращаться къ другимъ источникамъ.

Предыдущее опредѣляетъ и способъ пользованія существующимъ матеріаломъ для настоящаго труда. Этотъ матеріалъ, за исключеніемъ первоначальныхъ источниковъ, можно подраздѣлить на три главныя категоріи:

1) Всеобщая исторія, имѣющая преимущественно объединяющій и группирующій характеръ для всего процесса жизни человѣчества или для отдѣльныхъ моментовъ этой жизни.

2) Спеціальные труды, обнимающіе исторію одной изъ областей исторіи мысли или одной части этой области и точно также распространяющіеся на всю жизнь человѣчества или на болѣе короткій промежутокъ времени.

3) Монографіи по отдѣльнымъ болѣе или менѣе широкимъ вопросамъ, входящимъ въ сферу исторіи мысли.

Я здѣсь буду говорить почти исключительно о первыхъ двухъ категоріяхъ трудовъ, нисколько не имѣя въ виду исчерпать ихъ литературу,—что было бы совершенно нелѣпою цѣлью для небольшаго параграфа,—но болѣе съ цѣлью характеризовать общее отношеніе разныхъ группъ наличныхъ трудовъ къ задачѣ настоящаго опыта исторіи мысли, съ цѣлью уяснить читателю, насколько я могъ и долженъ былъ ими пользоваться; называя то или другое сочиненіе, я буду его приводить всего чаще какъ примѣръ, уясняющій общее положеніе, а не какъ источникъ, которымъ я пользовался бы преимущественно предъ прочими ему однородными. Лишь въ примѣчаніяхъ къ самому труду читатель будетъ имѣть возможность видѣть, какими изъ указанныхъ въ этомъ параграфѣ матеріаловъ я болѣе другихъ пользовался. Здѣсь идетъ вопросъ лишь объ общемъ значеніи матеріаловъ двухъ первыхъ категорій для настоящаго труда.

Всеобщая исторія политическая и исторія цивилизаціи вообще, точно также какъ частныя исторіи періодовъ или эпохъ жизни человѣчества, могли всего менѣе мнѣ служить пособіемъ уже потому, что значеніе этихъ трудовъ существенно и преимущественно зависитъ отъ точки зрѣнія автора, отъ его способа группировки, освѣщенія фактовъ и распредѣленія ихъ въ данную перспективу. Но именно въ этомъ отношеніи настоящій трудъ могъ очень мало опереться на предшествующія работы.—Въ политическихъ исторіяхъ внѣшнія событія господствуютъ надъ развитіемъ мысли и обусловливаютъ построеніе цѣлаго. Оно такъ

даже у Шлоссера[1]) и Гервинуса[2]); оно такъ въ очеркѣ Кольба[3]). Оно всего поразительнѣе у всѣхъ изслѣдователей исторіи древности при опредѣленіи значенія римской національности, которая вездѣ выставлена какъ совершенно самостоятельный и весьма важный въ своей самостоятельности элементъ историческаго развитія. Даже Лоранъ[4]) пишетъ: «И такъ Римъ стоялъ выше (était supérieure) и Востока и Греціи». Точно также въ XVII вѣкѣ тридцатилѣтняя война и стремленіе Франціи Людовика XIV къ преобладанію совершенно заслоняютъ для историковъ *настоящую* работу человѣчества въ эту эпоху.—Въ исторіяхъ цивилизаціи элементъ культурный, элементъ привычекъ и преданія, слишкомъ безразлично смѣшанъ съ элементомъ мысли. Оно такъ у Гизо[5]). Оно такъ у Геннэ-ам-Рина[6]). Оно такъ у Гонеггэра[7]). Не говорю уже о Карьерѣ[8]), который, по самой задачѣ своего труда, долженъ былъ поставить искусство на первое мѣсто и лишь по недостаточной ясности собственной мысли отвелъ значительное мѣсто другимъ областямъ. Книга Дрэпера[9]) болѣе поверхностна, чѣмъ можно бы ожидать отъ ея автора. О трудѣ Бокля[10]) говорить нельзя, потому что онъ остался *отрывкомъ введенія;* вышедшія части доказываютъ глубокое пониманіе автора въ отношеніи значенія отдѣльныхъ фактовъ, прежде мало замѣченныхъ, и заставляютъ еще болѣе сожалѣть о фатальномъ перерывѣ развитія молодаго историка; но здѣсь бѣдствіе неисправимо, и мы лишены всякой возможности даже приблизительно возсоздать планъ его едва начатаго труда. Въ большинствѣ другихъ трудовъ этого рода литература, какъ литература, настолько же ослѣпила и увлекла истори-

---

[1]) *F. C. Schlosser*: «Weltgeschichte für das deutsche Volk». (Послѣднее изданіе 1857). — Гораздо важнѣе его же «Gesch. d. XVIII—ten und XIX Jahrhunderts» etc (2-te Auflage, 1865—66).

[2]) *G. G. Gervinus*. «Gesch. d. XIX Jahrhunderts seit den Wiener Verträgen» (1860—66).

[3]) *G. F. Kolb:* «Kulturgeschichte d. Menschheit» (2 изд. 1872—73).

[4]) *F. Laurent*: «Rome» (2-me ed. 1862), 2.

[5]) *Fr. P. G. Guizot:* «Histoire de la civilisation en Europe» (5 ed. 1845).—«Histoire de la civilisation en France». (5 ed. 1845).

[6]) *O. Henne am Rhyn*: «Die Culturgeschichte im Lichte des Fortschrittes» (1869).—«Culturgeschiche der neueren Zeiten». (1870—73).

[7]) *J. J. Honegger:* «Grundsteine der allgemeinen Culturgeschichte der neuesten Zeit».

[8]) *Mor. Carriere*: Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwicklung (1868—73).

[9]) *J. W. Draper:* «History of the intellectual development of Europe» (1863).

[10]) *H. Th. Buckle:* «History of civilisation in England» (1857—60).

ковъ, какъ громъ и блескъ битвъ, интриги дипломаціи ослѣпили и увлекли политическихъ историковъ. Особо надо поставить трудъ Лорана [11]), но, по своей крайне несовершенной хронологической группировкѣ и по уродливой философской идеѣ, положенной въ его основу, этотъ трудъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, можетъ доставить лишь богатый матеріалъ для указаній историку, на что слѣдуетъ обратить вниманіе, а самъ остается безъ значенія. Точно также совсѣмъ особо надо поставить очеркъ Конта [12]), о которомъ сказано въ предыдущемъ параграфѣ. Изъ недавно появившихся трудовъ, обзоръ Курно [13]), относящійся лишь къ новѣйшему періоду, даетъ хорошія указанія, но не устанавливаетъ связи между разными областями мысли; философская же попытка Дэргенса [14]), въ противорѣчіе съ законами, которые авторъ пытался найти для исторіи въ первомъ томѣ, придаетъ непомѣрно большое значеніе политической исторіи во второмъ томѣ, заключающемъ самый очеркъ исторіи. Мнѣ неизвѣстенъ изъ болѣе значительныхъ новѣйшихъ трудовъ, сюда относящихся, трудъ Дина [15]), но судя по отзывамъ, едва ли онъ могъ мнѣ представить значительныя указанія на правильное распредѣленіе и освѣщеніе фактовъ исторіи мысли.—О болѣе частныхъ и монографическихъ трудахъ, имѣющихъ въ виду изслѣдованіе разныхъ періодовъ, будетъ сказано при разсмотрѣніи этихъ періодовъ.

Но если большая часть только что упомянутыхъ произведеній могли служить здѣсь пособіемъ лишь въ незначительной степени, потому что они смѣшиваютъ области культуры съ областью мысли, то существуетъ цѣлый рядъ другихъ трудовъ, которые отдаляются отъ точки зрѣнія, здѣсь принятой, совершенно въ иномъ отношеніи. Это—большинство сочиненій по философіи исторіи, писанныхъ преимущественно подъ вліяніемъ нѣмецкаго идеализма [16]). Авторы ихъ большею частью не хотятъ знать, что развитіе мысли воплощается весьма характеристично въ формѣ историческихъ событій, въ личной дѣятельности, и что эти конкретные факты иногда лучше освѣщаютъ ступени развитія мысли,

---

[11]) *T. Laurent:* «Etudes sur l'histoire de l'humanité». (1850—1870).

[12]) *Aug. Comte:* «Cours de philosophie positive», V, VI.

[13]) *Cournot:* «Considérations sur la marche des idées et des évenements dans les temps modernes» (1872).

[14]) *Daergens:* «Aristoteles oder über das Gesetz der Geschichte» (1872—73).

[15]) *H. Dean:* «The History of civilisation» (1869).

[16]) Напр. школы Шеллинга: *J. J. Stutzmann:* «Philosophie der Geschichte der Menschheit» (1808); школы Краузе: *H. Ahrens:* «Cours de philosophie de l'histoire» (1840); лекціи Гегеля, изданныя Гансомъ 1837 г.

чѣмъ литературные труды и философскія системы, выработанныя исключительными личностями въ то же время. Какъ *настоящая* исторія философіи не можетъ быть и не должна быть только исторіею философскихъ системъ, а охватываетъ явленія общественной философіи, такъ *настоящая* философія исторіи ищетъ воплощенія процесса человѣческаго развитія настолько же въ реальныхъ явленіяхъ исторіи, какъ и въ теоретическихъ ея продуктахъ.

Расходясь со многими изъ упомянутыхъ обобщающихъ работъ въ отношеніи значенія, придаваемаго той или другой области мысли въ процессѣ цивилизаціи, настоящій трудъ еще болѣе отступаетъ отъ большинства ихъ въ постановкѣ практическихъ идеаловъ, личныхъ и общественныхъ. Здѣсь я могъ бы воспользоваться частью развѣ мало извѣстнымъ и до сихъ поръ мнѣ знакомымъ лишь по извлеченіямъ трудомъ Винкельблэха [17]), хотя въ отношеніи оцѣнки теоретическихъ областей взглядъ его не можетъ имѣть никакого научнаго значенія. Всѣ остальные историки, политическіе историки цивилизаціи, историки мысли, обработывающіе болѣе или менѣе длинный періодъ этого процесса, ставили себѣ соціологическіе идеалы, которые существенно-мѣшали имъ освѣтить надлежащимъ образомъ, или даже просто внести въ свое построеніе, многія проявленія практической мысли, которымъ здѣсь будетъ, по необходимости, придано большое значеніе.

Перехожу къ матеріаламъ втораго рода, именно къ спеціальнымъ историческимъ трудамъ, относящимся къ отдѣльнымъ областямъ мысли и переходящимъ постепенно къ монографической разработкѣ вопросовъ. Это именно разрядъ работъ, къ которымъ я обращался всего чаще и которыми пользовался всего охотнѣе, потому что тутъ находилъ наиболѣе драгоцѣнныя указанія не только на факты, прямо изслѣдованные авторомъ, большею частью по первымъ источникамъ, но и на связь изучаемыхъ фактовъ съ другими, принадлежащими совсѣмъ инымъ областямъ. Мой трудъ основанъ преимущественно на спеціальныхъ изслѣдованіяхъ по исторіи религій, наукъ, философіи, нравственно-соціологическихъ идей и искусства, но и здѣсь чаще мнѣ встрѣчалась необходимость обратиться къ монографіямъ, охватывающимъ отдѣльную эпоху, или отдѣльный вопросъ, чѣмъ къ обширнымъ трудамъ, обнимающимъ исторію цѣлой области мысли или довольно значительной ея доли. Не упоминая здѣсь объ этихъ монографіяхъ, замѣчу только, что при настоящей разработкѣ этого рода литературы, весьма немногіе обшир-

[17]) *Karl Marlo* (Winkelblech): «Untersuchungen über die Organisation der Arbeit oder System der Weltökonomie», I (1850).

ные труды удовлетворяютъ задачѣ, которую можно уже теперь поставить историку мысли.

Мы не имѣемъ ни одного обширнаго спеціальнаго труда, охватывающаго исторію религіозной мысли въ ея полномъ развитіи съ точки зрѣнія, выработанной уже въ теоріи и осуществленной въ нѣкоторыхъ монографіяхъ. Мы не имѣемъ ни одной исторіи науки въ ея связномъ развитіи. Мы не имѣемъ ни одной исторіи философіи, гдѣ бы можно было прослѣдить не только филіацію системъ, но и зависимость ихъ отъ развитія общественной философіи, хотя изъ всѣхъ областей мысли философія имѣетъ наиболѣе обработанную исторію. Узкость личныхъ и соціологическихъ идеаловъ, точно также какъ раздробленіе въ разработкѣ вопросовъ, относящихся къ практической мысли, помѣшали историкамъ нравственно-соціальныхъ идей дать трудъ, соотвѣтствующій задачѣ современности. Можетъ быть болѣе сдѣлано для исторіи искусства, но скорѣе въ отношеніи эстетической оцѣнки, чѣмъ въ отношеніи цивилизаціоннаго значенія художественныхъ произведеній. Во всѣхъ этихъ областяхъ сотни превосходныхъ монографическихъ работъ ждутъ строгой и широкой связующей мысли, чтобы слиться въ одно стройное цѣлое. Остановимся нѣсколько на положеніи общихъ работъ по этимъ вопросамъ въ настоящее время.

Научная критика религій есть результатъ послѣдняго времени [18]). Къ эпохѣ Фейербаха [19]) и Конта [20]) восходитъ установленіе философскаго взгляда на эту область, къ еще позднѣйшему времени относятся большею частью труды Гримма [21]), Куна [22]), Макса Мюллера [23]) и другихъ выработавшихъ методъ для сравненія фактовъ ея. Общіе труды по исторіи религій вообще, восходящіе къ эпохѣ идеализма [24]), потеряли уже всякое научное значеніе. Новѣйшія попытки [25]) еще недостаточно усвоили ре-

---

[18]) См. «Новая Наука» въ «Знаніи» 1872 г., № 6, и «Развитіе ученія о миѳическихъ вѣрованіяхъ» въ «Современномъ Обозрѣніи» 1868.

[19]) *L. Feuerbach:* «Das Wesen des Christenthum» (1841; «Das Wesen der Religion» (1845) и др.

[20]) См. прим. 12.

[21]) *J. Grimm*: «Deutsche Mythologie» (1835).

[22]) *Ad. Kuhn:* «Die Herabkunft des Feuers» (1859).

[23]) *Max Müller*: «Lectures on the science of Religion» въ «Frazer's Magazine»; его же «Essais de mythologie comparée (trad. 1859).

[24]) Напр., лекціи Гегеля, изданные Маргейнеке 1852 г.; *Fr. Creuzer:* «Symbolik und Mythologie der alten Völker» (1810—1843); во французской передѣлкѣ *Guignaut*: «Les religions de l'antiquité» (1825—1827) и др.

[25]) Напр. *E. Burnouf:* «La science des religions» (1872); *O. Pfleiderer* «Das Wesen der Religion» (1869); *Scherr*: «Geschichte der Religion» (1860).

зультаты современной критики. Надо обращаться къ монографіямъ Тэйлора [26]), Лэббока [27]), Каспари [28]) для антропологической религіозной мысли, къ спеціальнымъ трудамъ Мори [29]), Петермана [30]) для греческаго періода, къ многотомнымъ и все-таки неисчерпывающимъ предмета монографическимъ и болѣе общимъ трудамъ Баура [31]) для христіанства. Тоже можно сказать о другихъ религіяхъ, изъ которыхъ иныя даже вовсе не представляютъ основнаго спеціальнаго труда для оцѣнки ихъ историческаго значенія и развитія, а требуютъ сравнительнаго изученія нѣсколькихъ работъ, составленныхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, и которыя, оставаясь недостаточными, могутъ въ извѣстной степени дополнить одна другую.

Исторія критической и спеціально-научной мысли получила, собственно, тоже свой опредѣленный характеръ лишь въ наше время. Авторы, поставившіе себѣ въ этомъ отношеніи болѣе широкія задачи, именно прослѣдить всѣ формы проявленій критической, въ особенности же отрицательной мысли, большею частью связывали самымъ тѣснымъ образомъ этотъ процессъ съ развитіемъ опредѣленныхъ философскихъ воззрѣній, напримѣръ, раціонализма и матеріализма, какъ сдѣлали это въ послѣднее время Лекки [32]) и Лангэ [33]), и давали мало мѣста чисто-научному построенію. Первыя серьезныя попытки исторіи спеціальныхъ наукъ восходятъ къ XVIII-му вѣку; но лишь Ог. Контъ поставилъ надлежащимъ образомъ задачу исторіи науки. Онъ писалъ въ 1830 г. [34]): «Мы, конечно, совершенно увѣрены, что значеніе исторіи наукъ въ высшей степени важно.... Поэтому мы разсмотримъ съ большимъ вниманіемъ дѣйствительную исторію основныхъ наукъ, которыя составятъ

Baltzer: «Allgemeine Religionsgeschichte» (1854) и др. Мнѣ не случалось видѣть *Baring Gould:* «The origin and the developement of religions belief» (1870).

[26]) *E. B. Tylor:* «Primitive culture» (1871).

[27]) *J. Lubbock:* «The origin of civilisation» (1870).

[28]) *O. Caspari:* «Die Urgeschichte der Menschheit» (1873).

[29]) *Alfr. Maury:* «Hist. des religions de la Grèce antique» (1857—59).

[30]) *Petermann:* «Griechenland, Religion» въ «Allgem. Encykl. v. *Ersch u. Gruber*» Отд. I, т. 82.

[31]) *F. C. Baur:* «Paulus» (1845); «Die Christliche Lehre v. der Versöhnung» (1838); «D. Christliche Lehre von der Dreieinigkeit» etc. (1841—43); «Gesch. d. christlichen Kirche» (1855—1863).

[32]) *W. Edw. Hartp. Lecky:* «History of the rise and influency spirit of rationalism in Europe» (1 изд. 1865, 3 изд. 1866).

[33]) *F. A. Lange:* «Geschichte d. Materialismus» (1866); 2 изд. I (1873).

[34]) «Cours de phil. positive» (1864), I, 65.

предметъ нашего обсужденія; но мы это сдѣлаемъ лишь въ послѣдней части этого курса..... разбирая общее развитіе человѣчества, развитіе, въ которомъ исторія наукъ составляетъ самую важную часть, хотя всего болѣе пренебреженную». Въ 1832 году онъ предложилъ Гизо, тогда министру общественнаго обученія, основать во французской коллегіи каѳедру общей исторіи наукъ физическихъ и математическихъ, высказывая въ своей запискѣ отъ 29-го октября, что, при современномъ состояніи мысли, «наука человѣческая, въ ея положительныхъ элементахъ, можетъ быть разсматриваема какъ единая, и, слѣдовательно, исторія ея можетъ быть понята». Далѣе Контъ говорилъ: «Чтобы надлежащимъ образомъ соотвѣтствовать своему назначенію и принести пользу, которую онъ способенъ принести, подобный курсъ долженъ по необходимости обнимать совокупность всѣхъ основныхъ наукъ, такъ какъ въ сущности математика, астрономія, физика, химія и науки физіологическія развились всѣ вмѣстѣ и подъ взаимнымъ вліяніемъ; поэтому невозможно излагать настоящую исторію, то есть доказать настоящую филіацію ихъ успѣховъ, наблюдая исключительно нѣкоторую часть ихъ». [35]) Программы Конта еще не выполнилъ собственно никто, но, около того времени, какъ онъ ее устанавливалъ, появились двѣ самыя обширныя, хотя все-таки неполныя попытки исторіи научной мысли. Это были лекціи Кювье [36]) и исторія индуктивныхъ наукъ Уэвеля [37]). Обѣ не заключали исторіи математическихъ наукъ; кромѣ того, первая не была просмотрѣна авторомъ, послѣдняя же давала исторію наукъ въ отдѣльности, а не въ связи научной мысли. Другіе труды по этой части или остались неоконченными [38]), или представляютъ лишь весьма краткій очеркъ предмета, и почти ни одинъ не обнимаетъ предмета во всей его широтѣ. Упомянемъ для примѣра очерки Гумбольдта [39]) и Пауэля [40]). Въ послѣдніе годы въ Мюнхенѣ издается рядъ трудовъ подъ общимъ названіемъ «Исторіи наукъ въ Германіи» [41]), и это изда-

[35]) См. у *Littré:* «Auguste Comte et la philosophie positive» (1863).

[36]) *G. Cuvier:* «Histoire des sciences naturelles» (ed. Madeleine de Saint-Agy, 1841 и сл.).

[37]) *W. Whewell:* «Hist. of the inductives sciences» (1 изд. 1837; 3 изд. 1857); «Hist. of scientific ideas» (1 изд. 1840; 3 изд. 1858).

[38]) «Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ» въ Морск. Сб.» и въ «Артиллерійскомъ Журналѣ» (1865—66).

[39]) *Al. v. Humboldt:* «Cosmos». II (1846).

[40]) *Baden Powell:* «An historical review of the progress of the physical and mathematical sciences» (1834) (Lardner's Cabinet Cyclopaedia).

[41]) «Geschichte der Wissenschaften in Deutschland» (1864 и слѣд.) Neuere Zeit. Изданы: *Блунчли:* Госуд. науки; *Кэбель:* Минералогія; *Фрааст:* Сельск. хоз. и лѣсоводство; *Пэшель:* Землевѣдѣніе; *Рюккертъ:* Герм. фи-

ніе имѣетъ, безспорно, большую важность, но оно, съ одной стороны, страдаетъ въ самой своей основѣ нелѣпою мыслію выдѣлить развитіе наукъ въ одной странѣ изъ общаго ихъ развитія, и эта мысль въ исполненіи оказалась столь непрактичною, что многіе участники изданія отъ нея отступили; съ другой же стороны, это—вовсе не исторія наукъ въ ихъ цѣлости, задуманная для указанія развитія научной мысли и перехода ея изъ одной области въ другую, но сборникъ спеціальныхъ исторій по отдѣльнымъ отраслямъ, исторій, писанныхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и вполнѣ независимыхъ по плану. Для частнаго періода къ этому ряду трудовъ въ извѣстной степени примыкаютъ два французскія изданія, появившіяся при первой и при второй французской имперіи и цѣль которыхъ лежала внѣ области науки, такъ какъ они имѣли въ виду доказать благодѣтельное вліяніе императорскаго правленія на науку, какъ и на все прочее [42]).

Далѣе мы имѣемъ уже совершенно спеціальные труды по исторіи отдѣльныхъ наукъ (куда относятся, какъ сейчасъ сказано, и отдѣльные томы только что упомянутыхъ изданій), и тутъ нѣкоторыя работы представляютъ самый превосходный матеріалъ, обработанный крайне тщательно вполнѣ ученымъ образомъ. Я, конечно, не имѣю въ виду перечислить здѣсь обширную литературу сюда относящуюся и которой я особенно обязанъ, такъ какъ критикѣ весьма многихъ авторовъ этой группы можно было безусловно довѣриться, но нельзя не сказать, что достоинство произведеній, сюда относящихся, весьма различно, и многія изъ нихъ, имѣющія много достоинствъ въ одномъ отношеніи, страдаютъ немалыми недостатками [43]). Я особенно обратилъ вниманіе на эту сторону развитія мысли не только потому, что это соотвѣтствовало по-

---

логія; *Бенфей*: Сравн. и восточн. филологія; *Карусъ*: Зоологія; *Копп*: Химія (не все); *Целлеръ*: Философія; *Лотце*: Эстетика и два тома по католич. и протест. богословію.

[42]) Къ ряду изданій первой имперіи принадлежатъ между прочимъ извѣстныя: *G. Cuvier*: «Hist. des progrès des sciences naturelles depuis 1789»; Рядъ изданій второй имперіи, предполагавшійся къ выставкѣ 1867 г., но не конченный до паденія имперіи, носитъ общее названіе: «Recueil des rapports sur les progrès des lettres et des sciences en France». Изъ входящихъ въ его составъ изданныхъ томовъ упомянемъ: *Бертранъ*: Чист. Математика; *Шаль*: Геометрія; *Делонэ*: Астрономія; *Бертэнъ*: Термодинамика; *д'Аршіякъ*: Палеонтологія; *Мильнъ-Эдвардсъ*: Зоологія; *Дюшартръ* и *Броньяръ*: Ботаника; *Клодъ Бернаръ*: Общая физіологія; *Катрфажъ*: Антропологія; *Альфрэдъ Мори*: Археологія; *Равессонъ*: Философія и др.

[43]) См. нѣкоторыя указанія въ статьѣ: «Роль науки въ періодъ возрожденія и реформаціи» въ «Отеч. Зап.» т. CLXXX, стр. 664.

ставленной здѣсь программѣ, но еще потому, что на эту сторону, какъ сказано выше, обращено недостаточно вниманія общими историками цивилизаціи или ея отраслей.

Въ трудѣ, имѣющемъ преимущественно объединяющій характеръ, нельзя, конечно, не придать большаго значенія объединяющей мысли. Если мнѣніе Ог. Конта, приведенное въ предыдущемъ параграфѣ, о значеніи исторіи философіи для исторіи въ цѣлости ея развитія, не особенно вяжется съ его основными законами исторіи, то оно не менѣе вѣрно. Исторіи философіи нельзя не дать виднаго мѣста въ исторіи цивилизаціи; но для настоящаго труда, конечно, явленія въ развитіи философіи важны не по тонкости и остроумію метафизическаго творчества, не по стройности и пропорціональности частей системы, а по научному и жизненному содержанію, входящему въ систему, и по объединяющей силѣ основнаго принципа, совершенно независимо отъ того, была ли выработана вполнѣ стройная, цѣльная связующая система на этомъ принципѣ, или онъ присутствовалъ лишь въ обществѣ какъ объединяющее начало литературныхъ явленій, историческихъ событій и частной жизни, именно того, что названо выше (§ 1) общественною философіею. Становясь на эту точку зрѣнія, мнѣ приходится сказать, что и въ наличной литературѣ исторіи философіи,—которая, сравнительно, гораздо богаче, обработаннѣе и цѣльнѣе исторической литературы прочихъ отраслей исторіи мысли—мы не имѣемъ ни одного произведенія, вполнѣ удовлетворяющаго поставленной задачѣ. Наибольшая часть трудовъ здѣсь представляетъ не исторію философской мысли,—тѣмъ менѣе вообще исторію объединяющей мысли,—а изложеніе филіаціи философскихъ системъ. Для безусловной оцѣнки этихъ системъ и ихъ филіацій литература исторіи философіи весьма богата. Въ этомъ отношеніи даже идеалистическія школы начала вѣка оставили произведенія, заслуживающія полнаго вниманія, хотя ихъ догматическая литература потеряла почти всякое непосредственное значеніе для современности [44]). Нѣсколько хорошихъ трудовъ, хотя болѣе частныхъ, дала и школа французскихъ эклектиковъ, внѣ этой стороны и не имѣвшая никогда иного значенія въ развитіи философской мысли [45]). Для ближайшаго къ намъ времени можно назвать весьма замѣчательный сжатый

[44]) Для трудовъ по исторіи философіи, вышедшихъ изъ разныхъ школъ нѣмецкихъ идеалистовъ, начиная съ Тидемана (1791—97) до втораго изданія гегелиста Эрдмана (1869—70) см. у *Ueberweg:* «Grundr. d. Geschichte der Philosophie» I (4 изд. 1871); стр. 7—11; ср. также III (3 изд. 1872) стр. 154.

[45]) Главные труды французской школы эклектиковъ по исторіи философ-

очеркъ Ибервега [46]), болѣе второстепенные, но все-таки стоящіе вниманія труды Льюиса [47]) и Дюринга [48]); очень важный спеціальный трудъ Лангэ [49]), а для частныхъ большихъ періодовъ, между прочимъ, первостепенные работы Целлера [50]), Брандиса [51]) и весьма стоящія вниманія обработки Куно Фишера [52]), Целлера [53]). Все это матеріалъ весьма важный, которымъ я могъ во многихъ случаяхъ пользоваться, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можно найти въ немъ указаніе связи развивающихся философскихъ системъ съ вопросами науки и жизни, ихъ вызвавшими, вліявшими на ихъ развитіе и способствовавшими весьма часто ихъ паденію.

Что касается исторіи практической мысли, то литература къ ней относящаяся страдаетъ раздѣленіемъ элементовъ въ нее входящихъ и отнесенныхъ большею частію авторами къ совершенно разнымъ областямъ, не только не связаннымъ между собою, но разработываемымъ обыкновенно съ точекъ зрѣнія совершенно различныхъ. Практическая философія, законодательство, государственныя формы, экономическая борьба, нравы—разсматриваются большею частью въ сочиненіяхъ, имѣющихъ между собою весьма мало общаго, тогда какъ во всѣхъ этихъ рубрикахъ мы имѣемъ лишь явленія практической мысли, подчиняющейся рутинѣ или приспособляющейся къ средѣ, или переработывающей эту среду сообразно своему идеалу. Лишь въ единствѣ этихъ отраслей можно прослѣдить ходъ практической мысли, и едва ли односторонности литературы сюда относящейся не должно приписать полный недостатокъ

фіи см. у *Felix Ravaisson*: «La philosophie en France au XIX siécle» (1868) стр. 18. Трудъ этотъ входитъ въ рядъ «Recueil des rapports» etc., о которомъ сказано въ прим. 42.

[46]) *Fr. Ueberweg*: «Grundriss d. Geschichte d. Philosophie» (1 изд. 1862—66; I, 4-ое изд. 1871; II, 3 изд. 1868; III, 3-е изд. 1872). Ибервегъ умеръ въ 1871 г.

[47]) *G. H. Lewes:* «A biographical history of philosophy» (1 изд. 1845); она же: «The history of philosophy» (4 изд. 1871).

[48]) *E. Dühring:* «Kritische Gesch. d. Philosophie» (1 изд. 1869; 2 изд. 1873).

[49]) См. прим. 33.

[50]) *Ed. Zeller:* «D. Philosophie d. Griechen» (1 изд. 1844—52, 2 изд. 1856—68; 3 изд. 1869 и сл.).

[51]) *Chr. Aug. Brandis:* «Handbuch d. Gesch. d. Griech. Röm. Philos.» (1835—60); «Gesch. der Entwicklung d. griech. Philos» (1862—64).

[52]) *Kuno Fischer*: «Gesch. d. neuern Philosophie (1 изд. 1854 и слѣд.; 2 изд. 1865 и сл.); еще продолжается.

[53]) *Ed. Zeller:* «Gesch. der deutschen Philosophie seit Leibnitz» (1873).

даже спеціальныхъ трудовъ съ болѣе обширною задачею, которые можно было бы поставить рядомъ съ первостепенными трудами въ другихъ разсмотрѣнныхъ уже областяхъ. Для практической философіи наиболѣе новые труды Фихте младшаго [54]), Фэйерлейна [55]), Форлендэра [56]) Жанэ [57]), Лекки [58]), при различіи ихъ достоинства, могутъ быть хорошимъ матеріаломъ лишь въ весьма ограниченной степени. Какъ слаба была литература исторіи государствовѣдѣнія до 1855 г., можно видѣть изъ книги Моля [59]), которая сама, при всѣхъ ея достоинствахъ, уже по самому своему плану лишь въ малой степени пополнила недостатокъ, указанный ея авторомъ. Трудъ Блюнчли [60]), принадлежащій къ мюнхенскому изданію исторій наукъ, страдаетъ уже тѣмъ, что исключительно ограничивается Германіею, да и вообще не принадлежитъ къ лучшимъ даже въ изданіи, часть котораго онъ составляетъ. Современное непрочное положеніе политической экономіи, съ ея множествомъ противорѣчащихъ партій, не могло не отразиться на слабости историческихъ трудовъ по этой области: ни Бланки [61]), ни Біанкини [62]), ни новѣйшій Дюрингъ [63]) не дали еще—да и не могли дать—удовлетворительнаго историческаго очерка экономическихъ идей, какъ въ ихъ фильяціи, такъ и въ ихъ зависимости отъ среды и особенно въ ихъ отношеніи къ основнымъ общественнымъ потребностямъ человѣка. Во всѣхъ предыдущихъ областяхъ общіе, объединяющіе труды далеко не удовлетворительны и приходится обращаться къ монографіямъ, разсматривающимъ отдѣльные моменты историческаго развитія или отдѣльные

---

[54]) *Imm. Hermann Fichte*: «System der Ethik» (1850—53); «Die philosophishen Lehren von Recht, Staat und Sitte».

[55]) *Em. Feuerlein*: «D. philosophische Sittenlehre» etc. (1857 — 59): «D. Sittenlehre des Christenthums» etc. (1855).

[56]) *F. Vorländer*: «Gesch. d. philosophischen Moral.-Rechts-und Staatslehre der Engländer und Franzosen» (1855).

[57]) *P. Janet:* «Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale» (2 ed. 1872).

[58]) *W. Edw. Hartpole Lecky:* «Hist. of the european morals» etc (1869).

[59]) *R. v. Mohl:* «D. Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften» I (1855), 59—63.

[60]) *J. C. Bluntschli*: «Gesch. d. allgemeinen Staatsrechts und der Politik seit dem XVI-en Jahrhundert» (1864).

[61]) *A. Blanqui:* «Hist. de l'economie politique en Europe» (1837; 3-e изд. 1845).

[62]) *L. Bianchini:* «Della scienza del ben vivere sociale e della economia degli stati» I (1840).

[63]) *E. Dühring*: «Kritische Gesch. der Nationaloekonomie und des Socialismus» (1871).

вопросы предмета. Въ этихъ монографіяхъ, въ исторіи отдѣльныхъ общественныхъ сословій, въ теоретическихъ трудахъ, опирающихся на факты исторіи [64]), можно найти богатый матеріалъ для исторіи практической мысли, но матеріалъ разбросанный, а не объединяющій.

Послѣдній разрядъ спеціальныхъ сочиненій, о которомъ приходится здѣсь говорить, какъ о матеріалѣ исторіи мысли, состоитъ изъ исторіи искусства, нравовъ, обычаевъ, литературы, изъ прямого разсказа о событіяхъ и изъ біографій, такъ какъ, по сказанному выше, всѣ эти явленія могутъ служить иллюстраціею развитія мысли и ея метаморфозъ. Но авторы, сюда относящіеся, имѣли, вообще, такъ мало въ виду исторію мысли и отраженіе мысли въ явленіяхъ ими описываемыхъ, что ничего цѣльнаго и надлежащимъ образомъ подготовленнаго нельзя здѣсь и ожидать. Въ послѣднее время для искусства упомянутый уже Карьеръ пробовалъ [65]) дать трудъ, подходящій къ задачѣ, которая здѣсь указана, но недостатокъ реалистическаго воззрѣнія мѣшалъ этому автору всегда выполнить надлежащимъ образомъ задачу, имъ же самимъ поставленную. Болѣе сдѣлано для исторіи литературы нѣкоторыхъ періодовъ, и труды Бернгарда [66]), Тэна [67]), Гэтнера [68]) и друг. доставляютъ хорошій подготовленный матеріалъ, на сколько личные взгляды автоа ровъ позволили имъ правильно отнестись къ своему предмету. Но все-таки, во всей этой обширной области, матеріалъ представляется крайне разбросаннымъ.

Считаю нужнымъ подробнѣе остановиться на одномъ вопросѣ, сюдо относящемся, потому что онъ въ послѣдній періодъ исторической разработки вообще представляется вопросомъ спорнымъ, и можетъ казаться еще болѣе спорнымъ въ исторіи области, столь отвлеченной, повидимому, какъ область мысли. Я говорю о біографическомъ элементѣ въ исторіи мысли и вообще о той роли, которую слѣдуетъ придать личностямъ въ общемъ историческомъ развитіи человѣчества.

---

[64]) Наприм. труды *Georg. Ludw. v. Maurer*: «Einleitung in die Gesch. d. Mark-Hof-Dorf-u. Stadts-Uerfassung in Deutschland» (1854); «Gesch. d. Markverfassung in Deutschland» (1856); «Gesch. der Städteverfassung» и др.; въ нѣкоторой степени *E. Levasseur*: «Hist. des classes ouvrières en France» (1859; продолж. 1867); *Eug. Bonnemère:* «Hist. des paysans» (1856); также весьма важные труды въ родѣ *K. Marx*: «Das Kapital» (2 изд. 1872—73); *Max Wirth:* «Gesch. d. Handelskrisen» (1858; 2 изд. 1874), и др. под.

[65]) См. прим. 8.

[66]) *G. Bernhardy:* «Grundriss d. griech. Litteratur» (3 Bearb. 1861); «Grundriss d. röm. Litteratur» (4 Ausg. 1865).

[67]) *Hipp. Ad. Taine*: «Hist. de la litterature anglaise» (1864).

[68]) *Herm. Hettner:* «Litteraturgesch. d. XVIII-ten Jahrh.» (1864—70).

Роль личностей въ исторіи человѣчества оцѣнивалась весьма различно. Если въ младенчествѣ исторіи этой роли придавали слишкомъ большое значеніе, то впослѣдствіи, прямо наоборотъ, стали слишкомъ отрицать личный элементъ въ исторіи. Вмѣсто преобразователей, создателей государствъ, создателей законовъ, создателей культуры, въ исторіи воцарился безличный законъ событій, неизбѣжная сила идей, двигающая массы. Личностямъ отмежевано лишь скромное мѣсто глашатаевъ того, что развилось внутри общества, болѣе или менѣе полныхъ представителей жизни идей. Но при всякомъ подобномъ противоположеніи двухъ принциповъ, почти неизмѣнно повторяется законъ Гегеля: умъ человѣческій, схвативъ одну сторону предмета, непосредственно вѣрную, замѣчаетъ ея неполноту, разрушаетъ ее, противополагая ей то начало, которое въ ней не было взято въ разсмотрѣніе, и затѣмъ переходитъ къ болѣе полному воззрѣнію, гдѣ удержана вся непосредственная вѣрность перваго начала, но дополненная усвоеннымъ противоположеніемъ. *Воспринятое* отдѣльное явленіе сдѣлалось явленіемъ *понятымъ* въ его отдѣльности, именно потому, что оно временно разсматривалось, какъ эфемерная случайность закона, въ которомъ исчезла всякая отдѣльность явленій.

Съ личнымъ элементомъ исторіи повторяется тоже самое. Безспорно, что реальны въ исторіи лишь личности; лишь онѣ желаютъ, стремятся, обдумываютъ, дѣйствуютъ, *совершаютъ* исторію. Это—первобытное воспріятіе, само собою бросающееся въ глаза, и по тому самому первое доступное хроникеру, писателю мемуаровъ, точно также какъ оно первое доступно изъ исторіи ребенку. Біографическій элементъ въ преподаваніи исторіи есть могущественнѣйшее орудіе педагога, точно также какъ сильнѣйшее побужденіе для хроникера перейти отъ безсмысленной записи событій къ ихъ оживленію. Но едва ли не столь же очевидно для мыслящаго историка, что, начиная съ мелкихъ до важныхъ человѣческихъ мыслей и дѣйствій, все въ личности есть неизбѣжное слѣдствіе предшествующихъ причинъ. Неизбѣжные законы физики, химіи, физіологіи и психологіи господствуютъ надъ человѣкомъ въ каждое мгновеніе его бытія. Климатическія данныя, преемство расы, культурныя привычки общества, его окружающаго, преданія и вѣрованія, передаваемыя ему съ дѣтства, составляютъ неотвратимую обстановку, проникающую своимъ вліяніемъ во всѣ поры человѣка, обусловливающую всякое его физическое и нравственное движеніе. Наконецъ, вѣчная борьба теоретическихъ и практическихъ міросозерцаній, кипящая въ обществѣ, вѣчное столкновеніе экономическихъ интересовъ бросаетъ развивающагося человѣка въ ряды той или другой партіи, возбуждаетъ въ немъ

самостоятельную личность, опредѣляетъ размѣръ его знаній, твердость его убѣжденій, энергію его характера, округляетъ его міросозерцаніе и обособляетъ его жизнь въ жизни его современниковъ. Наука исторіи начинается лишь съ усвоенія этого подчиненія личности общимъ законамъ личной и общественной жизни. Историкъ, для котораго оно не вошло въ плоть и кровь, можетъ быть весьма интереснымъ разсказчикомъ, весьма полезнымъ критикомъ отдѣльныхъ фактовъ, сочиненій, памятниковъ; но онъ столь же мало заслуживаетъ названіе *ученаго историка*, какъ туристъ, описывающій иногда весьма метко природу страны, но не знающій законовъ физики и физіологіи, мало заслуживаетъ названіе ученаго ботаника, зоолога, климатолога. Неизмѣнность закона въ разнообразіи явленій, неизбѣжность факта, какъ слѣдствія предшествующихъ причинъ, слѣдовательно исчезаніе самостоятельности причинъ и слѣдствій, это — первое слово науки во всѣхъ ея сферахъ, въ исторіи, какъ въ химіи.

Но одно дѣло—твердое убѣжденіе въ неизмѣнности дѣйствующихъ законовъ и въ непрерывной связи причинъ и слѣдствій, охватывающихъ все сущее, и совсѣмъ иное—познаніе всѣхъ законовъ природы, всѣхъ цѣлей, причинъ и слѣдствій и возможность вовести всѣ частности даннаго явленія къ опредѣленной совокупности законовъ, къ опредѣленнымъ причинамъ. Первое есть необходимое условіе науки, второе — ея весьма отдаленная отъ исполненія desiderata. Безъ перваго условія всякое явленіе для насъ только любопытно, и мы не умѣемъ приступить къ его изученію, потому что совсѣмъ не знаемъ, что именно надо изучить. Но сущность научнаго изслѣдованія заключается именно въ разборѣ индивидуальнаго явленія, съ помощью извѣстныхъ общихъ законовъ и причинныхъ связей, для открытія въ индивидуальномъ явленіи новыхъ законовъ и новыхъ причинныхъ связей.

Біографіи отдѣльныхъ лицъ не имѣютъ вовсе научнаго значенія, если біографъ не усвоилъ и не хочетъ знать неизбѣжнаго обусловленія личностей общими законами физики и вліяніемъ среды. Но біографъ, мечтающій, что онъ можетъ всѣ факты жизни изучаемой личности свести на *извѣстныя* общія начала и вліянія, доказываетъ неясное пониманіе средствъ и предѣловъ науки; если же онъ считаетъ въ біографіи важными лишь факты, объясняемые извѣстными общими законами, то онъ отнимаетъ у біографіи всякій научный интересъ, низводя ее на степень иллюстраціи началъ, вовсе не нуждающихся еще въ одномъ подтвержденіи. Но біографическая монографія имѣетъ большое научное значеніе именно въ рукахъ ученаго историка, если

онъ умѣетъ прослѣдить въ жизни личности все то, что можетъ быть выведено, какъ неизбѣжный результатъ общихъ физіологическихъ, психологическихъ, экономическихъ законовъ, дѣйствующихъ при данной обстановкѣ расы, культуры, идей, и затѣмъ съ любовью изучаетъ все обособляющее данную личность, принадлежащее ей настолько, что другія лица, поставленныя, повидимому, въ подобныя или почти подобныя обстоятельства, вышли иными и въ своихъ чувствахъ, и въ своихъ мысляхъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ. Успѣхъ всѣхъ антропологическихъ наукъ зависитъ именно отъ тщательнаго изученія всего, обособляющаго личности, но и успѣхъ исторіи зависитъ отъ того же, такъ какъ въ каждую эпоху развитіе историческаго пониманія заключается именно въ томъ, чтобы ясно сознать, на сколько изслѣдованія позволяютъ подвести событія исторіи подъ общіе законы, и что осталось въ теченіе событій на долю дѣятельности конкретныхъ личностей, не разрѣшенной въ общій законъ.

Такимъ образомъ монографическая обработка біографій вліятельныхъ личностей можетъ представить весьма большой научный интересъ. Но затѣмъ представляется дальнѣйшій вопросъ о біографическомъ элементѣ въ общихъ исторіяхъ эпохи, народа или человѣчества, или въ спеціальныхъ исторіяхъ той или другой отрасли общественной физики. Во всѣхъ этихъ сферахъ историческія событія *сами собою* не происходятъ. Что ни писали бы о «духѣ времени», о неизбѣжномъ теченіи событій, увлекающемъ личностей, но, въ концѣ концовъ, все-таки дѣлаютъ исторію *личности*, духъ времени составляется изъ настроенія мысли *личностей*; потокъ событій, увлекающій однихъ, образуется другими, опять-таки *личностями*. Отсюда біографическій элементъ, совершенно неизбѣжно проникающій во всеобщую исторію и образующій ея реальную основу, такъ что исторія народовъ, исторія государствъ, исторія культуры, исторія мысли, исторія науки представляютъ лишь идеальныя обобщенія событій, принадлежащихъ съ реальной точки зрѣнія къ области разныхъ біографій. Соединеніе въ надлежащей мѣрѣ обоихъ элементовъ исторіи: идеально-обобщающаго и реально-біографическаго, составляютъ до сихъ поръ одну изъ труднѣйшихъ задачъ для историка, желающаго *понять* какую либо эпоху жизни человѣчества въ истинномъ ея значеніи и *возсоздать* ее во всей ея жизненности.

Увлекаясь страданіями и борьбою личностей, ихъ пестрыми судьбами, историкъ весьма легко можетъ потерять изъ виду истинный смыслъ событій въ ихъ отношеніи къ прошедшему и будущему, въ ихъ самыхъ глубокихъ элементахъ, безсознательно вызывающихъ личности къ той или другой дѣятельности. Въ этомъ случаѣ историкъ

воспроизведетъ предъ глазами читателя волненія партій и ихъ измѣнчивую судьбу, укажетъ, какъ личности данной эпохи *сами* понимали окружающія ихъ событія, свою дѣятельность и свои стремленія. Но почему могла въ эту эпоху образоваться и усилиться партія, которая въ другую эпоху не имѣла вліянія? Почему энергическія личности въ одномъ случаѣ боролись съ успѣхомъ, въ другомъ остались лишь героическими представителями невозможныхъ стремленій, а въ третьемъ едва оставили слѣдъ своей дѣятельности? Что скрывалось въ разныя эпохи подъ тѣми же словами, шло за тѣми же знаменами? На всѣ эти вопросы современники могутъ отвѣтить лишь въ самыхъ рѣдкихъ исключительныхъ обстоятельствахъ; этого имъ не видно: только потомокъ, сближая множество свидѣтельствъ, на основаніи историческаго опыта разгадываетъ подъ сознаннымъ, драматическимъ слоемъ исторіи, другой, безсознательный ея слой, въ которомъ заключается центръ рефлексовъ жизни обществъ. Если историкъ ограничится изображеніемъ видящаго глаза, слышащаго уха, сокращенныхъ мышцъ, бьющагося сердца, воспаленной кожи, онъ еще сдѣлалъ только часть своего дѣла. Если онъ прослѣдилъ пути нервовъ общества, и этого еще недовольно. Первое сознаетъ и профанъ. Второе — задача анатома. Физіологъ идетъ далѣе съ своемъ изученіи. Онъ изучаетъ нервные центры въ ихъ отправленіяхъ, въ томъ, чего не видитъ и самъ человѣкъ, сознающій свои страданія и свою волю, въ томъ, чего не вѣдаетъ и анатомъ, разсѣкающій трупъ. Понять эпоху можно лишь тогда, когда подъ картиною ея жизни мы угадываемъ безсознательные процессы, служащіе основаніемъ этой картинѣ.

Но, съ другой стороны, и въ томъ случаѣ, если мы станемъ смотрѣть на исторію *только* какъ на результатъ рефлексовъ, совершающихся въ обществѣ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ дѣятелей, мы получимъ лишь схему исторіи, рядъ формулъ, которыя не заключаютъ именно того, что составляетъ особенность всего человѣческаго. Въ нихъ мы не видимъ, какъ люди страдали и боролись, стремились къ лучшему и сознавали себя борцами за лучшее. Какъ бы мы ни смотрѣли на человѣка, съ точки зрѣнія матеріалистовъ или спиритуалистовъ, сознаніе своихъ стремленій, увлеченіе своими цѣлями и страданіе въ случаѣ ихъ недостиженія остаются безспорными фактами антропологіи. Ихъ выкинуть нельзя, будемъ ли мы признавать ихъ призраками, или припишемъ имъ существенное значеніе. Поэтому исторія, лишенная сознательнаго элемента, не исполняетъ своей задачи. Зная какія безсознательныя, неизмѣнныя начала присутствуютъ въ жизни общества, исторія мысли хочетъ еще знать на сколько и какимъ образомъ эти начала

переходятъ въ сознаніе личностей, и какіе результаты получаются отъ встрѣчи этихъ лучей, преломленныхъ въ столькихъ человѣческихъ призмахъ. Лишь изучая это, мы изучаемъ *жизнь* общества, и знать эту жизнь мы можемъ лишь вглядываясь въ біографіи личностей, составляющихъ общество. Возсоздать жизнь, возсоздать реальную мысль эпохи можно лишь при пособіи біографическаго элемента.

Возвращаюсь къ разсмотрѣнію матеріаловъ исторіи мысли. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что ее приходится преимущественно разработывать на основаніи монографій по разнымъ частнымъ вопросамъ исторіи отдѣльныхъ областей мысли и культуры, обращаясь въ особенно важныхъ пунктахъ къ первоначальнымъ источникамъ и пользуясь съ осторожностью существующими объединяющими трудами. Я такимъ образомъ и имѣю въ виду поступать и читатель можетъ видѣть теперь, что именно онъ можетъ надѣяться найти въ настоящемъ трудѣ. Имѣется въ виду не компиляція готовыхъ уже обобщеній и не построеніе исторіи мысли прямо на первоначальныхъ источникахъ (трудъ невозможный), но объединеніе многочисленныхъ болѣе или менѣе монографическихъ трудовъ помощью опредѣленно поставленныхъ руководящихъ принциповъ съ обращеніемъ *на сколько возможно* къ важнѣйшимъ первоначальнымъ источникамъ.

До сихъ поръ я говорилъ о періодахъ собственно историческихъ. Само собою разумѣется, что періодъ подготовленія человѣка, періодъ инстинктивной и антропологической религіозной мысли должны быть и будутъ разработаны на основаніи литературы спеціальныхъ областей естествознанія, антропологіи и этнологіи, сюда относящихся.

Мнѣ остается прибавить нѣсколько словъ объ особенности этого труда, уже не выходящей ни изъ сущности дѣла, ни изъ программы, мною ему поставленной, но изъ того случайнаго обстоятельства, что настоящій опытъ исторіи мысли пишется по русски, что славянскіе народы всего менѣе обращали на себя вниманіе историковъ Европы и что, по моему глубокому убѣжденію, ихъ роль въ исторіи мысли, какъ и въ исторіи вообще, не только не понята, но какъ бы нарочно искажена и ихъ врагами и ихъ друзьями [69]). Я имѣю въ виду останавливаться съ большею сравнительно подробностью на участіи славянъ и въ особенности русскихъ въ исторіи мысли и полагаю, что мои читатели не будутъ за это недовольны мною.

Предпринимая этотъ трудъ, я знаю, что не могу избѣжать много-

[69]) См. «Философія истор. славянъ» въ «Отеч. Зап.» Т. CXC и CXCI.

численныхъ недостатковъ. Снисхожденія я не прошу, но имѣю право требовать справедливости. Въ области мало разработанной, при задачѣ, поставленной съ нѣсколько иной точки зрѣнія, чѣмъ ставятся обыкновенно подобныя задачи, и трудъ весьма несовершенный можетъ принести пользу, а, слѣдовательно, можетъ имѣть свою заслугу. Если онъ вызоветъ другой лучшій трудъ, который будетъ имѣть слѣдствіемъ его окончательную сдачу въ пыль архивовъ, то онъ сдѣлалъ свое дѣло. Все въ исторіи заключается въ подготовленіи слоя пыли и праха, на которомъ вырабатываются новыя событія, новые труды мысли, новые люди, подготовляющіе собою еще дальнѣйшій слой исторической пыли, историческаго праха... Желательно лишь, чтобы элементы разрушившагося могли войти въ жизнь слѣдующаго воколѣнія не какъ переживающіе элементы застоя и реакціи, но какъ элементы *возможнаго* прогрессивнаго развитія. Все остальное: недостатки, разрушеніе, забвеніе— представляетъ историческую неизбѣжность. Продолжается лишь процессъ работы мысли—пока живетъ человѣчество; продолжается процессъ жизни— пока существуетъ на землѣ органическій міръ; продолжается движеніе и перераспредѣленіе вещества въ пространствѣ—вѣчно.

КНИГА ВТОРАЯ

ПОДГОТОВЛЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

ГЛАВА I.

Космическая основа исторіи мысли.

§ 1. Данныя астрономіи. Космическіе процессы.

Мысль, развившаяся въ зоологическомъ мірѣ до прогрессивной и критической мысли человѣка, была подготовлена въ органическомъ мірѣ развитіемъ и подготовленіемъ нервной системы. Существа съ нервною системою были подготовлены въ рядѣ живыхъ существъ, развившихся изъ основнаго живаго вещества, не заключавшаго въ себѣ никакихъ обособленныхъ системъ. Все живое на землѣ было подготовлено химическими и механическими перераспредѣленіями, происходившими и обособленной землѣ, вслѣдствіе тѣхъ условій, въ которыхъ находилась эта обособленная единица міроваго вещества, причемъ доля химическихъ и механическихъ перераспредѣленій, здѣсь совершившихся, составляла именно геологическое подготовленіе мысли. Геологическіе процессы этого подготовленія были въ свою очередь подготовлены тѣми космическими процессами, которые распредѣляли и перераспредѣляли вещество въ пространствѣ, разнообразили его частичныя комбинаціи и тѣмъ обусловливали его послѣдующую исторію; причемъ доля этихъ распредѣленій и перераспредѣленій составляла космическое подготовленіе того матеріала, безъ котораго невозможна была бы мысль и ея исторія.

Такимъ образомъ понятіе о космическомъ подготовленіи мысли заключаетъ въ себѣ представленіе о простѣйшихъ элементахъ матеріальнаго міра, доступныхъ человѣческому пониманію; о происхожденіи разнородныхъ комбинацій этихъ элементовъ; о распространеніи тѣхъ комбинацій, которыя составляютъ, насколько намъ извѣстно, основ-

ную матеріальную подкладку мысли; наконецъ о процессѣ обособленія той космической единицы, земли, которая дала матеріальную среду для исторіи мысли.

Простѣйшее понятіе, до котораго можетъ дойти мысль при разсмотрѣніи явленій, есть *движеніе однороднаго вещества* при переходѣ формъ движенія одной въ другую, при перераспредѣленіи неуничтожаемыхъ частицъ вещества. Съ представленіемъ міра, какъ движущейся механической системы, начинается и представленіе наше о всѣхъ процессахъ, совершающихся въ природѣ. Мы не можемъ представить себѣ мгновенія, когда это движеніе могло бы получить начало, внѣ сверхъестественнаго, слѣдовательно не научнаго, источника. Гораздо чаще встрѣчаемъ въ послѣднее время представленіе о необходимости прекращенія всякаго движенія въ мірѣ чрезъ опредѣленный промежутокъ времени, слѣдовательно о наступленіи мгновенія, когда міръ, какъ движущаяся система, перестанетъ существовать. Но это представленіе заключаетъ въ себѣ невысказанное предположеніе, что движеніе въ мірѣ имѣло начало [1]), предположеніе, которое, какъ сейчасъ было сказано, лежитъ внѣ научнаго пониманія природы. Слѣдовательно, мы не можемъ иначе понимать природу, какъ выходя изъ положенія: вѣчное движеніе

[1]) Этимъ неизбѣжнымъ умозаключеніемъ уже воспользовались хранители догматическаго преданія. Цитировавъ Тиндаля, Фоли въ своемъ чтеніи (*M. F. Folie*: «Du commencement et de la fin du monde d'après la theorie mecanique de la chaleur». Brux. 1873; стр. 31 и слѣд.) говоритъ: «Таковъ фатальный предѣлъ міра; выйдя изъ хаоса, онъ вернется въ хаосъ, съ тою лишь разницею, что онъ не будетъ болѣе одаренъ вращательнымъ движеніемъ, какъ первобытный хаосъ, движеніемъ, позволившимъ ему раздѣлиться на различныя группы притяженія; самое это вращательное движеніе будетъ преобразовано вполнѣ въ теплоту.... И такъ, міръ кончится и не будетъ имѣть возможности возстановиться при пособіи существующихъ естественныхъ силъ». Затѣмъ авторъ немедленно продолжаетъ: «Міръ не только кончится, но онъ имѣлъ начало. Дѣйствительно, еслибы онъ существовалъ съ вѣчности, то онъ долженъ бы былъ и кончиться уже тому вѣчность, такъ какъ стремленіе къ уничтоженію всякой работы и къ окончательному равновѣсію температуры, дѣйствуя впродолженіе вѣчности, должно бы вполнѣ достигнуть цѣли уже вѣчность тому». Продолжая еще далѣе эту аргументацію, авторъ говоритъ наконецъ: «такимъ образомъ сотвореніе міра доказано физически, я уже готовъ былъ сказать—математически». Аргументація вѣрна, но именно потому ненаучность вывода доказываетъ ошибочность исходной точки. Научное основаніе для мысли о неизбѣжномъ переходѣ всего міра въ «мертвое отсутствіе измѣненій (todter Beharrungszustand)» пробовалъ дать преимущественно Клаузіусъ («Ueber den zweiten Hauptsatz der mechanischen Wärmetheorie». 1867).

и вѣчное измѣненіе движущихся формъ господствуетъ въ безконечномъ пространствѣ міра [2]).

Разъ ставъ на эту точку зрѣнія, мы не можемъ уже поставить вопроса: откуда движеніе? откуда вещество? Эти вопросы не научны, потому что, по законамъ нашего мышленія, мы не имѣемъ понятія болѣе простаго, чѣмъ понятія вещества и движенія, и самая мысль о ихъ генезисѣ составляетъ логическое противорѣчіе. Въ исторіи мысли намъ придется указать, какъ рождались вопросы о происхожденіи и сущности вещества, о началѣ и сущности движенія, и какъ мучилась человѣческая фантазія надъ разрѣшеніемъ иллюзій, ею самою созданныхъ, пока критическая мысль дошла до сознанія, что сами эти вопросы суть плоды безсознательнаго творчества. Изложеніе этихъ фазисовъ феноменологіи духа не можетъ имѣть мѣсто здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о реальномъ процессѣ подготовленія человѣческой мысли космическими процессами. Міръ *данъ* для нашей мысли, какъ движущееся вещество, и иначе данъ быть не можетъ. Предметъ нашего настоящаго изслѣдованія заключается и можетъ заключаться лишь въ томъ, какъ космическіе процессы, въ разнородности космическаго вещества и въ его распредѣленіи, дали основной матеріалъ для мысли.

Эмпирически, мы воспринимаемъ міръ въ его разнородности; не только въ разнообразіи формъ, но въ разнородности основныхъ процессовъ, доступныхъ нашему опыту и нашему наблюденію; въ разнородности основныхъ продуктовъ, до которыхъ насъ критически доводятъ комбинаціи этихъ наблюденій и опытовъ. Механическую разнородность вещества мы воспринимаемъ какъ различіе массъ; физическая разнородность его выражается для насъ различіемъ явленій въ немъ наблюдаемыхъ при дѣйствіи одинаковыхъ причинъ; химическая разнородность его для насъ есть различіе его состава, при чемъ элементы, входящіе въ различныя химическія комбинаціи, представляются въ свою очередь физически и механически разнородными. Но эти различныя эмпирическія разнородности мы стараемся, едва ли не неизбѣжно, *объяснить*, т. е. стараемся представить себѣ однородное вещество, которое, вслѣдствіе

---

[2]) Эта мысль такъ часто встрѣчается, что для нея едва ли нужны ссылки на авторовъ. Приведемъ лишь двѣ: «Ничто не покоится въ пространствѣ міра», пишетъ Александръ ф. Гумбольдтъ («Kosmos», III, 36, изд. 1850). «Нѣтъ покоя въ этихъ отдаленныхъ пространствахъ—говоритъ Ричардъ Антони Проктор («The orbs around us», 3 изд. 1872 г. стр. 340) о звѣздныхъ мірахъ,—какъ и вблизи отъ насъ. Непрестанное измѣненіе и безконечное разнообразіе характеризуетъ міръ звѣздъ точно также, какъ знакомую намъ земную сцену».

различія связи между его частицами и вслѣдствіе разнообразной ихъ группировки, лишь *эмпирически* разнородно въ нашемъ воспріятіи.

Разнородность механическая для насъ объяснима, какъ различіе въ близости между однородными частицами вещества; разнородность физическая—какъ различіе въ ихъ распредѣленіи и въ ихъ относительномъ движеніи въ наблюдаемыхъ нами тѣлахъ, причемъ какъ частичное распредѣленіе, такъ и частичныя движенія сами вполнѣ ускользаютъ отъ нашего наблюденія по грубости его орудій; для обѣихъ этихъ разнородностей существующія гипотезы даютъ уже достаточно широкое объясненіе и охватываютъ почти все разнообразіе механическихъ и физическихъ явленій. Предъ химическою разнородностью научныя изслѣдованія еще не настолько сильны: ни одна гипотеза не позволила еще построить различныя тѣла, теперь называемыя простыми, съ ихъ разнообразными механическими и физическими свойствами, изъ гипотетическаго однороднаго вещества, допуская разнообразіе размѣщенія его частицъ и разнообразіе ихъ движеній; это не сдѣлано даже ни для одной частной группы тѣлъ; не существуетъ даже гипотезы, позволяющей предсказать химическое дѣйствіе двухъ такъ называемыхъ простыхъ тѣлъ по ихъ даннымъ физическимъ свойствамъ [3]). Все это построеніе—дѣло будущаго. Тѣмъ не менѣе успѣхи теоріи преобразованія движеній и силъ въ механикѣ и физикѣ позволяютъ уже теперь признавать за достаточно-правильную аналогію положеніе, что химическіе процессы представляютъ одно изъ проявленій преобразованія частичныхъ движеній [4]) и что разнородность химическая можетъ быть понимаема какъ эмпирическій результатъ различнаго частичнаго распредѣленія единаго однороднаго вещества [5]). Уже теперь существуютъ нѣкоторыя указанія

---

[3]) Г. Менделѣевъ пишетъ («Основы Химіи». 1871, I, 78 и слѣд.): «Нынѣшнее состояніе химіи опредѣляется почти положительнымъ отсутствіемъ примѣненія закона постоянства силъ къ изученію отдѣльныхъ химическихъ явленій.... Химикъ видитъ на каждомъ шагу, что не всѣ возможныя превращенія совершаются по этому закону (постоянства матеріи); что только извѣстныя сложныя простыя тѣла другъ съ другомъ соединяются; онъ видитъ, что есть тѣла, обладающія большою химическою энергіею.... что есть цѣлый разрядъ другихъ тѣлъ, необладающихъ этою энергіею.... Качество дѣйствія, даже то, подѣйствуютъ ли тѣла другъ на друга, онъ не предугадываетъ».

[4]) См. тамъ же, стр. 77 и слѣд. Авторъ формулируетъ современное состояніе вопроса (стр. 94) въ положеніи: «Химическія превращенія состоятъ въ частичномъ передвиженіи, опредѣляемомъ химическою энергіею или такъ-называемымъ сродствомъ.

[5]) Ср. *Heinr. Schramm*: «Die Allgemeine Bewegung der Materie» etc. 1873; VII. Die Physik der Molecüle (Chemie), стр. 122 и слѣд.

на вѣроятность сложнаго состава веществъ, признаваемыхъ простыми [6]), и все это позволило различнымъ современнымъ мыслителямъ составить по частямъ довольно цѣльное представленіе о генезисѣ наблюдаемаго нами разнообразія въ мірѣ изъ того элементарнаго движущагося однороднаго вещества, которое составляетъ, по неизбѣжнымъ законамъ нашей мысли, простѣйшую точку исхода для нашего пониманія міра [7]).

Пространство міра представляется намъ наполненнымъ однороднымъ веществомъ, находящимся въ состояніи раздѣльныхъ атомовъ въ вѣчномъ движеніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пространства это движеніе, вслѣдствіе столкновенія движущихся мельчайшихъ частицъ вещества, даетъ начало группировкѣ ихъ въ болѣе крупныя *химическія единицы*, дающія начало химической разнородности вещества. Еще рѣже движеніе этихъ химическихъ атомовъ вызываетъ происхожденіе *физическихъ*

---

[6]) Г. Менделѣевъ говоритъ («Осн. Хим.» I, 67): «.... Рождается возможность думать, что и самыя простыя тѣла могутъ быть современемъ разложены». При этомъ онъ особенно напираетъ на сходство въ химическихъ свойствахъ между нѣкоторыми такъ-называемыми простыми тѣлами и сложными радикалами. Гербертъ Спенсеръ въ своемъ возраженіи Мартино («M-r Martineau on evolution» въ «Essays». III, 1874; стр. 234 и слѣд.) считаетъ возможнымъ поддерживать то же мнѣніе на основаніи различныхъ спектровъ, даваемыхъ при различныхъ условіяхъ однимъ и тѣмъ же веществомъ, и на основаніи явленій аллотропіи. Онъ окончательно приходитъ къ результату: «Свойства различныхъ элементовъ получаются отъ различнаго распредѣленія, какъ результата комбинацій и еще новыхъ комбинацій первоначальныхъ однородныхъ единицъ». Замѣтимъ, впрочемъ, что многіе изслѣдователи отвергаютъ различные спектры для одного и того же вещества, если оно чисто. См. *Henry E. Roscoe:* «Spectrum analysis». 3 ed. 1873 и извлеченіе изъ мемуаровъ Плюкера, Вюльнера, Онгстрэма и др., тамъ помѣщенное, стр: 197 и слѣд.—Гэггинсъ и Миллеръ пришли также къ заключенію, что спектральный анализъ наводитъ на мысль о разложимости азота. («Phil. Trans» 1864). Прейеръ съ другой точки зрѣнія пришелъ («Изслѣдованіе жизни», переводъ, въ «Знаніи» 1873 № 4, стр. 130) къ сомнѣнію въ элементарности углерода.

[7]) Послѣдующее изложеніе здѣсь развить и оправдать было бы неумѣстно. Если автору удастся довести этотъ трудъ до послѣдней книги, то читатель найдетъ во второмъ и третьемъ ея параграфѣ относящіяся сюда данныя. Ср., кромѣ приведеннаго выше труда Шрамма, *Clausius* «Abhandlungen über die mechanische Wärmetheorie»; II Abth. «Ueber die zur Erklärung der Wärme angenommenen Molecularbewegungen»; *Fr. Mohr*: «Allgemeine Theorie der Bewegung und Kraft» и др. Впрочемъ Клаузіусъ останавливается на *основныхъ* свойствахъ притяженія и отталкиванія, приписанныхъ частицамъ; Моръ сводитъ все на 5 видовъ движенія и 4 вида силы, эмпирически различныхъ; Шраммъ допускаетъ *основную* разницу элементарныхъ частицъ, слѣдовательно, основное химическое разнообразіе.

молекулъ, обнаруживающихъ одна относительно другой явленія *притяженія* въ формѣ *сцѣпленія*, дающаго начало газообразному, жидкому, полутвердому, твердому, состоянію тѣлъ, и въ формѣ *тяготѣнія*, дающаго начало вѣсомому веществу. Такимъ образомъ міръ состоитъ изъ разбросанныхъ въ пространствѣ группъ вѣсомаго вещества подчиненнаго законамъ сцѣпленія и тяготѣнія; оно окружено несравненно обширнѣйшими промежутками, наполненными веществомъ какъ химически разнороднымъ, такъ и безусловно однороднымъ, которое не подлежитъ этимъ физическимъ притяженіямъ, но обнаруживаетъ свое присутствіе въ явленіяхъ движенія, воспринимаемыхъ нами какъ свѣтъ, теплота, электричество, химическое сродство. Круговоротъ вѣсомыхъ веществъ, составляющій всю исторію каждаго отдѣльнаго вѣсомаго міра впродолженіе его существованія, есть лишь частный случай круговорота, охватывающаго вещество во всемъ его разнообразіи. Тяготѣющіе міры рождаются изъ междумірового, химически разнороднаго и вполнѣ однороднаго, вѣчно движущагося вещества, существуютъ опредѣленный промежутокъ времени и распадаются снова на эти основные не тяготѣющіе элементы.

Такова гипотетическая исторія вещества, изъ котораго создаются и на которое распадаются міры. Но для насъ существуютъ эмпирически лишь вѣсомые и взаимно тяготѣющіе міры въ ихъ *данномъ* разнообразіи физическомъ и химическомъ. Періодъ происхожденія ихъ изъ *иного* состоянія вещества лежитъ за предѣлами эмпирической науки. Ихъ исторія есть исторія перехода однихъ распредѣленій вещества, разнороднаго механически, физически и химически, въ другія его распредѣленія. Она одна и составляетъ космическое подготовленіе къ исторіи человѣка. Неизмѣримое пространство, въ которомъ разсѣяны міры, для насъ эмпирически есть пространство *пустое*, въ которомъ размѣщены отдѣльными островами массы вѣсомаго вещества, другъ къ другу тяготѣющія и движущіяся подъ вліяніемъ этого тяготѣнія, которое составляетъ такимъ образомъ самое общее космическое явленіе, намъ доступное.

Но и этотъ вѣсомый, тяготѣющій міръ намъ доступенъ лишь въ весьма незначительной долѣ, именно на томъ пространствѣ, о которомъ намъ даютъ знать свѣтовыя явленія. По мнѣнію многихъ ученыхъ [8]), эти явленія для насъ прекращаются, когда такъ называемая свѣтовая волна пробѣжала нѣкоторое опредѣленное разстояніе; свѣтъ угасаетъ и никакими средствами намъ невозможно убѣдиться въ существованіи мі-

[8]) Таково было мнѣніе Ольберса, Вильгельма Струве.

ровъ того или другаго вида, за предѣлами этого разстоянія. Намъ извѣстенъ едва ли не одинъ только міровой островъ въ неизмѣримомъ пространствѣ, именно тотъ, къ которому мы сами принадлежимъ. Мы можемъ мыслію убѣждаться въ *вѣроятности* существованія за его предѣлами иныхъ міровыхъ острововъ, въ дѣйствительности которыхъ никогда не увѣрится человѣчество; но все, что мы знаемъ о *вселенной* ограничивается однимъ *нашимъ* міровымъ островомъ [9]). Сравнительно съ маленькими разстояніями, измѣряемыми на нашей землѣ или въ предѣлахъ солнечной системы, конечно, намъ могутъ казаться громадными размѣры міроваго острова, чрезъ который свѣтовая волна пробѣгаетъ въ сотни и въ тысячи лѣтъ; но размѣры этой *нашей* вселенной ничтожны сравнительно съ разстояніемъ ея отъ иныхъ міровыхъ острововъ, о которыхъ и свѣтъ намъ ничего сообщить не можетъ. Въ нашей маленькой вселенной мы видимъ крайне-разнообразныя космическія тѣла [10]); видимъ рядомъ звѣзды крупныя и мелкія, изъ которыхъ однѣ въ тысячу разъ превосходятъ другія; видимъ туманности, распадающіяся на звѣздныя кучи;—другія неразложимыя, круглыя, эллиптическія, кольцеобразныя, неправильныя; видимъ, какъ эти разнообразныя тѣла группируются въ обширный поясъ мелкихъ и крупныхъ звѣздъ, который раздѣляетъ два полушарія, гдѣ преобладаютъ туманныя пятна. Въ этихъ туманныхъ пятнахъ, въ этихъ скопленіяхъ крупныхъ и мелкихъ звѣздъ, окруженныхъ темными планетами и спутниками, совершается тотъ процессъ, который мы изучаемъ какъ *единственный* намъ доступный космическій процессъ. Мы изучаемъ его, обращаясь къ наблюденію, къ механической и физической гипотезѣ, допускающей математическій анализъ и провѣряемое предсказаніе, къ физическому опыту, къ теоріи вѣроятностей, и всѣ эти логическія орудія въ своей комбинаціи приводятъ насъ къ теоріи генезиса отдѣльныхъ міровъ этой нашей маленькой вселенной. Здѣсь свѣтлыя и темныя тѣла, связанныя между собою законами всемірнаго тяготѣнія, загорающіяся и потухаю-

---

[9]) Прокторъ, въ сочиненіяхъ котораго преимущественно развита эта теорія устройства *нашей* вселенной, допускаетъ впрочемъ («The Universe and the coming transit». 1874; стр. 76), что спиральныя туманности суть видимые нами *другіе* міровые острова и находитъ, что можно объяснить ограниченность числа міровъ, намъ доступныхъ, не угасаніемъ свѣта, а *конечнымъ* числомъ космическихъ острововъ въ *безконечномъ* пространствѣ. (Тамъ же, 67). Но едва ли эти допущенія необходимы.

[10]) Объ этомъ разнообразіи см. *Rich. A. Proctor:* «Other words than ours» (3 ed. 1872) стр. 310 и «The Universe» etc. 201.

щія звѣзды, представляющія всѣ цвѣта радуги [11]), неразложенныя туманности, маленькія планеты съ ихъ еще болѣе мелкими спутниками и фейерверки звѣздъ, вспыхивающихъ на мгновеніе въ нашей атмосферѣ — всѣ эти тѣла и явленія связываются предъ мыслью наблюдателя въ одинъ процессъ. Неизмѣримая продолжительность этого процесса для насъ ничѣмъ не отличается отъ вѣчности, такъ какъ мы не знаемъ и не можемъ придумать причины его прекращенія. Но, допуская мыслію существованіе вещества и внѣ вѣсомаго состоянія, внѣ взаимнотяготѣющихъ міровъ, мы можемъ понять, что эта наша маленькая вселенная, съ ея ограниченною вѣчностью, составляетъ лишь эфемерный эпизодъ круговорота вещества въ его непрерывномъ созданіи и разрушеніи міровъ.

О процессахъ, совершающихся въ невидимыхъ намъ мірахъ, разсѣянныхъ въ пространствѣ, мы составляемъ себѣ представленіе по тому, что узнаемъ объ эмпирической вселенной, доступной нашимъ наблюденіямъ. Въ ней мы заключаемъ о свойствахъ и о генезисѣ другихъ міровъ по тѣмъ результатамъ, которые мы получаемъ при изслѣдованіи ея маленькой доли, составляющей нашу солнечную систему. Въ этой послѣдней опять наибольшая часть выводовъ состоитъ изъ выводовъ по аналогіи отъ того, что намъ даютъ опыты, производимые на нашей землѣ, и въ ближайшемъ отъ нея разстояніи. Поэтому строгость полученныхъ результатовъ пропорціональна той убѣдительности, съ которой аналогіи земныхъ явленій могутъ быть распространены на все остальное; но иныхъ орудій мы не имѣемъ и лишь аналогіи земнаго опыта, распространенныя на солнечную систему и на далекіе міры нашего звѣзднаго острова, составляютъ и могутъ составить научную основу для нашихъ космическихъ теорій [12]).

---

[11]) Преимущественно среди двойныхъ звѣздъ. См. *R. A. Proctor:* «The orbs around us». (1872), 321 и слѣд.

[12]) Эта основа заключенія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, категорически поставленная на видъ Ньютономъ въ его «Principia», слишкомъ часто была забываема новыми изслѣдователями. Въ послѣднее время на нее особенно напираютъ для заключеній о явленіяхъ и предметахъ, лишь частью доступныхъ наблюденію, какъ явленія астрономическія. См. между прочимъ *Y. C. F. Zöllner*: «Photometrische Untersuchungen» (1865), 206 и слѣд.; *R. A. Proctor:* «Other worlds than ours» (2 ed. 1872), который говоритъ о своей теоріи образованія міровъ (стр. 221): «Во всякомъ случаѣ, самое сильное свидѣтельство въ пользу гипотезы, мною выставленной, заключается въ фактѣ, что процессы, помощью которыхъ міры образуются, какъ я это себѣ представлялъ, безспорно совершаются на нашихъ глазахъ».

Спектральный анализъ, это могущественное орудіе астро-физики [13]), завоеванное научною техникою въ самое послѣднее время, убѣждаетъ насъ, что повсюду въ мірѣ, доступномъ намъ помощью явленія свѣта, существуетъ та же химическая разнородноеть вещества, которую мы наблюдаемъ и на землѣ [14]). Особенно распространенъ всюду водородъ, котораго не нашли лишь въ двухъ звѣздахъ [15]). Азотъ найденъ въ туманностяхъ; углеродъ — въ кометахъ и въ аэролитахъ; фосфоръ — въ аэролитахъ [16]).

Безчисленные потоки падающихъ звѣздъ и метеоритовъ, встрѣчаемые землею, привели нѣкоторыхъ ученыхъ [17]) къ мысли, что самое образованіе болѣе крупныхъ космическихъ тѣлъ могло произойти путемъ постепеннаго наростанія этихъ случайно образовавшихся единицъ, или, по крайней мѣрѣ, что это столкновеніе могло быть первымъ фазисомъ бытія всякаго небеснаго тѣла; при этомъ, самое столкновеніе должно было развить теплоту, способную перевести столкнувшіяся тѣла въ раскаленное газообразное состояніе, на которое, какъ на первоначальное состояніе нашей солнечной системы и всѣхъ небесныхъ тѣлъ, указываютъ наиболѣе установившіяся астрономическія теоріи, освященныя

---

[13]) Это названіе, насколько мнѣ извѣстно, предложено Цэльнеромъ (см. «Photometr. Unters». 315) для совокупности приложеній физическихъ и химическихъ изслѣдованій къ астрономіи, причемъ «задача астрофизики будетъ заключаться въ томъ, чтобы, предположивъ общность *многихъ* свойствъ для всѣхъ веществъ, объяснить всѣ прочія различія и измѣненія небесныхъ тѣлъ».

[14]) Спектральныя изслѣдованія Гэггинса и Миллера (преимущественно «On the spectra of some of the chemical elements». въ «Philos Trans.» 1864) позволили имъ придти къ заключенію, что «единство дѣйствія распространяется на все мірозданіе, насколько свѣтъ дозволяетъ намъ распознавать вещественные предметы; именно, что звѣзды, различаясь одна отъ другой въ видахъ вещества, въ нихъ заключающагося,... состоятъ.... изъ вещества, тожественнаго... съ матеріалами нашей системы». Ср. приведенные выше труды Цэльнера и Проктора. Таже мысль у *Stan. Meunier:* «Geologie comparée» (1867) стр. 139.

[15]) Въ α Ориона и въ β Пегаса. См. *H. E. Roscoe:* «Spectrum Analysis». (3 ed. 1873), 330.

[16]) См. тамъ же; 339, 346 и 404. О фосфорѣ и углеродѣ въ аэролитахъ, см. *Stan. Meunier:* «Geologie comparée» (1867), 94 и 95.

[17]) См. *R. A. Proctor:* «Other worlds than ours» (3 ed. 1872) IX. Meteors and comets» стр. 195 и слѣд. Ср. *C. Radenhausen:* «Isis» (1863), IV. § 428, стр. 80 и слѣд. Фр. Моръ («Исторія земли» 1868) относится весьма сочувственно ко взгляду Раденгаузена.

именами знаменитыхъ мыслителей и ученыхъ прошлаго и настоящаго вѣка [18]).

Состояніе раскаленной газообразной туманности, вращающейся въ пространствѣ, было, повидимому, однимъ изъ первыхъ фазисовъ существованія нашей солнечной системы, и въ этомъ состояніи находится значительное число неразложенныхъ туманностей, расположенныхъ по обѣ стороны млечнаго пути, особенно же группирующихся около полюсовъ полушарій, имъ раздѣляемыхъ. Ихъ газообразное состояніе доказано спектральнымъ анализомъ.

Когда условія, произведшія возвышеніе температуры туманности, достигли предѣла своего дѣйствія, то въ ней начинается охлажденіе, но при этомъ возможны различные процессы. — Иногда вращающаяся туманность начинаетъ отдѣлять одно за другимъ газообразныя кольца, которыя, разрываясь, образуютъ меньшія газообразныя массы, продолжающія обращаться около центральнаго туманнаго тѣла и вращаться около своей оси въ опредѣленномъ направленіи. Такъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, происходилъ генезисъ нашей солнечной системы, о чемъ скажемъ ниже. — Иногда газообразное облако раздѣляется на двѣ или болѣе частей, которыя образуютъ общую систему, вращающуюся около общаго центра тяжести и движущуюся въ опредѣленномъ направленіи въ пространствѣ. Таковы, повидимому, до сотни двойныхъ туманностей, изъ которыхъ иныя доставили уже данныя для указанія ихъ относительнаго движенія [19]); таково было, вѣроятно, первобытное состояніе нетолько многочисленныхъ системъ двойныхъ звѣздъ, но и тѣхъ звѣздныхъ скопленій и звѣздныхъ системъ (потоковъ, streams), для которыхъ теперь почти безспорно признана общность движенія.—Иногда, до отдѣленія газообразныхъ частей, процессъ охлажденія привелъ въ различныхъ мѣстахъ туманности къ раздѣленію газообразныхъ слоевъ разной температуры, къ образованію газообразныхъ ядеръ болѣе высокой температуры, окруженныхъ газообразною же свѣтлою атмосферою,

---

[18]) О первомъ развитіи этой мысли Кантомъ («Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels», 1755) см. параграф. «Начала Канта» въ главѣ «Канунъ революцій» книга VIII. Объ обработкѣ ея Лапласомъ (Exposition du système du monde» 1796), имя котораго и осталось за этой теоріей, см. параграф. «Система міра» въ послѣдней главѣ той же книги. О современномъ состояніи этой теоріи и объ аргументахъ за нее см. параграфы, сюда относящіеся въ книгахъ IX и X.

[19]) О двойныхъ туманностяхъ см. *John Herschell:* «Observationes on nebulae and clusters» etc. (1833); *d'Arrest:* «Resultate aus Beobachtungen der Nebelflecken und Sternhaufen» (1856); «Siderum nebulosorum observationes Havnienses» (1867); «Astronomische Nachrichten» № 1366.

нѣсколько болѣе холодною (это состояніе, повидимому, можно тоже наблюдать въ нѣкоторыхъ туманностяхъ), а затѣмъ — къ образованію капельножидкихъ расплавленныхъ центровъ, окруженныхъ туманностями и постепенно болѣе и болѣе изъ нихъ выдѣляющихся. Послѣдній процессъ, какъ можно предположить, совершается въ многочисленныхъ туманностяхъ, которыя наблюдаются ближе къ млечному пути въ самой тѣсной комбинаціи съ звѣздами, внутри ихъ находящимися или расположенными около нихъ.

Затѣмъ, при продолжающемся охлажденіи, газообразная доля становится меньше, капельножидкія ядра растутъ и небесныя тѣла переходятъ въ то состояніе, которое мы наблюдаемъ въ нашемъ солнцѣ и въ многочисленныхъ звѣздныхъ мірахъ, движущихся въ разныхъ направленіяхъ, приближаясь къ нашей солнечной системѣ или отдаляясь отъ нея, причемъ относительное и безусловное движеніе этихъ звѣздныхъ міровъ указываетъ на ихъ первоначальное общее происхожденіе изъ одной туманности или изъ одной общей системы туманности [20]).

Расплавленныя жидкія тѣла остываютъ еще далѣе, покрываются темною корою шлаковъ и тускнѣютъ, становятся темными. Затѣмъ расплавленное ядро разрываетъ свой покровъ, звѣзды снова разгораются на время, но процессъ охлажденія продолжается; шлаки наростаютъ, рѣже повторяется вулканическое воздѣйствіе внутренняго расплавленнаго ядра; наконецъ темный твердый слой пересиливаетъ свое содержимое и небесное тѣло становится окончательно темнымъ.

Этотъ процессъ окончательнаго охлажденія и потемнѣнія прежде всего, конечно, происходитъ въ отдѣлившихся отъ центральной туманности планетныхъ облакахъ при ихъ переходѣ изъ газообразнаго состоянія въ капельножидкое, изъ свѣтлаго въ темное; но онъ совершается и всюду. Системы звѣздъ и отдѣльныя солнца постепенно охлаждаются и тухнутъ. Среди двойныхъ звѣздъ иныя могутъ имѣть темнаго товарища [21]). Измѣненіе цвѣта звѣздъ свидѣтельствуетъ о процессѣ ихъ перехода отъ высшей температуры къ низшей. Внезапное увеличеніе свѣта звѣздъ на время и временное появленіе новыхъ звѣздъ на небѣ указываетъ на процессъ воздѣйствія расплавленнаго зерна на остывающую кору. Но процессъ продолжается безостановочно. Исчезновеніе нѣ-

[20]) См. *R. A. Proctor:* «The Universe and the coming transit» (1874): star-streams, 1—16; star-streams and star-sprays, 17—36 и въ другихъ мѣстахъ. Также его «Other worlds than ours» (3 ed. 1872), 266 и слѣд.

[21]) См. работы Петерса («Ueber die eigene Bewegung des Sirius, 1851) и Ауверса («Untersuchungen ueber veränderliche Eigen-Bewegungen» 1862, 1868).

которыхъ звѣздъ, внесенныхъ въ прежніе каталоги, доказываетъ, что многіе міры перестали существовать для насъ, воспринимающихъ ихъ существованіе лишь путемъ свѣтовыхъ процессовъ, но, вѣроятно, продолжаютъ существовать какъ темныя тѣла.

Каждый отдѣльный членъ каждой системы міровъ переходитъ неизбѣжно чрезъ тѣ же фазисы. Онъ является свѣтлою туманностью, яркою звѣздою, загорается снова и снова, наконецъ, тухнетъ навсегда. Теплота его разсѣевается; лишь близость другихъ звѣздъ, дающихъ ему свѣтъ и теплоту, позволяетъ на немъ, можетъ быть, жить существамъ, которымъ онъ далъ начало, производитъ измѣненія на его поверхности, сообщаетъ ему то, что можно назвать метафорически космическою жизнію. Но свѣтила, его согрѣвающія и освѣщающія, тухнутъ одно за другимъ. Умираютъ космически спутники планетъ, солнца, цѣлые острова міровъ.

Угасшія солнца съ мертвою системою планетъ и спутниковъ продолжаютъ свое движеніе въ пространствѣ, пока не попадутъ въ образующуюся новую туманность. Тогда остатки умершаго міра становятся матеріаломъ для ускоренія процесса образованія новаго міра. Громадный жаръ массы, въ которой готовится новый міръ, быстро расплавляетъ, обращаетъ въ газы міръ умершій, но тѣмъ самымъ и новый міръ быстро переживаетъ одинъ изъ первоначальныхъ фазисовъ своего существованія, чтобы перейти къ послѣдующимъ фазисамъ и въ свое время двигаться въ видѣ темной, мертвой системы неисчислимыя тысячи лѣтъ, пока ему удастся, въ свою очередь, послужить матеріаломъ для еще новѣйшаго образующагося міра [22]).

Такова вѣроятная судьба всего сущаго во вселенной. Между тѣмъ, какъ однѣ системы доживаютъ послѣдніе милліоны вѣковъ своего существованія, другія едва пережили самые первые милліарды тысячелѣтій своего обособленнаго бытія. Тутъ давно мертвый міръ получаетъ возможность вступить въ процессъ образованія новой солнечной системы, тамъ образующійся міръ, приблизившись къ твердымъ массамъ, разсыпается на кометы и на падающія звѣзды. Насильственная смерть столь же легко грозитъ мірамъ, какъ и неизбѣжное естественное уми-

---

[22]) «Это состояніе окоченѣнія—пишетъ Цэльнеръ («Photometr. Untersuch.» 252) о небесныхъ тѣлахъ, истратившихъ свою теплоту—можетъ быть прекращено лишь внѣшними вліяніями, напр. теплотою, развитою при столкновеніи съ какимъ-либо другимъ тѣломъ, когда, при достаточномъ возвышеніи температуры, указанный выше процессъ развитія начинается снова». Ср. также *Ph. Spiller:* «Die Entstehung der Welt und die Einheit der Naturkräfte» (1870), 61.

раніе. Но вѣчное движеніе не прекращается и вѣчно развиваются новые міры на смѣну прежнихъ.

Среди этого вѣчнаго движенія и вѣчнаго измѣненія намъ приходится отмѣтить одинъ едва замѣтный эпизодъ: генезисъ *нашей* вселенной, генезисъ *нашей* солнечной системы, составляющей одну изъ множества группъ атомовъ этой вселенной, генезисъ *нашей* земли, входящей въ составъ этой солнечной системы, какъ небольшая ея доля.

Въ *нашей вселенной*, за предѣлы которой не проникаетъ наше наблюденіе, мы находимъ, какъ было сказано, крайнее разнообразіе небесныхъ тѣлъ, переходящихъ и перешедшихъ чрезъ различные указанные фазисы космическаго генезиса; но новѣйшія изслѣдованія [23]) позволяютъ уже собрать нѣкоторыя данныя и для ея общаго генетическаго процесса. Онъ сгруппировалъ около двухъ противоположныхъ точекъ небесной сферы, нами видимой, неразложимыя газообразныя туманности; онъ содѣйствовалъ болѣе быстрому переходу кольца, образующаго нашъ млечный путь, въ скопленіе крупныхъ и мелкихъ звѣздъ, изъ которыхъ ближайшая (α Кентавра) отстоитъ отъ насъ на разстояніе въ 224,000 разъ превосходящее разстояніе земли отъ солнца и проходимое свѣтомъ болѣе чѣмъ въ $3^1/_2$ года; онъ размѣстилъ, въ промежуткѣ между млечнымъ путемъ и скопленіемъ неразложимыхъ туманностей, тѣ разнородныя, правильныя и неправильныя, туманности, скопленія туманностей и звѣздъ, кучи весьма близкихъ (въ астрономическомъ смыслѣ) одна къ другой звѣздъ, образующія то, что мы называемъ разложимыми туманностями, и отдѣльныя группы звѣздъ; онъ, наконецъ, сообщилъ разнообразныя наблюдаемыя нами движенія звѣзднымъ группамъ и отдѣльнымъ звѣздамъ, и всей нашей солнечной системѣ придалъ скорость перемѣщенія около 6 геогр. миль въ $1''$ [24]). При новости этихъ изслѣдованій, нѣтъ еще возможности сгруппировать эти данныя въ одно цѣльное представленіе обособленнаго космическаго процесса [25]); но если положительное построеніе этого генезиса еще при-

---

[23]) См. въ особенности указанные выше труды Проктора и краткое ихъ изложеніе въ «Знаніи» 1874, III, въ «Отчетѣ объ успѣхахъ астрономіи» А. А. Кропоткина.

[24]) По *J. H. v. Mädler:* «Geschichte der Himmelskunde» (1872) II, 505.

[25]) Проктору рѣшается объ этомъ сказать («The Universe» etc., 89) лишь слѣдующее: «Было бы слишкомъ смѣло попытаться продумать процессъ, помощью котораго видимая вселенная получила свой настоящій видъ. Но я рѣшаюсь указать на данныя, какъ-бы свидѣтельствующія о процессахъ аггрегаціи, процессахъ, которые ведутъ—смотря по положенію, а можетъ-

надлежитъ будущему, то настоящее положеніе изслѣдованій дало лишь одинъ, весьма *вѣроятный* результатъ, именно, что *видимые* нами міры — созвѣздія и туманности — принадлежатъ всѣ къ одному обширному острову вселенной, но что они не находятся на столь различныхъ разстояніяхъ отъ насъ, которыя допускались еще недавно распространенными теоріями. Міровъ, отъ которыхъ свѣтъ доходилъ бы до насъ въ милліоны лѣтъ[26]), мы не видимъ. За міровымъ островомъ *нашей* вселенной лежитъ для насъ *пространственно-непознаваемое*, не доходящее до нашего свѣдѣнія ни чрезъ одно изъ орудій нашихъ чувственныхъ воспріятій.

Одновременно съ міровымъ процессомъ, охватывавшимъ нашу солнечную систему вмѣстѣ со всѣми тѣлами нашей маленькой вселенной, можетъ быть въ зависимости отъ него, или подъ вліяніемъ общихъ началъ космическаго движенія, долженъ былъ совершаться и болѣе частный процессъ, который обособилъ тѣла нашей солнечной системы и при-

---

быть, и по свойству массъ, подлежащихъ ихъ дѣйствію—къ образованію солнцъ бо̀льшаго или ме́ньшаго блеска и размѣра, потоковъ и скученій малыхъ звѣздъ и системъ, въ которыхъ солнца и звѣздные потоки какъ бы смѣшаны. Эти процессы, повидимому, привели къ млечному скопленію (galaxy) скорѣе кольцеобразному или спиральному, чѣмъ дискообразному; но значительная доля вещества, сначала распредѣленнаго, можетъ быть, сравнительно, единообразно, насколько можно судить, ускользнула отъ вліянія этихъ процессовъ. Потому ли, что эта часть вселенной была подвержена противодѣйствовавшимъ притяженіямъ, или вслѣдствіе вліянія того же принципа, который ослабляетъ центробѣжную силу вращающагося шара у его полюсовъ сравнительно съ дѣйствіемъ ея на экваторѣ шара, но она, повидимому, могла образовать аггрегаціи въ пространствахъ, лежащихъ близъ тѣхъ мѣстъ, которыя можно назвать полярною осью млечнаго скопленія. Мы не должны удивляться, что эти аггрегаціи сильно отличаются по своимъ свойствамъ отъ аггрегацій, преобладающихъ въ млечномъ кольцѣ, ни тому, что настоящія туманности щедро расположены лишь въ пространствахъ перваго рода.»

[26]) А. ф.-Гумбольдтъ писалъ («Kosmos», III, 312, изд. 1850), что изслѣдованіе туманныхъ пятенъ ведетъ насъ въ пространство, «откуда лучъ свѣта достигаетъ до насъ, какъ можно допустить безъ особеннаго невѣроятія, чрезъ милліоны лѣтъ». Это основано преимущественно на работахъ Уильяма Гершеля и на его гипотезѣ равномѣрнаго размѣщенія звѣздъ въ пространствѣ. Впрочемъ, Гершель, впослѣдствіи, отказался отъ этой гипотезы. Объ этомъ см. параграфы: «Система міра» въ послѣдней главѣ книги VIII и «Успѣхи астрономіи» во второй главѣ книги IX. Проктор̀ъ указываетъ это въ «The Universe» etc. 183 и слѣд. Самъ онъ приходитъ (тамъ же, 86) къ заключенію, что «потоки звѣздъ, составляющіе млечный путь, гораздо ближе отъ насъ, чѣмъ до сихъ поръ утверждали». Туманности онъ считаетъ лежащими, приблизительно, на такихъ же разстояніяхъ.

далъ имъ тотъ видъ, который они теперь имѣютъ. Этотъ послѣдній процессъ можетъ быть возстановленъ мыслію съ бо́льшею вѣроятностью уже потому, что мы больше знаемъ тѣла, въ него входящія. Именно, мы знаемъ, что всѣ планеты обращаются около солнца въ одномъ и томъ же направленіи, и что въ этомъ же направленіи обращаются около планетъ ихъ спутники [27]); что вращеніе планетъ около ихъ осей происходитъ въ одномъ и томъ же направленіи для всѣхъ планетъ, гдѣ можно было прослѣдить это вращеніе, и что направленіе этого вращенія совпадаетъ съ направленіемъ движенія планетъ по орбитамъ и съ направленіемъ вращенія солнца около его оси; что орбиты всѣхъ бо́льшихъ планетъ и почти всѣхъ астероидовъ имѣютъ весьма незначительный эксцентрицитетъ; что плоскости всѣхъ орбитъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ астероидовъ) имѣютъ весьма малый наклонъ къ плоскости солнечнаго экватора и между собою; что планеты, лежащія внутри орбитъ астероидовъ, всѣ, сравнительно, малы, плотны, вращаются медленно и, кромѣ нашей земли, не имѣютъ спутниковъ; планеты же, лежащія внѣ этихъ орбитъ, отличаются противоположными свойствами; что времена обращеній спутниковъ около планетъ вообще значительнѣе, чѣмъ времена вращенія соотвѣтственныхъ планетъ около ихъ осей; времена же обращенія планетъ около солнца значительнѣе, чѣмъ время вращенія солнца около его оси [28]).

Гипотеза, наилучшимъ образомъ объясняющая совпаденіе всѣхъ этихъ фактовъ (совпаденіе, которое считать случайнымъ было бы невѣроятно) и носящая обыкновенно названіе гипотезы Лапласа, представляетъ намъ генезисъ нашей солнечной системы слѣдующимъ образомъ.

Вещество, сгустившееся теперь въ тѣла солнечной системы, составляло нѣкогда весьма разрѣженную газообразную вращающуюся туманность, простиравшуюся далеко за предѣлы нынѣшней орбиты Нептуна, именно сфероидъ, діаметръ котораго превосходилъ 6 билліоновъ геогр. миль. На этомъ пространствѣ распредѣлилось количество вещества, вѣсъ котораго равнялся 364,300 вѣсовъ земли или 27,100 квадриліоновъ тоннъ, по 1,000 килограммовъ въ каждой; разрѣженность этого вещества была такова, что 150 кубич. миль его вѣсили 1 фунтъ, или, въ объемѣ, занимаемомъ нашею землею, заключалось 20 фунтовъ вещества [29]).

---

[27]) Кромѣ спутниковъ Урана, что̀ объясняется, какъ извѣстно, значительнымъ наклоненіемъ плоскости экватора планеты къ ея орбитѣ.

[28]) См. сказанное въ примѣч. 18.

[29]) См. «Isis», IV, § 428.

Мало по малу работа движенія сфероида переходила въ теплоту и разсѣевалась. Сфероидъ сжимался и скорость его вращенія возрастала. Экваторіальный поясъ, при возрастаніи центробѣжной силы, не могъ всегда слѣдовать за сжиманіемъ всей массы, и отъ времени до времени туманная масса покидала вращающіяся кольца. Кольца эти разрывались въ точкѣ наименьшаго сопротивленія и собирались въ вращающуюся массу, образуя планетныя туманности. Эти отдѣлившіяся массы продолжали обращаться около центральной, по орбитѣ исчезнувшаго кольца, вращались около своей оси, по направленію своего движенія, и сжимались, вслѣдствіе своего охлажденія. Въ нихъ повторился тотъ же процессъ: отдѣленіе колецъ и, въ большей части случаевъ, образованіе спутниковъ. Затѣмъ, дальнѣйшее охлажденіе имѣло слѣдствіемъ переходъ газообразныхъ массъ въ капельножидкія, появленіе шлаковъ, образованіе коры, временный разрывъ ея (который, въ одномъ случаѣ, именно для планетъ между Марсомъ и Юпитеромъ, повелъ къ разрушенію планетнаго тѣла и къ образованію нѣсколькихъ сотенъ малыхъ астероидовъ), затѣмъ новое ея образованіе, окончательное отверденіе и образованіе нашей солнечной системы въ томъ видѣ, какъ мы ее видимъ, съ центральною массою, составившею наше нынѣшнее солнце, съ массами, образовавшимися изъ первичныхъ колецъ въ нынѣшнія планеты, изъ вторичныхъ — въ ихъ спутники, съ безчисленными кометными и метеорными системами, пути которыхъ составляютъ громадную переплетающуюся сѣть, пересѣкающую по всѣмъ направленіямъ пространство, занимаемое нашею солнечною системою [30]).

По разсчету Гельмгольца, количество работы, уже истраченной при этомъ процессѣ, равняется $^{453}/_{454}$ всей работы, которую представляло первоначальное движеніе, и эта потерянная часть такъ значительна, что перейдя въ теплоту, могла бы нагрѣть массу воды, равную солнцу и всѣмъ планетамъ, до 28 милліоновъ градусовъ стоградуснаго термометра. Оставшаяся же $^{1}/_{454}$ доля, присутствующая въ движеніи частей солнечной системы, еще достаточно велика, чтобы остановка одной нашей земли, обращая работу движенія ея въ теплоту, при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ теплоемкости, нагрѣла бы нашу землю до 11,200°, т. е., чтобы при-этомъ расплавились въ ней самыя тугоплавкія вещества и большинство ихъ неизбѣжно улетучилось [31]).

---

[30]) О послѣднемъ см. *R. A. Proctor:* «Other worlds than ours» въ главѣ IX «Meteors and comets»; и его же «The Universe» etc., стр. 53 и слѣд. О сближеніи между кометами и метеоритами см. *Schiaparelli:* «Theoria delle stelle cadenti» (1867) и *Zoellner:* «Ueber die Natur der Kometen.» (1872).

[31]) См. *Herm. L. F. Helmholtz:* «Wechselwirkung der Naturkräfte» (1854) § 29.

Впрочемъ, существуютъ въ наше время мнѣнія, поддержанныя довольно вѣскими аргументами и отступающія въ подробностяхъ отъ только что изложенной теоріи генезиса солнечной системы. Такъ, образованіе солнца и планетъ объясняется взаимнымъ притяженіемъ твердыхъ частицъ, образовавшихся среди газообразной туманности, и постепеннымъ наростаніемъ наиболѣе массивныхъ изъ этихъ центровъ [32]). Точно также, отдѣленіе планетъ отъ центральнаго тѣла и спутниковъ отъ планетъ допускается, какъ происшедшее путемъ отбрасыванія частей центральнаго тѣла при капельно-жидкомъ, а не при газообразномъ его состояніи [33]). Тѣмъ не менѣе большинство астрономовъ и физиковъ придерживаются еще Лапласовской теоріи генезиса солнечной системы.

Останавливаясь на наиболѣе принятой точкѣ зрѣнія въ этомъ случаѣ (причемъ немногіе изъ несогласныхъ съ нею взглядовъ внесли бы значительное измѣненіе въ послѣдующіе фазисы генезиса земли), мы можемъ представить себѣ землю нашу, какъ результатъ космическихъ процессовъ, совершавшихся какъ во всемъ нашемъ міровомъ островѣ, такъ и въ той долѣ его, которая составляетъ нашу солнечную систему. Въ опредѣленный моментъ она обособилась, какъ самостоятельная, газообразная туманность или какъ капельно-жидкая расплавленная масса, свѣтящая собственнымъ свѣтомъ среди другихъ тѣлъ солнечной системы. Затѣмъ она покрылась корою и стала темнымъ тѣломъ.

Нѣкоторые изслѣдователи находятъ вѣроятнѣйшимъ, что моментъ отдѣленія и, такъ сказать, рожденія земли совпадалъ съ эпохою зимняго равноденствія [34]). Другіе пробовали приблизительно опредѣлить древность образованія земной коры, беря въ соображеніе сжатіе земли у полюсовъ и замедленіе ея вращенія около оси. На основаніи этихъ изслѣдованій, земной день никогда не могъ быть короче 17,26 часовъ, теперь же онъ равняется 23,93 часамъ; всего вѣроятнѣе принять его длину при образованіи земной коры, за среднюю величину между двумя предыдущими, именно за 20,6 часа. Въ 2000 лѣтъ замедленіе вращенія составляетъ 0,01197 секундъ. Поэтому со времени образованія твердой земной коры прошло приблизительно 2000 милліоновъ лѣтъ, и не могло пройти болѣе, чѣмъ вдвое противъ этого времени. «Какъ ни обширенъ этотъ промежутокъ времени для нашего представленія—

---

[32]) См. указанія въ примѣч. 17.

[33]) См. *Ph. Spiller*: «Die Weltschöpfung vom heutigen Standpunkt der Wissenschaft» (1868) и «Die Entstehung der Welt und die Einheit der Naturkräfte» (1870). Теорія Шпиллера, сравнительно съ теоріею туманныхъ колецъ, изложена г. Вейденбаумомъ въ «Знаніи» 1871 г. № 4.

[34]) См. тамъ же.

пишетъ Клейнъ [35])—но слѣдуетъ при этомъ вспомнить, что онъ есть лишь минута или секунда въ ходѣ развитія всего міроваго организма».

Такимъ образомъ въ одной точкѣ міроваго пространства, результаты космическихъ процессовъ тому нѣсколько милліоновъ тысячелѣтій дали въ результатѣ потухшую звѣзду, покрытую твердою остывающею корою, и эта потухшая звѣзда должна была сдѣлаться *нашею землею*, Это былъ сфероидъ, масса котораго составляла немного болѣе $\frac{1}{360.000}$ массы солнца, а плотность почти вчетверо превосходила плотность послѣдняго; длина оси между полюсами была немногимъ болѣе 1713 геогр. миль, съ сжатіемъ у полюсовъ нѣсколько менѣе $\frac{1}{299}$, причемъ плоскость экватора давала въ сѣченіи эллипсъ, немногимъ отличавшійся отъ круга съ радіусомъ нѣсколько меньшимъ 1719 геогр. миль [36]). Эта ось была наклонена къ плоскости орбиты планеты подъ угломъ около 66°, причемъ, наклоненіе въ періодъ, превосходящій 60,000 лѣтъ, претерпѣвало незначительныя колебанія около своей средней величины; сфероидъ вращался на этой оси со скоростью, о предѣлахъ которой только-что сказано. Онъ при этомъ двигался вокругъ солнца по эллиптической орбитѣ, эксцентрицитетъ которой составлялъ всего около $^1/_{60}$ большой оси, измѣняясь весьма медленно, а разстояніе отъ центральнаго тѣла колебалось около 20.000.000 геогр. миль [37]); движеніе происходило съ измѣняющеюся скоростью, при средней величинѣ нѣсколько большей, чѣмъ 4 мили въ 1″, и весь оборотъ совершался въ 365 дней, 6 часовъ, 9′,10$^3/_4$″, раздѣляясь на четыре части эпохами равноденствій и солнцестояній. Самая большая ось этого эллипса постоянно измѣняла свое

---

[35]) *Herm. J. Klein:* «Wie viele Jahre besteht unser Erdball?» (1868), стр. 33. По разсчету Уил. Томсона («Phil. Magaz.» Jan. 1863), принятому и Дж. Кроллемъ («On Geological Time» etc. въ «Phil. Magaz.» May, Aug., Nov. 1868), время существованія нашей земли съ эпохи образованія коры не могло превзойти 100 милліоновъ лѣтъ, но этотъ разсчетъ едва-ли можно признать вѣрнымъ. Возраженія см. между прочимъ въ *Ch. Lyell*: «Principles of Geology» (11 изд., 1872), стр. 277 и слѣд.

[36]) На различіе экваторіальныхъ діаметровъ земли, которое было предметомъ работъ Шуберта («Essai d'une determination de la veritable figure de la terre»)и Клэрка (въ Memory of the royal astron. Soc. XXIX), обратили въ самое послѣднее время вниманіе Локайеръ въ примѣчаніи къ переводу «Le ciel» Гильемэна на англійскій языкъ, и Гиндъ въ «Nature», т. X, № 244, 2 іюля 1874 г.

[37]) Въ послѣдніе годы разстоянія между тѣлами солнечной системы признаны меньшими, чѣмъ они до тѣхъ поръ считались. Это—результатъ работъ Виннеке, Стона, Повалки и Ньюкомба въ 1862—1867 годахъ, и его предстоитъ провѣрить во время прохожденій Венеры чрезъ дискъ солнца въ нынѣш-

*

положеніе въ пространствѣ и описывала полный кругъ въ періодъ около 21.000 лѣтъ, и линія пересѣченія плоскости орбиты съ плоскостью экватора планеты измѣняла также постоянно свое положеніе, производя предвареніе равноденствій, совершающее круговой циклъ въ 25.000 лѣтъ. Планету эту сопровождалъ въ 49 разъ меньшій по объему и почти вдвое менѣе плотный спутникъ, движущійся по эллипсу при средней величинѣ радіуса вектора около 50.000 геогр. миль и съ эксцентрицитетомъ около 0,055 большой оси, со среднею скоростью въ $^2/_{15}$ геогр. мили въ $1''$, совершая полный оборотъ въ 27 дней, 7 часовъ, $43',11^1/_2''$. Онъ обращалъ къ землѣ постоянно одну и ту же сторону, но освѣщенная солнцемъ сторона его, въ различныхъ своихъ положеніяхъ относительно земли, представляла фазисы, совершавшіе полный циклъ въ 29 дней, 18 часовъ, $22'$, $1^9/_{20}''$. Отъ своего центральнаго тѣла земля получала, конечно, въ началѣ своего существованія гораздо болѣе теплоты и свѣта, чѣмъ теперь, а теперь теплота, получаемая ею отъ солнца въ продолженіе года, была бы достаточна для растопленія 98 футоваго слоя льда на земной поверхности; свѣтъ его превосходитъ въ $2^1/_2$ раза самый яркій (электрическій) свѣтъ, который мы можемъ вызвать искусственно. Отъ своего спутника земля получала при полнолуніи свѣтъ въ 300.000 разъ меньшій свѣта солнца [38]).

Лишь съ тѣхъ поръ, когда наша земля погасла какъ особая звѣзда и ея существованіе прекратилось для всѣхъ существъ другихъ солнечныхъ системъ, насколько эти существа имѣютъ возможность созерцать небесныя тѣла и изучать ихъ,—лишь съ тѣхъ поръ могла не начаться, но лишь подготовляться на этой погасшей звѣздѣ *земная* исторія существъ, которыя должны были на ней развиться въ милліоны тысячелѣтій ея существованія.

немъ (1874) и въ 1882 годахъ. См. параграфы, относящіеся къ развитію астрономической мысли въ послѣднихъ двухъ книгахъ. По Леверрье эксцентрицитетъ земной орбиты колеблется между величинами 0,003314 и 0,07775; теперь убываетъ и будетъ еще убывать въ продолженіе 23.980 лѣтъ. Дж. Кролль вычислилъ («On Geolog. Time») таблицу измѣненія эксцентрицитета для послѣднихъ 3.000.000 лѣтъ и нашелъ для его наибольшей величины три періода: первый между 2.630.000 и 2.460.000 лѣтъ до нашего времени; второй—между 980.000 и 720.000; третій—между 240.000 и 80.000. О геологическомъ значеніи этихъ періодовъ см. § 3 этой книги.

[38]) Немногія данныя, здѣсь собранныя, даны приблизительно. Точные результаты будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

ГЛАВА II.

Геологическая основа исторіи мысли.

§ 2. Геологическіе процессы. Происхожденіе состава земной коры.

Космическіе процессы подготовили основной вещественный матеріалъ мысли и объединили почву для ея развитія. На этой почвѣ стали совершаться дальнѣйшіе *геологическіе* процессы, которые распредѣлили твердое и жидкое вещество поверхности потухшей звѣзды въ опредѣленныя формы материковъ и океановъ, въ хребты горъ и въ равнины, направили опредѣленнымъ образомъ теченіе рѣкъ, распредѣлили климатическія условія, скопили въ разныхъ мѣстностяхъ различный минералогическій матеріалъ для будущей почвы растительнаго міра, для будущей техники ремеслъ, подготовили тѣмъ самымъ возможность жизни и развили ее, подготовили косвенно, въ жизненномъ процессѣ, и мысль, доставляя ей условія развитія и матеріалъ, на которомъ она могла развиться. «Вліяніе формъ почвы на ея обитателей—пишетъ Котта[1])—весьма разнообразно; его трудно прослѣдить во всѣхъ его частностяхъ и еще труднѣе предсказать заранѣе». Тѣмъ не менѣе, это вліяніе существуетъ и можетъ быть указано, если не въ частностяхъ, то въ общихъ чертахъ. Именно эта сторона геологическихъ процессовъ должна быть здѣсь разсмотрѣна: прямое подготовленіе жизни, косвенное подготовленіе мысли, распредѣленіе формъ материковъ и водъ, установившее если не самую исторію мысли, то ея рамки.

Но геологія, именно въ нынѣшнемъ ея состояніи, представляетъ крайне мало данныхъ для возстановленія точной исторіи геологическихъ процессовъ съ ихъ древнѣйшаго періода. Сравнительно съ величиною радіуса земнаго сфероида, изслѣдованія проникли весьма не глубоко[2]); мы знаемъ лишь самую поверхностную часть земной коры; ея составъ возбуждаетъ до сихъ поръ споры между авторитетами въ геологіи относительно дѣятелей, оставившихъ въ этомъ составѣ слѣды своего дѣйствія. Недавняя теорія внезапныхъ и громадныхъ міровыхъ катастрофъ,

---

[1]) *Bernh. Cotta*: «Geologie der Gegenwart» (3 изд. 1872), 405. Ср. прим. 14 къ § 5 книги I, стр. 65—66 этого тома.

[2]) Около $^1/_{10}$ геогр. мили, слѣдовательно менѣе $^1/_{8500}$ доли радіуса земнаго сфероида. См. между прочимъ *G. H. Otto Volger*: «Erde und Ewigkeit» (1857), 58.

неимѣющихъ ничего общаго съ настоящимъ нашей планеты [3]), точно также какъ неоспоримое тому нѣсколько десятковъ лѣтъ огненное происхожденіе нѣкоторыхъ минераловъ, горныхъ породъ и формацій, теперь или совершенно оставлены, или представляютъ предметъ прямо противоположныхъ выводовъ, дѣлаемыхъ замѣчательными изслѣдователями [4]). Кромѣ новыхъ лавъ, ни одной породѣ нельзя теперь приписать безспорно огненнаго происхожденія. Въ самыхъ глубокихъ достигнутыхъ нами слояхъ (такъ называемой лаврентійской формаціи) мы находимъ даже организмы [5]), слѣдовательно доказательства весьма поздняго образованія. Ни объ одномъ слоѣ, намъ доступномъ, мы не можемъ сказать навѣрное, что онъ не есть результатъ многократныхъ механическихъ и химическихъ переработокъ [6]). Единственное положеніе, которое мы можемъ съ увѣренностью высказать относительно части земной коры, доступной нашимъ изслѣдованіямъ, есть слѣдующее: нѣтъ ни одного факта, наблюдаемаго въ строеніи этой коры, который былъ бы необъяснимъ дѣйствіемъ процессовъ, и теперь продолжающихъ измѣнять видъ земной поверхности; все, что мы наблюдаемъ, все, о чемъ мы можемъ заключить на основаніи наблюдаемаго, сводится на небольшое распространеніе положенія, высказаннаго нами въ предыдущемъ параграфѣ и относительно всего пространства: вѣчное движеніе, вѣчное измѣненіе охватывало и охватываетъ всѣ частицы вещества, входящаго въ составъ нашей земли, и это движеніе, это измѣненіе всегда совершалось такимъ же образомъ, тѣми же дѣятелями, которыми оно совершается и теперь. Огромное большинство геологическихъ явленій есть продуктъ единообразныхъ процессовъ, медленно дѣйствовавшихъ въ продолженіе громадныхъ періодовъ времени. Ляйель могъ въ 11-мъ изданіи своихъ «Началъ геологіи» въ 1872 году буквально перепечатать слова, написанныя имъ въ 1830 г. [7]): «Нельзя сомнѣваться, что періоды переворотовъ и покоя слѣдовали одинъ за другимъ въ каждой мѣстности на нашей землѣ, но можно считать одинаково вѣрнымъ, что энергія

---

[3]) Она будетъ изложена въ книгѣ IX, въ главахъ: «Развитіе геологіи», «Космосъ», «Теорія строенія міра» первыхъ трехъ отдѣловъ этой книги.

[4]) Объ этомъ см. ниже въ концѣ параграфа.

[5]) См. въ слѣдующей главѣ.

[6]) Довольно-консервативный Котта говоритъ объ осадочныхъ слояхъ (стр. 39): «они почти всѣ до нѣкоторой степени измѣнены (umgewandelt)». Для приверженцевъ всеобщаго метаморфизма нѣтъ, конечно, ни одной неизмѣненной породы или формаціи. Для приверженцевъ водно-огненныхъ (hydato-pyrogen) процессовъ, такихъ очень мало.

[7]) *Ch. Lyell:* «Principles of Geology», I; 1 изд. (1830), стр. 64; 11 изд. (1872) стр. 77.

подземныхъ движеній была всегда единообразна, если разсматривать *всю землю* въ цѣломъ. Сила землетрясеній могла, въ продолженіи опредѣленнаго цикла времени, быть неизмѣнно-ограничена, какъ теперь, обширными, но опредѣленными мѣстностями, и потомъ могла перемѣщаться, такъ что другая мѣстность, бывшая въ покоѣ въ продолженіи длинныхъ періодовъ, становилась въ свою очередь великою сценою дѣйствія». Съ тѣмъ же авторомъ [8]) мы имѣемъ право сказать: «Если что-либо остается для насъ сомнительнымъ или темнымъ, намъ слѣдуетъ приписать это нашему ограниченному знакомству съ законами природы, а не нарушеніямъ ея порядка».

Но это единообразіе процессовъ, которое побудило нѣкоторыхъ изслѣдователей даже поставить гипотезу о *вѣчномъ* существованіи нашей земли съ вѣчно-повторяющимися ея измѣненіями [9]), приходится примирить съ тою теоріею развитія міровъ, которая указана въ предыдущемъ параграфѣ,—съ теоріею земли, какъ потухшей звѣзды, какъ остывшей туманности, прошедшей чрезъ состояніе сфероида расплавленной жидкости. Хотя нѣкоторые ученые считаютъ или вовсе ненаучнымъ разсмотрѣніе этого вопроса [10]), или даже противопоставляютъ этому взгляду другія геологическія соображенія [11]), однако большинство современныхъ геологовъ находитъ болѣе вѣскими аргументы, связывающіе геологическія теоріи съ астрономическою гипотезою туманностей,

[8]) *Ch. Lyell:* «Princ. of Geol.» (11 изд. 1872), I, 235.

[9]) «Ни одно изъ отношеній, доступныхъ нашему наблюденію—пишетъ Г. Г. О. Фольгеръ («Erde und Ewigkeit» 1857, стр. 15)—не позволяетъ намъ допустить, что цѣпь явленій, представляемыхъ намъ поверхностью нашей земли, когда-либо имѣла начало, когда-либо будетъ имѣть конецъ» Эту мысль какъ-будто защищаетъ и *Ф. Моръ:* «Исторія земли» (русск. пер. 1868), который говоритъ (стр. 29): «Самыя значительныя измѣненія земли основываются на *вѣчномъ* круговоротѣ между сушею, моремъ и воздухомъ» (ср. стр. 194 и въ друг. мѣст.); однако нѣкоторыя его выраженія (стр. 451, 483 и др.) упоминаютъ о «происхожденіи» солнечной системы, объ «образованіи» земли—хотя изъ скопленія аэролитовъ (см. § 1 прим. 17).

[10]) «Вопросъ о первобытномъ капельно-жидкомъ состояніи (земли)—пишетъ Ляйель («Pr. of Geol.» 11 изд. 1872, I, стр. 234)—хотя и составляетъ предметъ законнаго умозрѣнія для физика, но мало входитъ въ изслѣдованія геолога. Этотъ вопросъ можетъ относиться къ положенію вещей, предшествовавшему самыя раннія свидѣтельства на промежутокъ времени, въ нѣсколько разъ бо́льшій, чѣмъ весь рядъ геологическихъ періодовъ, намъ извѣстныхъ». О времени, необходимомъ для остыванія земли изъ расплавленнаго состоянія см. ниже прим. 20.

[11]) Они неизбѣжны для тѣхъ, которые, въ космогоническихъ теоріяхъ, допускаютъ образованіе небесныхъ тѣлъ изъ накопленія твердыхъ элементовъ. См. кн. I. § 1, прим. 17.

переходящихъ чрезъ капельно-жидкое состояніе; геологическія теоріи, указывающія за всѣми геологическими періодами эпоху, когда наша земля была расплавленнымъ сфероидомъ; теоріи, допускающія и теперь существованіе внутри нашей планеты расплавленнаго ядра. Эти аргументы находятъ геологи въ формѣ земли, въ увеличеніи температуры слоевъ при постепенномъ углубленіи въ почву (хотя и весьма незначительномъ до сихъ поръ) и т. п. [12]). Все это позволяетъ говорить объ *исторіи земли*, о геологическомъ генезисѣ настоящаго ея состава и настоящихъ ея формъ, хотя все, что приходится здѣсь высказывать, есть, при настоящемъ состояніи геологическаго знанія, не безспорный научный выводъ, но наиболѣе вѣроятное соглашеніе всѣхъ фактовъ, получаемыхъ въ результатѣ геогностическихъ и минералогическихъ наблюденій, и приложеніе механическихъ, физическихъ и химическихъ законовъ къ наиболѣе простому объясненію этихъ наблюденій. Причемъ всю эту, давно минувшую исторію земли приходится возстанавливать по немногимъ, самымъ послѣднимъ ея страницамъ, начертаннымъ на слояхъ коры намъ доступныхъ, слояхъ, по всей вѣроятности, весьма поздняго происхожденія. Все это достаточно оправдываетъ и продолжающіеся споры геологическихъ школъ, и неувѣренность, съ которою приходится говорить о всѣхъ, болѣе или менѣе принятыхъ результатахъ генезиса земли.

Когда звѣзда, составлявшая нашу землю, потухла окончательно, это явленіе соотвѣтствовало образованію на ея поверхности коры шлаковъ, которую не въ состояніи уже была разорвать расплавленная жидкость, заключавшаяся подъ этою которою. Затѣмъ эта кора стала наростать снизу застываніемъ новыхъ слоевъ внутренняго ядра, наростать сверху переходомъ въ нее новыхъ веще ствъ изъ газообразной атмосферы, ея окружавшей. Механическіе, физическіе и химическіе процессы, при этомъ происходившіе, дали начало разнообразію минеральнаго

[12]) Наиболѣе авторитетныя современныя руководства, гдѣ расплавленное состояніе земнаго сфероида входитъ какъ безспорный періодъ въ исторію развитія земли, суть *Bernh. Cotta:* «Geologie der Gegenwart» (3 изд. 1872) и *Hermann Credner:* «Elemente der Geologie» (1872), по богатству и систематичности содержанія едвали не лучшее изъ современныхъ руководствъ, несмотря на нѣкоторую консервативность автора и нѣкоторую шаткость иныхъ мнѣній (см. напр. ниже прим. 14). Читатель найдетъ въ упомянутыхъ трудахъ и аргументы за существованіе въ настоящемъ расплавленнаго ядра внутри земли. Эти аргументы довольно удачно сгруппированы и г. *Вейденбаумомъ* въ его статьѣ «Современныя теоріи мірозданія» въ «Знаніи» 1871, іюль, стр. 111 и слѣд.

состава этой первобытной коры, состава, при всемъ его разнообразіи, несравненно болѣе простаго и однороднаго, чѣмъ нынѣшняя земная кора. *Минералы* этой первобытной коры уже образовали въ своей смѣси первобытныя *горныя породы* и эти породы сливались въ одну первобытную *формацію*. Всѣ современные минералы, горныя породы, формаціи представляютъ лишь переработку этого основнаго геологическаго матеріала съ прибавленіемъ того, который окружалъ его, находясь еще въ газообразномъ состояніи [13]). По всей вѣроятности мы не имѣемъ нигдѣ предъ собою остатковъ этой первобытной коры [14]), но, по мнѣнію геологовъ, она должна была состоять преимущественно изъ кремнекислыхъ соединеній, именно съ преобладаніемъ кремнезема [15]).

При продолжающемся остываніи, на поверхность земной коры опустилась масса воды при температурѣ, далеко превосходившей нынѣш-

---

[13]) Креднеръ говоритъ (стр. 268): «Весь рядъ слоевъ съ древнѣйшей группы до осадковъ нашихъ водъ получилъ главную массу своего матеріала отъ разрушенія, комбинированія и переработыванія первобытной застывшей коры»; и въ другомъ мѣстѣ (стр. 211): «Этотъ матеріалъ первобытной застывшей коры находится.... въ непрерывномъ кругооборотѣ и появляется все въ новомъ видѣ и въ новой формѣ. Онъ увеличивается и разнообразится продуктами вулканизма.... и углекислотою, постоянно отнимаемою у атмосферы и принимающею важное участіе.... въ образованіи ряда осадочныхъ слоевъ. Тоже можно сказать о водѣ».

[14]) Геологи вообще какъ бы колеблются рѣшить этотъ вопросъ. Котта пишетъ («Geolog. d. Geg.» 37): «Невозможно опредѣлить, куда принадлежитъ первоначально-застывшая кора земли, къ кислотнымъ или къ основнымъ породамъ, такъ какъ мы ее навѣрнос не знаемъ». Тѣмъ не менѣе онъ въ другомъ мѣстѣ (15) говоритъ о гнейсахъ и сланцахъ: «Возможно, что часть ихъ произошла отъ первобытнаго застыванія земной коры» (Ср. стр. 17). Ляйель говоритъ («Pr. of Geol.» 11 изд., I, 234): «Трудно указать хотя бы одну массу вулканическихъ или плутоническихъ породъ, которая была бы древнѣе древнѣйшихъ извѣстныхъ органическихъ остатковъ». Креднеръ принимаетъ въ этомъ вопросѣ тоже крайне колеблющееся положеніе. Въ одномъ мѣстѣ (268) онъ говоритъ: «Представляется сомнительнымъ, доступна ли гдѣ нибудь эта первобытная кора нашему наблюденію на поверхности земли. Можетъ быть это можно сказать о нижнихъ гнейсахъ лаврентійской формаціи». Въ другомъ (210): «Нѣкоторые гнейсы считалось возможнымъ разсматривать, какъ ея (первобытной коры) представителей, но существованіе древнѣйшихъ застывшихъ породъ (Erstarrungsgesteine) еще ни на одной точкѣ земли не доказано; напротивъ, повидимому, гнейсы, которые имѣются въ виду, принадлежатъ къ древнѣйшей осадочной формаціи». Еще въ другихъ мѣстахъ (231, 268) онъ говоритъ уже безъ всякаго колебанія о «выдѣленіи» первобытнымъ моремъ «кристаллическаго матеріала гнейсовъ и слюдяныхъ сланцевъ» и о лаврентійской формаціи, какъ «продуктѣ древняго моря».

[15]) См. *H. Credner:* «El. d. Geol.» 268.

нюю температуру осѣданія водяныхъ паровъ, вслѣдствіе значительнаго давленія атмосферы, заключавшей всю углекислоту, находящуюся нынѣ въ минеральномъ и въ органическомъ мірахъ [16]). Горячій океанъ покрылъ ровнымъ слоемъ поверхность первобытной коры и новый могучій дѣятель—*вода*—усложнилъ геологическіе процессы.

Насыщенная углекислотою, эта горячая вода первобытнаго океана немедленно начала свое разрушающее и разлагающее дѣйствіе на минеральный составъ первобытной коры. Въ тоже время въ остывающей корѣ, при ея сжиманіи, стали происходить складки, неровности, трещины, опущеніе однихъ частей, поднятіе другихъ. Первый процессъ далъ начало разнообразію *состава* земной коры, второй—разнообразію ея *формъ*. Тотъ и другой, совершавшіеся во время всѣхъ неизмѣримыхъ геологическихъ періодовъ, продолжаютъ совершаться и въ историческій періодъ жизни человѣчества. Механическіе и химическіе дѣятели разнообразятъ матеріалъ минераловъ, горныхъ породъ, формацій. Они разнообразятъ и формы материковъ, очерки океановъ, направленія хребтовъ горъ, высоту равнинъ, изгибы рѣкъ и океаническихъ теченій. Ихъ дѣятельность и представляетъ источникъ того единообразія, которое указано выше, какъ единственный безспорный результатъ геологіи. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ указанію главныхъ результатовъ ихъ дѣятельности, необходимо указать на два ранніе момента геологической исторіи земли, существенно важные для того геологическаго подготовленія мысли, которое составляетъ главный предметъ нашего разсужденія.

Когда температура океановъ понизилась до той степени, при которой возможно существованіе бѣлковины безъ свертыванія, то могли произойти *организмы*, которые въ развитіи своихъ формъ и видовъ подготовили мысль вообще и человѣческую мысль, какъ частный случай первой. Я оставлю ихъ разсмотрѣніе до слѣдующей главы, но нахожу нужнымъ теперь же упомянуть о нихъ, вопервыхъ какъ объ одномъ изъ весьма могучихъ геологическихъ дѣятелей [17]), вовторыхъ потому, что при настоящемъ состояніи геологіи остатки организмовъ представляютъ все еще одно изъ самыхъ надежныхъ средствъ для распредѣленія (хотя бы приблизительно) геологическаго времени на періоды. Появленіе организмовъ приходится отнести къ весьма ранней геологической эпохѣ, потому что уже древнѣйшій, намъ извѣстный,

---

[16]) Тамъ же, 231.

[17]) См. *H. Credner*: «El. d. Geol.», 168 и слѣд.; *B. Cotta:* «Geol. d. Gegenwart», 99 и слѣд.; *G. H. O. Volger:* «Erde u. Ewigkeit», 376 и сл., 391 и слѣд.

остатокъ органическаго существа, *животное зари* (Eozoon), представляетъ организмъ, весьма далеко подвинувшійся на пути развитія органическихъ формъ [18]), а онъ принадлежитъ древнѣйшей формаціи, намъ доступной.

Мало по малу пониженіе температуры земной коры шло и далѣе. При малой теплопроводимости веществъ, ее составляющихъ, сравнительно скоро должно было прекратиться всякое вліяніе внутренняго, расплавленнаго ядра земли на ея поверхность. Это имѣло два слѣдствія. Во первыхъ процессы, совершающіеся въ той части земной коры, которая одна находится въ сообщеніи съ ея поверхностью, процессы, опредѣляющіе *формы земной поверхности*, почти вполнѣ (внѣ вулканическаго дѣйствія) обособились отъ процессовъ, совершающихся на большихъ глубинахъ. На опредѣленномъ разстояніи отъ земной поверхности, разстояніи, измѣняющемся въ незначительныхъ предѣлахъ [19]), распростерся внутри земной коры слой постоянной температуры, которымъ ограничено вліяніе температуры внутренняго расплавленнаго ядра (на сколько можно допустить его существованіе). Этотъ слой, на неизвѣстной намъ глубинѣ, долженъ во всѣхъ широтахъ имѣть одну и туже температуру, зависящую исключительно отъ жара расплавленнаго ядра; на верхней же поверхности, лежащей весьма неглубоко, его постоянная температура, полученная въ результатѣ внутренняго и внѣшняго нагрѣванія, соотвѣтствуетъ средней температурѣ мѣстности. Надъ этимъ слоемъ температура земной поверхности стала измѣняться въ зависимости отъ внѣшнихъ вліяній; именно, температура разныхъ точекъ земной поверхности и метеорологическіе процессы, на нихъ совершающіеся, стали въ прямую зависимость отъ измѣняющихся астрономическихъ условій, существующихъ для каждой точки земной поверхности. *Распредѣленіе климатовъ* установилось независимо отъ происхожденія земли и отъ состоянія ея внутренности. Среди минераловъ земной поверхности появился новый минералъ—*ледъ*. Полюсы земли и вершины горъ покрылись ледяными шапками, и *ледники* вступили въ число геологическихъ дѣятелей на земной поверхности. Промежутокъ времени,

---

[18]) См. слѣдующую главу.

[19]) Глубина верхней поверхности этого слоя зависитъ какъ отъ широты мѣста, такъ и отъ теплопроводимости почвы въ данной мѣстности. Вообще говоря, въ сѣверной Европѣ эта глубина колеблется около 24 метровъ, но, по опытамъ Форбэса, для иныхъ породъ доходитъ до 32метровъ. Въ тропическихъ и въ полярныхъ странахъ верхняя поверхность слоя постоянной температуры лежитъ, повидимому, гораздо ближе къ поверхности. См. *Elisée Reclus:* «La terre», II, (1869) 467 и слѣд.

который долженъ былъ пройдти отъ эпохи, когда впервые образовалась земная кора, до той, когда климаты на поверхности земли перестали находиться подъ вліяніемъ внутренняго жара земнаго ядра, по вычисленіямъ различныхъ ученыхъ, могъ имѣть весьма различную продолжительность [20]).

Разсмотримъ же измѣненіе *состава* земной коры вслѣдствіе совокупнаго вліянія перечисленныхъ дѣятелей; разсмотримъ измѣненіе *формъ* земной поверхности вслѣдствіе этого же вліянія, постараемся разглядѣть хотя кое что въ исторіи земли, которую эти дѣятели безсознательно подготовляли для *человѣческой* исторіи.

Въ первобытномъ морѣ, повидимому, преобладали химическіе процессы и точка кристаллизаціи многочисленныхъ веществъ, находившихся при этомъ въ растворѣ, зависѣла отъ ихъ отношенія къ другимъ веществамъ, содержавшимся въ томъ же растворѣ, въ химическомъ соединеніи или въ механической примѣси. Это отношеніе измѣнялось, смотря по тому, насколько быстро, и въ какомъ количествѣ выдѣлялись при этомъ одни минералы, растворялись или размывались другіе. Вслѣдствіе этого, въ горячемъ морѣ могли происходить поразительныя измѣненія въ порядкѣ осадковъ, и минералы, имѣющіе совершенно иныя точки кристаллизаціи въ чистой водѣ, могли кристаллизоваться одновременно, или, даже, въ порядкѣ, противуположномъ тому, который даютъ опыты въ лабораторіяхъ [21]). Эти первобытные кристаллическіе осадки, по гипотезѣ здѣсь принятой, дали основной кристаллическій матерьялъ гнейсовъ и слюдяныхъ сланцевъ. Затѣмъ, когда охлажденіе моря ослабило химическое дѣйствіе воды и дало преобладаніе механическому, произошли тѣмъ же путемъ различные слои глинистыхъ сланцевъ.—Мы увидимъ, впрочемъ, ниже, что, по крайней мѣрѣ для части этихъ породъ, можно допустить и совершенно иной способъ происхожденія.

Въ послѣдующіе періоды, къ которымъ преимущественно относятся

---

[20]) Изъ сказаннаго въ концѣ предыдущаго параграфа видно, что этотъ промежутокъ времени не могъ превосходить 4000 милліоновъ лѣтъ. Но нѣкоторыя вычисленія, опирающіяся на опыты остыванія горныхъ породъ, даютъ бо́льшія числа. Основные опыты остыванія базальта, произведенные Густ. Бишофомъ, указаны въ его «Die Wärmelehre des Innern unsers Erdkörpers» etc. (1837) стр. 479 и слѣд., и въ друг. его трудахъ. Фольгеръ приходитъ («Erde u. Ewigkeit», 540) къ громадному числу—4.000.000.000.000 лѣтъ. Съ другой стороны Уил. Томсонъ («Phil. Mag.» Jan. 1863) считаетъ, что этотъ промежутокъ не могъ превосходить 10,000 лѣтъ.

[21]) См. *H. Credner:* «Elem. d. Geol.» (1872), 231; ср. 207.

аналогіи настоящаго времени, въ періоды, когда отложились почти всѣ слои земной коры, подлежащіе нашему изслѣдованію, механическое дѣйствіе воды было преобладающимъ агентомъ геологическихъ переворотовъ. «Полагали,—пишетъ Креднеръ [22])—что отъ громадныхъ результатовъ слѣдуетъ заключить о громадности дѣйствовавшихъ силъ, и подъ конецъ удивились, найдя въ проникающей повсюду *капли воды* тотъ элементъ, который, въ своей тихой, но безостановочной дѣятельности, составляетъ основную причину современнаго строенія земной поверхности». Вода дѣйствуетъ механически, разрушая и перенося измельченныя массы горныхъ породъ. Она дѣйствуетъ химически, растворяя, разлагая и размывая горы. Она дѣйствуетъ физически, измѣняясь въ объемѣ при замерзаніи и разрывая самыя могучія скалы, въ трещины которыхъ она проникла. Изъ дождевыхъ капель собираются слабые ручейки, прорѣзывающіе себѣ сначала едва замѣтный путь въ скалахъ; эти ручейки скопляются въ могучій горный потокъ, который прорываетъ горное ущелье; потоки собираются въ рѣки, ложа которыхъ образуютъ обширныя долины; эти рѣки вливаются въ озера и моря; и отсюда, отложивъ все ею растворенное и размытое, вода снова поднимается парами, чтобы скопиться въ тучи и возобновить свой вѣчный круговоротъ разрушенія всего твердаго. На этомъ пути она совершила уже много своего разрушающаго дѣйствія на землѣ и подъ землею. Куски скалъ, ослабленныхъ ея внутреннимъ дѣйствіемъ, оторваны потоками дождя, или замерзаніемъ просочившейся въ скалы воды. Увлеченные ручьями и горными потоками, обтираясь другъ о друга, они округляются и уменьшаются въ объемѣ; обращаются въ хрящъ, въ мелкій песокъ, въ илъ и муть, которыя текутъ съ ручьями, потоками, рѣками. «Въ зеркально-ясной водѣ ключей — пишетъ Фольгеръ [23]) — текутъ утесы; горы льются невидимо въ волнахъ потоковъ мимо насъ непрерывно и неудержимо». Внутри земли дѣйствіе воды еще усиливается поглощенною ею углекислотою. Она проникаетъ во всѣ породы и разрушаетъ въ теченіи времени механически или химически всѣ минеральныя соединенія. Громадныя массы породъ исчезаютъ внутри земли отъ дѣйствія микроскопическихъ капель, оставляя за собою пустоты, пока ихъ крыша не въ состояніи долѣе удержаться. Она обрушается наконецъ, заваливая подземныя пещеры, простирающіяся на огромныя пространства, вызы-

---

[22]) Тамъ же, 138.

[23]) *G. H. O. Volger:* «Erde und Ewigkeit» (1857), 220.—По вычисленію Кролля (Phil. Mag. XXXV, 379), беря за точку сравненія дѣйствіе Миссисипи, весь материкъ Америки былъ бы смытъ до уровня океана въ теченіи 4.500.000 лѣтъ.

вая явленія землетрясенія, производя трещины въ почвѣ и мѣстное ея пониженіе.

Но рядомъ съ этимъ разрушительнымъ процессомъ дѣйствія воды, идетъ и новообразованіе. Минеральные ключи несутъ свое содержимое на поверхность болѣе глубокихъ мѣстностей и осаждаютъ продукты своей растворяющей и размывающей дѣятельности. При всякомъ замедленіи теченія, при всякомъ препятствіи дальнѣйшему движенію, ручьи, потоки, рѣки отлагаютъ болѣе или менѣе обтертые, измѣльченные осадки; подобные осадки ложатся на дно озеръ, на дно морей, образуя *осадочные слои* и *осадочныя формаціи*. Если бы дѣйствіе воды на земную поверхность одно имѣло мѣсто въ продолженіе неопредѣленнаго періода времени, то всѣ высоты были бы разрушены и снесены въ долины; всѣ впадины земной поверхности были бы наполнены, и земля получила бы, наконецъ, видъ ровнаго сфероида, покрытаго неглубокимъ безбрежнымъ океаномъ, тотъ самый видъ, который рисуется въ воображеніи геологовъ, какъ ея первоначальная форма, когда впервые вода опустилась изъ атмосферы на ея застывшую поверхность. Но этому *уравненію всего земнаго* мѣшаютъ вулканическія явленія, мѣшаетъ и дѣйствіе самой воды *внутри* земли, вымывая пустоты, производя обрушеніе, пониженіе и неровности почвы [24]).

Съ перваго появленія своего на земной поверхности вода начала свое разрушительное дѣйствіе на первобытную застывшую кору. Изъ этой коры она заимствовала первый матерьялъ, который она размыла и растворила, унесла въ видѣ механической примѣси и отложила въ другомъ мѣстѣ. Съ этимъ первымъ отложеніемъ начали происходить *осадочныя породы* и составились изъ нихъ *осадочныя формаціи*, образовавшія всю извѣстную намъ кору земли. На нихъ вода продолжала свое дѣйствіе химическое и механическое, переработывая постоянно свой матерьялъ, который увеличивался иногда вулканическими изліяніями лавъ на поверхность земли и переходомъ новыхъ веществъ и новаго количества воды изъ атмосферы на постепенно-охлаждающуюся почву.

Изъ описаннаго процесса дѣйствія воды, преимущественно механическаго, легко видѣть, въ какомъ видѣ должны представляться преимущественно минеральные матерьялы, намъ встрѣчающіеся. Смотря по близости того мѣста, откуда были оторваны куски скалъ, до того, гдѣ эти куски были отложены, они представляются въ видѣ угловатыхъ

[24]) См. *Ch. Lyell:* «Princ. of Geol.» (11 изд. 1872) I, 321 и слѣд.; II, 245, 249. Онъ, впрочемъ, развиваетъ лишь противоположеніе дѣятельности воды и огня, недостаточно обращая вниманіе на то обстоятельство, что подземное дѣйствіе воды неизбѣжно производитъ неровности на ея поверхности.

обломковъ, въ видѣ округленныхъ валуновъ, въ видѣ крупнаго хряща, въ видѣ мелкаго песка, наконецъ въ видѣ ила. Если промежутки между кусками наполняются мелкимъ илистымъ матерьяломъ, или минеральнымъ растворомъ или цементомъ, то эти первоначальные осадочные матеріялы переходятъ въ форму брекчій и конгломератовъ, въ песчаникъ, въ глину и, при значительномъ давленіи новыхъ слоевъ, на нихъ отложенныхъ, они даютъ твердую глину и сланцеватую глину или мергель и мергелевый сланецъ, смотря по своему содержанію. Таково большинство осадочныхъ слоевъ. Гораздо меньшее число ихъ образовалось химическимъ путемъ мѣстнаго испаренія растворовъ или произшедшихъ реакцій [25]).

Рядомъ съ этими продуктами дѣйствія *воды*, мы встрѣчаемъ въ древнее время, какъ и въ наше, продукты *вулканизма* и *метаморфизма*.

Въ расплавленномъ видѣ вытекали и вытекаютъ изъ жерлъ вулкановъ и изъ трещинъ земли лавы, остывающія на поверхности въ *вулканическія* породы, выдѣляются горячіе ключи, газообразныя вещества и пары воды, разнообразя составъ осадочныхъ породъ и формацій. Землетрясенія, внезапныя или непрерывныя поднятія и пониженія части почвы, измѣняютъ видъ земной поверхности. Таково дѣйствіе вулканизма, значеніе котораго для науки нашего времени значительно уступаетъ дѣйствію воды ([26]).

На осадочныя и вулканическія породы и формаціи дѣйствуютъ минеральные ключи и просачивающаяся вода, измѣняя строеніе минераловъ, составъ породъ въ новыя, часто кристаллическія отложенія, охватывая этою метаморфозою, по мнѣнію однихъ геологовъ, почти всѣ минеральныя соединенія, по мнѣнію другихъ, весьма значительную ихъ долю; такимъ же образомъ дѣйствуютъ иногда газообразныя вулканическія испаренія, подземные пожары каменнаго угля: наконецъ, вулканическіе минеральные потоки лавъ производятъ измѣняющее дѣйствіе на окружающія ихъ породы. При этомъ все таки присутствіе воды способствуетъ въ значительной степени совершенію метаморфозы, особенно если вода представляется, какъ вода *перегрѣтая*, т. е. при температурѣ, превосходящей точку кипѣнія, или въ видѣ паровъ. Тогда про-

---

[25]) См. *H. Credner*, 213.

[26]) О дѣйствіи вулканизма, см. *H. Credner*, 100 и слѣд.; *B. Cotta*, 120 и слѣд. Котта особенно напираетъ на разницу *вулканизма* и *плутонизма*, но она едва-ли можетъ быть поддержана и едва-ли не лучше согласиться съ Кредне-ромъ (205), что «предпочтительнѣе вовсе исключить названіе плутоническихъ (породъ)».

исходятъ водно-огненные (hydato-pyrogen) процессы, которыми въ послѣднее время объясняютъ многія геогностическія явленія, составляющія до сихъ поръ предметъ спора между геологами. Такимъ образомъ, рядомъ съ продуктами осажденія и вулканизма, мы встрѣчаемъ и *метаморфическія* породы. Еще недавно метаморфизмъ понимался въ геологіи въ совершенно иномъ смыслѣ. Допускалось, что громадные слои земной коры представляютъ намъ метаморфозу осадочныхъ слоевъ подъ вліяніемъ жара внутренняго расплавленнаго ядра, и рядъ формацій, строеніе которыхъ объяснялось этою теоріею, носилъ названіе метаморфическихъ [27]). Эти воззрѣнія почти безспорно принадлежатъ теперь прошедшему; если метаморфизмъ въ геологіи стремится теперь завоевать чуть не всю область минераловъ и горныхъ породъ, то совершенно въ иномъ смыслѣ. Вопросъ идетъ о томъ, насколько медленные и постоянно совершающіеся и въ наше время процессы механическаго, физическаго и химическаго дѣйствія воды, газовъ, теплоты и давленія могли дать начало всѣмъ предметамъ минеральнаго царства, подлежащимъ нашему наблюденію, или нѣкоторые минералы и породы должны быть выдѣлены изъ этого дѣйствія.

Продуктами первоначальнаго застыванія земной коры, продуктами осадочнаго дѣйствія воды, продуктами вулканизма и метаморфизма являются минералы, горныя породы и формаціи, и представляется вопросъ: насколько ихъ разнообразіе при нынѣшнихъ средствахъ различенія и отличенія ихъ, позволяетъ видѣть въ нихъ указанія на факты геологической исторіи?

Прежде всего приходится замѣтить, что способы *отличенія* въ мірѣ минераловъ, т. е. систематическое распредѣленіе ихъ на раціональныя группы [28]), въ настоящее время едвали не представляетъ болѣе затрудненія именно въ этой области, чѣмъ при большинствѣ другихъ классификацій. Понятіе о *видѣ*, еще недавно столь неприкосновенное, вызвавъ въ послѣдній періодъ страшную бурю въ наукахъ органическаго міра, подверглось сомнѣнію и въ мірѣ неорганическомъ; но если начало развитія могло придать научное направленіе новымъ работамъ этой области въ средѣ организмовъ, то оно отсутствуетъ среди неоживленнаго вещества и едва, въ самое послѣднее время, поднимается вопросъ о генезисѣ и о «превращеніяхъ вещества въ царствѣ минера-

---

[27]) О томъ, гдѣ имѣется въ виду указать мѣсто этихъ теорій въ развитіи геологической мысли, см. прим. 3 этого параграфа.

[28]) См. кн. I, §1, стр. 3, и прим. 5 тамъ же.

ловъ» [29]). Всѣ попытки, сдѣланныя до недавняго времени съ цѣлью связать классификацію минераловъ съ генетическимъ процессомъ земли, относились болѣе къ творчеству мысли, чѣмъ къ ея критической области [30]). Химія и кристаллографія пытались внести раціональную систему въ эту классификацію; новые минеральные виды появлялись и исчезали въ спискахъ ученыхъ изслѣдователей [31]), но нельзя сказать, чтобы нынѣшніе 700 (приблизительно) [32]) признанныхъ минераловъ представляли сколько нибудь удовлетворительную систему. Тѣмъ не менѣе теоретическія завоеванія химіи и особенно расширеніе микроскопическихъ изслѣдованій въ области минералогіи доставляютъ новый матеріалъ для обобщенія, который обѣщаетъ, какъ будто, привести въ скоромъ времени къ болѣе ясному пониманію группировки разнообразныхъ предметовъ минеральнаго міра, а, можетъ быть, и ихъ генезиса. Для наиболѣе распространенныхъ минераловъ вырабатываются болѣе широкія химическія обобщенія [33]). Рядомъ съ минералами, *явно* составляющими наибольшую часть состава кристаллической земной коры (полевой шпатъ, кварцъ, слюда, амфиболь, пироксенъ), относительно многихъ другихъ, считавшихся еще недавно болѣе или менѣе рѣдкими и характеристическими для опредѣленныхъ мѣстностей, оказалось, что они весьма распространены, какъ микроскопическіе элементы этого состава [34]). Породы, принятыя за простыя, оказались подъ микроскопомъ сложными. Въ минералахъ, считавшихся до сихъ

---

[29]) Эта мысль видна вообще въ трудахъ А. Кнопа.

[30]) Примѣромъ тому можетъ служить классификація минераловъ на геолого-химическихъ началахъ, принятая Росси въ его «Nuovi principi mineralogici» (1857).

[31]) См. *Franz v. Kobell:* «Geschichte der Mineralogie» (1864), стр. 385.

[32]) По *H. Credner*, 17 и *Fr. v. Kobell*, 386.

[33]) См. труды Г. Чермака (Tschermak) и А. Стрэнга объ изоморфизмѣ полевыхъ шпатовъ и новѣйшія подтвержденія ихъ въ трудахъ *G. v. Roth:* «Ueber die chemische Zusammensetzung der Kalknatronfeldspate», и *A. v. Lasaulx:* «Petrographische Studien an den vulkanischen Gesteinen der Auvergne».

[34]) См. многочисленные современные труды Циркеля, Лазо, Фукса, Иностранцева, Бэренса и др.—Для фактовъ, добытыхъ ранѣе выхода его руководства, см. *H. Credner:* «Elem. d. Geologie» 23 и слѣд.—«Мы до тѣхъ поръ не будемъ имѣть удовлетворительной номенклатуры или классификаціи горныхъ породъ—пишетъ С. Ольпортъ (*S. Allport:* On the Midland basaltic rocks, въ «Geolog. Mag.» 1870, 162)—пока петрологисты не будутъ употреблять микроскопъ такъ же часто, какъ другіе естествоиспытатели». См. въ томъ же томѣ его же: «The Microscopical examination of rocks and minerals», 431 и слѣд.

поръ безспорно-огненнаго происхожденія, открыли механическое включеніе соленой воды и это поколебало въ основѣ прежніе взгляды на ихъ генезисъ [35]). Многое уже сдѣлано въ направленіи къ разгадкѣ генезиса минераловъ въ связи съ генезисомъ земли, но настоящее положеніе работъ не позволяетъ еще, даже гадательно, составить очеркъ генетическаго рода минераловъ.

Нельзя сказать, чтобы подобный вопросъ былъ поставленъ на весьма опредѣленную почву и относительно горныхъ породъ. Приведемъ по этому поводу слова одного изъ наиболѣе консервативныхъ геологовъ нашего времени. «Было время — пишетъ Котта [36]) — когда думали, что всѣ ..... горныя породы, изъ которыхъ состоитъ земная кора, могутъ быть ..... не только, сравнительно, легко опредѣляемы, но что изъ ихъ строенія можно всюду узнать, *какъ* и *когда* онѣ произошли. Это время прошло; мы не можемъ разсматривать горныя породы, какъ минеральные виды.» «Почти ни одна порода — пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ [37]) — не осталась неизмѣнною такъ, какъ она произошла; но степень ихъ измѣненія весьма различна, смотря по ихъ первоначальному составу и по дѣйствовавшимъ на нихъ обстоятельствамъ. Безчисленныя постепенности подобныхъ превращеній первоначальнаго сложенія горныхъ породъ увеличили разнообразіе ихъ видоизмѣненій до безконечности и сдѣлали совершенно-невозможнымъ характеризовать и назвать всѣ эти различія; можно ихъ лишь обозрѣть, соединяя ихъ въ естественныя группы и это есть трудная задача ученія о горныхъ породахъ, которое никогда не имѣетъ передъ собою рѣзко-разграниченныхъ видовъ.»

При подобной шаткости классификацій, приходится составлять группы не на основаніи начала, заключающагося въ самыхъ предметахъ, нами разсматриваемыхъ, а на основаніи начала, почерпнутаго изъ содержанія цѣли, *для* которой мы разсматриваемъ предметъ. Горныя породы, какъ происшедшія въ процессѣ образованія земной

---

[35]) См. въ этомъ отношеніи замѣчательные опыты Пфаффа.—Котта, не имѣя возможности разъяснить эти факты, но не имѣя рѣшимости отказаться отъ теоріи огненнаго происхожденія породъ, о которыхъ здѣсь идетъ дѣло, просто говоритъ (41), что «вопросъ остается спорнымъ, и я не считаю себя призваннымъ обсудить его основательно». Креднеръ, опираясь на опыты Циркеля, Добрэ и др., пытается устранить значеніе факта теоріею водно-огненнаго (hydato-pyrogen) дѣйствія, о чемъ см. ниже.

[36]) *B. v. Cotta:* «Die Geol. d. Gegenw». (3 изд. 1872), 33.

[37]) Тамъ-же, 211.—И Креднеръ говоритъ (22): «Горныя породы не составляютъ рѣзко-ограниченныхъ видовъ, но допускаютъ переходъ въ другія горныя породы».

коры, давно уже были раздѣлены на *вулканическія*, *осадочныя* и *метаморфическія*. Съ другой стороны это грубое раздѣленіе, крайне затрудненное, какъ уже сказано выше, новѣйшими результатами изслѣдованій, приходится сообразовать съ болѣе точными попытками группировать породы по физическому различію ихъ окончательнаго происхожденія, по большей или меньшей простотѣ ихъ состава, по ихъ массивности или слоистости, по ихъ минеральному содержанію, и. т. д. [38]), такъ какъ все это можетъ въ бо̀льшей или меньшей степени указывать на ихъ генезисъ.

Поэтому, для удобства послѣдующаго объясненія, я раздѣлю горныя породы на слѣдующія группы:

I. Значительная часть породъ представляетъ какъ бы единую массу одновременнаго происхожденія, несмотря на разнообразіе составныхъ частей породъ. Въ этихъ *кристаллическихъ* породахъ можно отличить:

1. *Массивныя* кристаллическія породы смѣшаннаго состава, изъ которыхъ однѣ еще недавно считались первобытными, и во всякомъ случаѣ относятся и новыми геологами къ *древнѣйшимъ* [39]) (гранитъ, порфиръ, сіенитъ, діоритъ, діабазъ, габбро и т. под.); другія появились въ послѣдніе періоды исторіи земли, постепенно переходятъ къ новѣйшимъ лавамъ и потому носятъ названіе *новѣйшихъ* (трахиты,

---

[38]) Главныя основанія группъ, здѣсь принятыхъ, заимствованы у Креднера изъ классификаціи, внесенной имъ въ его «Elem. d. Geol.» 30 и слѣд.; но для цѣли этого труда не было необходимости ни принимать всѣ отдѣлы, имъ установленные, ни слѣдовать порядку ихъ распредѣленія, имъ принятому. Съ точки зрѣнія петрографіи его дѣленіе несравненно лучше, но въ отдѣлѣ *петрогенетической геологіи* (201 и слѣд.) онъ самъ принимаетъ не это дѣленіе, а тройное дѣленіе эруптивныхъ, осадочныхъ и метаморфическихъ породъ. Но принять это дѣленіе здѣсь, значило бы признать, что вопросъ о метаморфизмѣ породъ уже *рѣшенъ* въ геологіи и рѣшенъ именно такъ, какъ его считаетъ рѣшеннымъ Креднеръ. Взвѣсивъ доступные мнѣ аргументы, я не счелъ себя вправѣ принять подобное положеніе. Вообще, принятыя здѣсь группы имѣютъ въ виду преимущественно практическое удобство для слѣдующихъ затѣмъ разсужденій.—Котта принимаетъ (36 и слѣд.) дѣленіе настолько эмпирическое, что оно было совсѣмъ неудобно здѣсь. О *плутоническихъ* породахъ его см. выше, прим. 26.

[39]) См. *H. Credner*, 47, и таблицу Циркеля для массивныхъ кристаллическихъ породъ смѣшаннаго состава тамъ же, на стр. 48. Терминъ *базальты* онъ не считаетъ научнымъ, но не можетъ не употреблять его постоянно, какъ общеизвѣстную группу. Тѣмъ болѣе я счелъ себя вправѣ сдѣлать это.

*

базальты) кристаллическихъ породъ, хотя минералогическій составъ обѣихъ этихъ подраздѣленій совершенно одинаковъ.

2. *Слоистыя* кристаллическія породы смѣшаннаго состава, происхожденіе которыхъ составляетъ самый спорный вопросъ въ настоящее время (гнейсъ, слюдяный сланецъ, глинистый сланецъ и т. д.).

3. *Осадочныя* породы галоиднаго содержанія (извѣстняки, доломиты, мергели, ангидритъ, гипсъ, каменная соль.).

4. Болѣе *простыя* по составу кристаллическія массивныя породы, состоящія или исключительно изъ минераловъ семейства кварца (кремнистыя породы, Kieselgesteine) или изъ кремнекислыхъ солей щелочей, земель или металлическихъ окисловъ (амфиболитъ, хлоритовый сланецъ, тальковый сланецъ, серпентинъ) или изъ минераловъ съ большимъ содержаніемъ металла (преимущественно желѣзняковъ) или угля.

II. Кристаллическимъ породамъ можно противуположить *кластическія*, явно составленныя изъ обломковъ первыхъ, обломковъ, или вовсе не связанныхъ между собою, или связанныхъ, очевидно, впослѣдствіи, веществомъ, проникшимъ въ промежутки кусковъ, первоначально составлявшихъ породу.

Относительно генезиса этихъ породъ я не остановлюсь на вымирающемъ взглядѣ, по которому часть ихъ (именно гнейсы, недавно еще граниты) представляетъ намъ первобытную кору земли, и значительная доля сланцевъ — продукты метаморфозы, подъ вліяніемъ жара расплавленнаго ядра земли. Не буду говорить здѣсь и объ отложеніяхъ угля или вообще о геологическихъ продуктахъ органическаго міра, къ чему вернусь въ слѣдующей главѣ. Остановлюсь лишь на тѣхъ взглядахъ на генезисъ минераловъ, которые имѣютъ и въ наше время научное право спорить между собою.

По одному изъ господствующихъ взглядовъ [40]) первобытная кора земли, намъ неизвѣстная, покрылась всюду первой осадочной формаціей, состоящей частью изъ гранитовъ и породъ первой группы [41]) частью изъ гнейсовъ и сланцевъ второй [42]). Затѣмъ вулканическое дѣйствіе выводило на поверхность земли большую часть массивныхъ кристаллическихъ породъ, какъ древнѣйшихъ (гранитовъ, порфировъ, и т. д.), такъ и новѣйшихъ (базальтовъ и трахитовъ) [43]). Осадочныя породы

[40]) Это именно взглядъ, защищаемый Креднеромъ въ его руководствѣ, особенно въ отдѣлѣ «Petrogenetische Geologie»; онъ резюмированъ на стр. 231.

[41]) См. *H. Credner*, 49, 207.

[42]) Тамъ же, 227, 231 и въ др. мѣстахъ.

[43]) См. тамъ же, 203 и слѣд.

(третьей группы) обязаны своимъ происхожденіемъ частью мѣстному испаренію растворовъ, частью наступившей химической реакціи. Ключи, богатые минеральнымъ содержаніемъ, и средиземныя моря допускали образованіи нѣкоторыхъ породъ постепеннымъ испареніемъ жидкости. Такимъ образомъ, между прочимъ, должны были произойти во многихъ мѣстахъ слои гипса и каменной соли. Тамъ, гдѣ испареніе продолжало свое дѣйствіе до конца, на эти слои легли слои растворимыхъ солей магнезіи и кали; но во многихъ мѣстахъ воды, заключавшія въ растворѣ послѣднія соли, стекали ранѣе ихъ отложенія, оставляя за собою лишь осадки каменной соли [44]). Но большая часть осадочныхъ породъ—морскаго происхожденія, и здѣсь процессъ долженъ былъ быть гораздо сложнѣе, такъ какъ невозможно было простое выдѣленіе углекислой извести и углекислой магнезіи изъ двойныхъ углекислыхъ солей этихъ земель, въ томъ видѣ какъ эти соли находятся въ растворѣ морей. Но въ первобытномъ мірѣ дождевая вода должна была содержать болѣе кислоты, чѣмъ теперь, такъ какъ она проходила чрезъ слой воздуха, гдѣ находилась въ газообразномъ состояніи вся углекислота, теперь вошедшая въ, составъ разныхъ минеральныхъ породъ, въ составъ нынѣшнихъ растеній и тѣхъ, которыя образовали слои каменнаго угля, въ составъ алмазовъ и углеводородовъ горныхъ смолъ. Эта дождевая вода, богатая углекислотою, сильно дѣйствовала на кремнекислыя соли извести и магнезіи первоначальной коры, разлагая эти соли, и несла сильно-концетрированные растворы углекислыхъ солей тѣхъ же земель въ море, гдѣ онѣ должны были накопляться и обогащаться вслѣдствіе непрерывнаго испаренія воды. Долженъ былъ наступить наконецъ моментъ насыщенія и затѣмъ отложеніе углекислыхъ солей извести и магнезіи на дно морей въ видѣ доломитныхъ известняковъ. Тотъ же результатъ могъ получиться отъ дѣйствія щелочныхъ углекислыхъ солей (именно соды), происшедшихъ при разложеніи кремнекислыхъ соединеній, на хлористыя соли кальція и магнія [45]). Кристаллическія кварцевыя породы (четвертой группы) могли произойти лишь прямымъ химическимъ выдѣленіемъ кремнезема изъ раствора, или вслѣдствіе реакціи, наприм., воды съ небольшимъ содержаніемъ углекислоты на чрезвычайно разбав-

---

[44]) Самый полный примѣръ этого процесса представляютъ соляныя ломки въ Стасфуртѣ. Примѣры удаленія верхнихъ водъ прежде осѣданія легкорастворимыхъ солей встрѣчаются въ Величкѣ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ. См. работы Чермака за послѣдніе годы.—Ср. у *H. Credner*, 213 и слѣд.

[45]) Происхожденіе осадочныхъ породъ, см. *H. Credner*, 211 и слѣд. ср. 32.

ленный щелочной растворъ кремнезема [46]). Но весьма многія породы всѣхъ этихъ рядовъ произошли путемъ метаморфизма изъ другихъ. Такъ известняки, содержащіе магнезію (а почти всѣ заключаютъ слѣды ея) переходили въ доломиты путемъ увеличенія ея содержанія, или замѣны мѣла двойными солями кальція и магнія. Такъ ангидритъ переходилъ въ гипсъ, воспринимая воду. Бурый желѣзнякъ получался, какъ продуктъ метаморфизма другихъ желѣзныхъ рудъ. Подобный же процессъ обращалъ діабазы, діориты и другія близкія имъ породы въ серпентинъ [47]). Изъ діабазовъ и базальтовъ, путемъ размыванія, произошли во многихъ мѣстахъ металлическія руды и фосфориты [48]).—Самые разнообразные процессы метаморфизма происходили водно-огненнымъ путемъ при содѣйствіи перегрѣтой воды или пара, которые просачивались въ остывшія вулканическія или въ осадочныя породы изъ расплавленныхъ лавъ, выносившихъ ихъ съ собою въ трещины верхнихъ формацій [49]). Наконецъ, кластическія породы произошли, какъ было указано выше, отъ механическаго разрушенія породъ кристаллическихъ, отъ перенесенія ихъ кусковъ въ другія мѣстности и, частью, отъ связыванія этихъ кусковъ въ плотные песчаники, глины, туфы. Слѣдуетъ помнить, что весьма многія породы могли произойти весьма различными путями [50]).

---

[46]) См. *H. Credner*, 218.

[47]) Тамъ же, 220 и слѣд.

[48]) См. въ послѣднее время работу Т. Петерсена надъ грюнштейнами.

[49]) См. *H. Credner*, 207 и 225.—Совершенно на тѣхъ же основаніяхъ объясняетъ Джемисонъ (*T. F. Jamieson:* On the older Metamorphic rocks and granite of Banffshire) въ «Quart. journ. of Geol. soc.» Vol. 27, 1871, стр. 105, происхожденіе древнихъ горныхъ породъ Бэнфшейра. Однако онъ принимаетъ и косвенное участіе жара расплавленнаго ядра земли.—Вообще о своей теоріи водно-огненнаго происхожденія породъ Креднеръ считаетъ себя въ правѣ сказать (210): «Хотя представляется еще много вопросовъ, на которые не легко отвѣтить, въ отношеніи къ теоріи водно-огненнаго происхожденія гранитовъ, сіенитовъ, грюнштейновъ, мелафировъ и родственныхъ имъ породъ, но большинство голосовъ согласно въ ихъ эруптивномъ происхожденіе».—Къ этой же группѣ объясненій подходитъ результатъ изслѣдованій г. Иностранцевымъ кристаллическихъ извѣстняковъ Финляндіи и Олонецкой губерніи.

[50]) Наприм. гипсъ могъ получиться пятью разными способами. См. *H. Credner*, 223.—Ср. мнѣніе о происхожденіи громадныхъ массъ гипса у подножія Большаго Богдо, высказанное *Н. Б. Ауэрбахомъ*, въ статьѣ: «Гора Богдо» въ «Запискахъ И. Р. Географическаго Общества по общей Географіи», IV (1871).—Объ одномъ изъ способовъ образованія песчаниковъ, именно при содѣйствіи водорослей, скажемъ въ слѣдующей главѣ.

Но рядомъ съ этимъ взглядомъ современныя изслѣдованія [51]) позволяютъ составить и совсѣмъ иную картину происхожденія большинства горныхъ породъ, въ особенности первой, второй и, частью, четвертой группы. Здѣсь метаморфизмъ получаетъ гораздо болѣе обширное значеніе, чѣмъ въ предыдущей теоріи и самыя разнообразныя породы связываются между собою представленіемъ геогностическихъ эквивалентовъ. Именно, вода, проникающая во всѣ слои, кислородъ, углекислота, теплота и давленіе становятся агентами, которые, при однихъ условіяхъ, преобразовываютъ данную горную породу въ иную, а при обратныхъ условіяхъ, обращаютъ послѣднюю снова въ ея геогностическій эквивалентъ. При этомъ главную роль играетъ различное отношеніе углекислоты и кремнезема къ основаніямъ при низкой и при высокой температурѣ. «Углекислота и кремневая кислота—писалъ Фольгеръ [52])—суть великія державы (Grossmächte) минеральнаго царства». Около 100° Ц. сродство этихъ кислотъ къ основаніямъ измѣняется и, смотря по температурѣ, та или другая «великая держава» минеральнаго царства, уступаетъ своей соперницѣ. Вся картина круговорота въ минеральномъ мірѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Трахиты, базальты и близкія имъ породы составляли первоначальную форму всѣхъ породъ, какъ представляютъ и нынѣ основную форму лавъ, извергаемыхъ на земную поверхность. Полевой шпатъ и авгитъ, въ нихъ содержащіеся въ преобладающемъ количествѣ, даютъ въ своихъ преобразованіяхъ указанія на развитіе неорганической части нашей земли и опредѣляютъ физіономію ея поверхности. Основной минералъ трахита (санидинъ), подъ вліяніемъ просачивающейся воды, можетъ разложиться на кварцъ и на слюду. Поэтому, при выкристализованіи кварца, подъ вліяніемъ углекислоты, воды, кислорода, давленія и температуры, трахитовыя лавы преобразовывались въ гранитные порфиры. Точно также базальтовыя лавы переходили въ діабазы и діориты. Когда температура первобытныхъ кремнеземистыхъ породъ понизилась ниже 100° Ц., то сродство углекислоты къ основаніямъ получило преобладаніе. Изъ полевыхъ шпатовъ и первобытныхъ амфиболей образовались продукты разложенія: глина, кварцъ, углекислыя соли щелочей, щелочныхъ земель и закиси желѣза, составлявшія всегда матеріалъ осадочныхъ формацій.

---

[51]) Здѣсь особенно имѣлись въ виду работы *А. Кнопа*: «Studien über Stoffwandlungen im Mineralreiche» (1872) и ранѣе произнесенная имъ рѣчь въ обществѣ естествоиспытателей въ Карльсруэ объ образованіи гранита и гнейса.—Ср. и *Ach. Delesse:* «Etudes sur le metamorphisme des roches» (1858, въ «Bulletins de la soc. geol.» 2 ser., T. XV, 728 и слѣд.; и 1869 особо).

[52]) *G. H. O. Volger:* «Erde u. Ewigkeit», 508.

Это все могло совершаться въ глубинахъ, гдѣ температура земной коры не превосходитъ 100° Ц. При глубинахъ, большихъ 10,000 футовъ, температура переходитъ за этотъ предѣлъ и другая «великая держава» получаетъ преобладаніе. Углекислота вытѣсняется изъ соединеній кремнеземомъ. Когда, при пониженіи осадочныхъ слоевъ, они опустились на эту глубину, то изоморфныя ромбоэдрическія соли углекислоты снова переходятъ въ амфиболи и амфиболоиды [53]). На этой же глубинѣ желѣзный шпатъ можетъ переходить въ магнитный желѣзнякъ, отдѣляя углекислоту и угольную окись; водная желѣзная окись переходитъ въ желѣзный блескъ. Но желѣзный шпатъ и доломитъ произошли изъ известняковъ подъ вліяніемъ воды. Такимъ образомъ, для известняковъ мы встрѣчаемъ рядъ геогностическихъ эквивалентовъ, образованныхъ при различныхъ условіяхъ, и въ этомъ рядѣ находятся не только доломиты желѣзные, шпаты магнитные желѣзняки, но и амфиболоиды, слюистые серпентины, хлоритовые и тальковые сланцы. При огромномъ давленіи, существующемъ въ глубинахъ, гдѣ углекислыя соединенія переходятъ въ амфиболоиды, углекислота должна была выдѣляться въ жидкомъ видѣ, образуя съ водой эмульсію, которую и встрѣчаютъ въ кристаллахъ нѣкоторыхъ породъ. Эта выдѣлившаяся углекислота, пробираясь чрезъ слои менѣе значительнаго давленія и переходя при этомъ въ газообразное состояніе (при чемъ она понижала температуру окружающихъ слоевъ или термическихъ ключей), давала то содержаніе углекислоты, въ газообразномъ состояніи или въ примѣси къ водѣ, которое встрѣчаемъ на земной поверхности. Можетъ быть, въ связи съ этимъ процессомъ, происходило и образованіе въ глубинахъ алмазовъ, которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей [54]), представляютъ результаты изверженій туфовъ «образовавшихся на значительныхъ глубинахъ». Подобнымъ образомъ, какъ амфиболоиды и магнитные желѣзняки представляютъ геогностическіе эквиваленты известняковъ, такъ сланцы глинистые, слюдяные, филлиты и часть гнейсовъ могутъ быть разсмотрѣны, какъ преобразованія глинистыхъ отложеній, происшедшія при подобныхъ же обстоятельствахъ. Для гнейса, напримѣръ, имѣемъ слѣдующій генезисъ: глина, полученная изъ разрушенія полеваго шпата, могла въ продолженіи долгихъ періодовъ времени, при удобныхъ обстоятельствахъ, снова приблизиться къ свой-

[53]) А. Кнопъ обнимаетъ названіемъ *амфиболоидовъ* пироксенъ, амфиболь и рядъ родственныхъ имъ минераловъ.

[54]) Именно Э. Кохена (Cohen).—Недавнее открытіе микроскопическихъ алмазовъ г. Еремѣевымъ въ ксантофиллитѣ оказалось, по опытамъ А. Кнопа, невѣрнымъ.

ствамъ слюдянаго и глинистаго сланцевъ, вслѣдствіе присутствія солей кали и образованія слюды. Древнѣйшія образованія подобнаго рода, на большихъ глубинахъ, при высокой температурѣ земли, могли воспроизвести полевой шпатъ и дать слоистый продуктъ, по составу подобный граниту, именно гнейсъ. Онъ могъ произойти частью и путемъ отложенія подъ водою размельченнаго или размытаго гранита или трахита, дальнѣйшаго разложенія полеваго шпата на кварцъ и слюду, и, затѣмъ, уплотненія этихъ продуктовъ въ слоистую породу [55]). Подобнымъ же образомъ волластопитъ (Schalstein) произошелъ изъ слоистыхъ отложеній разрушеннаго діабаза. Этому обширному превращенію породъ соотвѣтствуетъ въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ круговоротъ породъ близкихъ между собою подъ подобными же вліяніями. Такъ ангидритъ произошелъ изъ гипса при высокой температурѣ и перешелъ въ него вѣроятно при ея пониженіи [56]).

Такимъ образомъ, внутри земли происходитъ непрерывный круговоротъ превращающихся одна въ другую породъ. Подъ вліяніемъ низкихъ температуръ, воды и углекислоты нарушается прочное частичное равновѣсіе состава первобытныхъ полевыхъ шпатовъ и амфиболей, давая матеріалъ для образованія осадочныхъ формацій; подъ вліяніемъ же высокихъ температуръ, воды и кремнезема, этотъ матеріалъ принимаетъ снова свое прежнее частичное строеніе и производитъ замѣчательныя смѣси полевыхъ шпатовъ, амфиболоидовъ, слюды, кварца, магнитнаго

---

[55]) Происхожденіе гнейса представляло для разныхъ оттѣнковъ геологическихъ мнѣній самый спорный вопросъ. Котта прямо говоритъ (15), что въ томъ видѣ, какъ мы ихъ встрѣчаемъ, гнейсы не могли произойти отложеніемъ изъ воды; мы видѣли выше (прим. 14), что онъ готовъ разсматривать часть ихъ, какъ остатокъ первобытной коры. Делэссъ говоритъ («Etudes sur le metamorphisme des roches» 1869, стр. 77), что это «гермофродитная порода», составляющая переходъ отъ эруптивныхъ къ слоистымъ, и что происхожденіе гнейса и гранита «очевидно одно и тоже».—Въ связи съ метаморфизмомъ гранита см. весьма интересную работу *Блюмеля* (въ «Горн. Журн.»,1871) о переходѣ обыкновеннаго гранита въ пеликанитовый, а также *Барбота де Морни*: «Геологическія изслѣдованія, произведенныя въ 1868 г. въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской» (1871), гдѣ авторъ подтверждаетъ уже прежде высказанное имъ убѣжденіе, «что толщи породъ гранитныхъ въ южной Россіи суть *метаморфозированные* осадки».—Относительно глинистаго сланца, впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что теоріи А. Кнопа, которой я здѣсь слѣдовалъ, какъ будто противорѣчатъ результаты, полученные изъ микроскопическихъ изслѣдованій Циркелемъ.

[56]) См. изслѣдованіе Розе объ образованіи ангидрита.—Къ представителямъ крайняго метаморфизма слѣдуетъ отнести Бишофа и Мора. Делэссъ разсматриваетъ (87 и слѣд.) гранитъ и всѣ такъ-называемыя плутоническія по-

желѣзняка, встрѣчающіяся въ слояхъ, которые называли метаморфическими. Тотъ же известнякъ, смотря по обстоятельствамъ, въ которыя онъ поставленъ, по составу минеральныхъ ростворовъ, въ него просачивающихся, и по химическимъ процессамъ, отсюда происходящимъ, можетъ произвести здѣсь пироксенъ или амфиболь, въ другомъ мѣстѣ породу съ содержаніемъ гранита, въ третьемъ—съ преобладаніемъ выдѣлившагося кварца, въ четвертомъ—съ преобладаніемъ полеваго шпата.

Ближайшее будущее, вѣроятно, положитъ конецъ этимъ спорамъ объ исторіи состава земной коры, при пособіи тѣхъ самыхъ орудій, которыя обогатили наше знаніе этого состава въ послѣднее время и вызвали существующія теоріи. Химическій анализъ и микроскопическое наблюденіе рѣшатъ вопросъ за или противъ всеобщаго метаморфизма, ограничивая его область или охватывая ею всѣ горныя породы намъ извѣстныя. Каково бы ни было рѣшеніе будущей науки, картина, которая будетъ ею установлена, не можетъ поколебать общаго представленія о развитіи состава земной коры, представленія, теперь добытаго учеными. Если иныя породы, которыя теорія общаго метаморфизма пытается захватить въ свою область, останутся внѣ ея, все таки значительная доля состава земли, подготовлявшаго почву для дѣятельности мысли, есть продуктъ непрерывнаго измѣненія формъ, и то, что мы называемъ болѣе или менѣе опредѣленными видами горныхъ породъ, есть не болѣе, какъ преходящее явленіе минеральной метаморфозы, продолжающейся многія тысячи тысячелѣтій.

Эта метаморфоза, вмѣстѣ съ дѣйствіемъ воды и огня, дала организмамъ возможность развиться на землѣ. Она покрыла поверхность земли разнообразными почвами, заключавшими въ своемъ составѣ *возможность* развитія будущей разнообразной растительности. Она подготовила ключи, рѣки и озера для утоленія жажды *возможнымъ* существамъ, живущимъ на материкѣ. Она отложила слои соли для будущей пищи, слои глинъ для будущей посуды первобытнаго человѣчества. Она разсыпала обломки твердаго камня на земной поверхности, вымыла руды металловъ изъ твердыхъ разрушенныхъ формацій для будущихъ битвъ. Она заготовила матеріалъ для храмовъ будущимъ богамъ, для

роды, какъ метаморфическія. «Плутоническія породы—пишетъ онъ (88)—образовались на счетъ метаморфическихъ и представляютъ максимумъ напряженія или крайнюю ступень общаго метаморфизма». Фольгеръ формулируетъ свое представленіе о переходѣ однѣхъ породъ въ другія словами (521): «Безъ углекислыхъ соединеній не было бы кремнекислыхъ. Безъ извести не было бы полеваго шпата».

дворцовъ будущимъ царямъ. Въ глубокихъ рудахъ и въ громадныхъ массахъ твердаго камня она заготовила мѣста, гдѣ поколѣнія подавленныхъ рабовъ должны были чрезъ милліоны лѣтъ тратить трудъ, силы и жизнь для ознаменованія величія своихъ повелителей. Въ рѣдкихъ розсыпяхъ алмазовъ и золота она выработала орудія будущей борьбы за обогащеніе. Въ мелкозернистомъ мраморѣ, въ металлахъ, удобныхъ для плавленія, въ разноцвѣтныхъ химическихъ соединеніяхъ, она предложила будущимъ художникамъ матеріалъ безсмертныхъ статуй и картинъ. Въ потрясающихъ явленіяхъ вулканизма, вмѣстѣ съ болѣе частыми явленіями грозъ, неоживленный міръ хранилъ вѣчное орудіе возбужденія фантазіи. Въ непрерывномъ повтореніи своихъ явленій, въ загадочномъ разнообразіи своего состава, онъ ставилъ предъ критическою мыслію вѣчный вопросъ, долженствовавшій вызвать сперва техническое умѣнье, потомъ ясное пониманіе, наконецъ объединяющее построеніе. Безсознательный міръ безсознательно готовилъ въ своемъ составѣ матеріалъ для постепеннаго развитія сознанія.

§ 3. Происхожденіе формъ земной поверхности.

Дѣйствіе воды и дѣйствіе вулканизма измѣняло не только составъ земной коры, но и формы земной поверхности. Подъ вліяніемъ охлажденія сжималась, морщилась, растрескивалась первоначальная тонкая кора. Она изгибалась подъ давленіемъ внутренней расплавленной жидкости. Впослѣдствіи верхніе слои обрушивались вслѣдствіе образованія подъ ними пустотъ дѣйствіемъ размывающей воды. Отложеніе новыхъ осадочныхъ слоевъ на одной части земной поверхности, размываніе другой ея части измѣняло положеніе поверхностей равной температуры внутри земли (изогеотермическихъ), измѣняло температуру и давленіе для горныхъ породъ, составляющихъ земную кору, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняло ихъ объемъ и вызывало новыя складки и измѣненія уровня на земной поверхности. Мѣстныя вулканическія дѣйствія и образованія газовъ могли дѣйствовать въ томъ же направленіи [1]). Всѣ эти причины имѣли слѣдствіемъ внезапное или медленное поднятіе и пониженіе [2])

---

[1]) О различныхъ причинахъ поднятія и пониженія материковъ см. во всѣхъ руководствахъ геологіи, напр. *J. Dw. Dana*: «Manual of Geology», 715. О перемѣщеніи изогеотермическихъ поверхностей внутри земли, какъ причинахъ этихъ явленій, см. статью Гэттона (Hutton) въ «Philos. Magaz.» 1872, Dec.

[2]) О постепенномъ и внезапномъ поднятіи и пониженіи см. *H. Credner*: «Elemente der Geologie», 128 и слѣд.; *Elis. Reclus*: «La terre» (2 ed. 1870), 702 и слѣд. Къ многочисленнымъ примѣрамъ поднятія сѣверныхъ матери-

или опускались подъ этотъ уровень; измѣнялась ихъ высота надъ нимъ или ихъ глубина подъ нимъ. Вулканизмъ вливалъ потоки лавъ въ трещины, образовавшіяся отъ охлажденія коры, отъ ея изгибанія, отъ обрушенія, повышенія и пониженія земной поверхности. Слои первобытныхъ осадковъ, изогнутые, изломанные и разорванные вулканическимъ дѣйствіемъ, поднимались надъ моремъ скалистыми островами, надъ равнинами—хребтами горъ [3]). Обломки размытыхъ горъ ложились долгое время угловатыми кусками у ихъ подножія, валунами на дно потоковъ и рѣкъ, образовывали у береговъ морей слои конгломератовъ въ нѣсколько тысячъ метровъ толщины, отлагались слоями мелкаго песка и ила на дно морей, озеръ, болотъ, гдѣ сплачивались въ твердые слои; эти отложенія были различны въ прѣсноводномъ и въ морскомъ бассейнѣ, въ глубинѣ моря и у береговъ его, даже въ различныхъ мѣстахъ одного и того же бассейна при обстоятельствахъ, различіе которыхъ намъ не замѣтно [4]). Затѣмъ опять тѣ же причины измѣчастей земной поверхности. Онѣ выдвигались надъ уровнемъ океана

ковъ въ послѣдніе годы присоединилось замѣченное г. Иностранцевымъ поднятіе Соловецкихъ острововъ на $3^1/_2$ ф. въ столѣтіе (Проток. въ Труд. С.-Петерб. общ. естествоисп. Т. II, стр. XLVII). О современныхъ явленіяхъ поднятія и пониженія будетъ сказано въ книгѣ III гл. I въ параграфѣ «Геологическія и географическія условія жизни человѣка».—Отъ времени до времени до сихъ поръ являются гипотезы полнаго отрицанія поднятій материковъ. Наприм. Германъ Траутшольдъ въ своей магистерской диссертаціи: «Ueber säkulare Hebungen und Senkungen der Erdoberfläche» (Dorpat, 1869), поставилъ между прочимъ слѣдующіе два тезиса: «1. Не существуетъ вѣковыхъ поднятій обширныхъ материковъ.... 4. Не существуетъ вѣковаго пониженія большихъ материковъ».

[3]) Въ засѣданіи парижскаго антропологическаго общества 18 дек. 1873 Клеманс Ройе высказала странную гипотезу, что «горы образуются на этой (земной) оболочкѣ не поднятіемъ снизу вверхъ; опускаются, напротивъ, большія равнины, безпрестанно углубляя бассейны морей, подъ громаднымъ давленіемъ океановъ и осадочныхъ слоевъ, отлагаемыхъ послѣдними на свое дно, и оставляя вершины горъ, какъ очеркъ древнихъ предѣловъ земли и какъ указаніе для насъ, каковъ былъ, въ минувшую эпоху, ея радіусъ, если измѣрять его, какъ нынче, до уровня морей» («Bullet. d. l. soc. d'anthrop. d. Paris» 2-me ser. VIII, 915). Въ засѣданіи 22 января 1874 г. Мортилье замѣтилъ, что эта теорія образованія горъ осѣданіемъ не нова (Bullet. etc. IX, 59), но мнѣ неизвѣстно, гдѣ она была высказана ранѣе. Нельзя не удивляться, что ученый, подобный Далли, могъ отнестись къ фельетонной диссертаціи г-жи Ройе, какъ къ мемуару «важному и интересному» (Bullet. IX, 63).

[4]) Изслѣдованіе дна Атлантическаго океана экспедиціею 1869 года показало, что въ близкихъ одна къ другой мѣстностяхъ, при совершенно сходныхъ для насъ обстоятельствахъ, отложенія на днѣ весьма различны.

няли уровень мѣстностей. Потоки и рѣки мельчали, изсякали, измѣняли свое теченіе, обнажали свое ложе, какъ обнажали свое дно высыхающія болота, испаряющіяся озера и средиземныя моря. Поднимался надъ уровнемъ океана материкъ. Для всѣхъ мѣстностей, образовавшихъ сушу, наступалъ долгій періодъ прекращенія осадковъ и періодъ размыванія. Ледники распространялись отъ полюсовъ и съ вершинъ горъ подъ вліяніемъ измѣненія распредѣленія суши и моря, или вслѣдствіе измѣненія астрономическихъ условій [5]). Они чертили утесы, оставляя въ этихъ чертахъ слѣды своего существованія. Они отлагали морены по своимъ бокамъ и по своимъ оконечностямъ. Они пускали по морямъ ледяныя флотиліи, которыя роняли на дно морей обломки дальнихъ горъ. Затѣмъ старый материкъ опускался. Вершины его горъ обращались въ архипелагъ острововъ, и на его равнинахъ, теперь сдѣлавшихся морскимъ дномъ, возобновлялся рядъ разнообразныхъ отложеній разрушительнаго дѣйствія воды, пока новый переворотъ не измѣнялъ снова распредѣленія суши и моря.

Съ эпохи, когда расплавленная внутренность земли перестала нагрѣвать ея поверхность, измѣненіе распредѣленія суши и моря отра-

[5]) Существованіе ледниковыхъ періодовъ на землѣ теперь уже не встрѣчаетъ оппонентовъ. Но объясненіе ихъ до сихъ поръ не вызвало полнаго соглашенія Ляйель до сихъ поръ въ 11-мъ изданіи своихъ «Principles of Geology» поддерживаетъ мнѣніе, что всѣ измѣненія климатовъ могли произойти отъ различнаго распредѣленія суши и моря на земной поверхности. См. объ измѣненіи климатовъ въ «Princ. of Geol.» (изд. 11, 1872) стр. 172—298, гдѣ въ гл. X и XI разсмотрѣны самые факты измѣненія, въ главѣ XII предложено ихъ географическое объясненіе, въ главѣ XIII—критика ихъ астрономическаго объясненія. Мнѣнія Ляйеля придерживается въ объясненіи послѣдняго ледниковаго періода и Креднеръ. Мысль объ астрономическихъ причинахъ ледниковыхъ періодовъ, высказанная уже давно Бэббэджемъ и Дж. Гершелемъ и неудачно обработанная Адэмаромъ, съ особеннымъ стараніемъ развита въ послѣднее время Джемсомъ Кроллемъ сначала въ короткой запискѣ «On the Physical Cause of the change of Climate during Geological Epochs» въ «The London Edinburgh and Dublin Philosophical Magazine and Journal of Science» 28, № 187 (Aug. 1864); потомъ въ болѣе длинномъ и подробномъ мемуарѣ «On geological Time and the probable Date of the Glacial and the Upper Miocene Period» тамъ же, T. 35, № 238. (May 1868); T. 36, № 241 (Aug., 1868,) № 244 (Nov. 1868). Это дополнено нѣсколькими послѣдующими записками о вліяніи холодныхъ и теплыхъ теченій и т. п. Къ этому мнѣнію склоняется Котта («Geol. d. Gegenw.» 3 изд. 1872, 349 и слѣд.), хотя допускаетъ и вліяніе географическихъ перераспредѣленій. Особенную поддержку мнѣніе Кролля встрѣтило въ новѣйшемъ обширномъ трудѣ *James Geikie*: «The great Ice age» (1874).—См. также *Th. Belt:* «An Examination of the theories that hove been proposed to account for the Climate of the Glacial Period», въ «Quart. Journ. of Science», 1874, Oct.

жалось и въ измѣненіи распредѣленія климатовъ. Вѣтры, приносившіе въ данную мѣстность испаренія обширнаго моря, теперь приносили туда же сухой и горячій воздухъ песчаной пустыни, которая выступила изъ воды на мѣстѣ прежняго океана [6]). Морскія теченія измѣняли свои изгибы и направленія вслѣдствіе обмелѣнія того или другаго залива, вслѣдствіе измѣненія очертанія того или другаго берега. Мѣстности, закрытыя отъ полярныхъ теченій обширнымъ материкомъ и открытыя для теченій экваторіальныхъ, съ пониженіемъ закрывавшаго ихъ материка подвергались совершенно инымъ климатическимъ вліяніямъ [7]). Но можетъ быть самое значительное вліяніе на измѣненія климатовъ имѣли астрономическіе періоды измѣненія эксцентрицитета земной орбиты въ связи съ измѣненіемъ наклона эклиптики и съ періодическимъ предваренiемъ равноденствій. По крайней мѣрѣ новѣйшія изслѣдованія [8]) побуждаютъ думать, что дѣйствительно комбинаціи этихъ трехъ измѣненій могли составить достаточное основаніе для періодическаго появленія попеременно на томъ и на другомъ земномъ полушаріи *ледниковыхъ періодовъ*, которые, можетъ быть, позволятъ въ будущемъ и внесеніе въ геологическое время точныхъ хронологическихъ дѣленій, до сихъ поръ составлявшихъ предметъ тщетныхъ усилій геологовъ и какъ бы недостижимую цѣль ихъ изслѣдованій [9]).

Теперь мы можемъ только вообще сказать, что въ продолженіе нѣсколькихъ тысячъ милліоновъ лѣтъ существованія нашей планеты, какъ тѣла съ твердою поверхностью, могли повторяться много разъ на весьма неравныхъ промежуткахъ періоды наибольшаго эксцентрицитета земной орбиты, періоды, колебавшіеся для послѣднихъ 3.000.000 лѣтъ, между 260.000 и 160.000 лѣтъ. Въ это время не разъ наклонъ земной оси къ ея орбитѣ перешелъ отъ наибольшей къ наименьшей величинѣ; много разъ совершился полный 21000-лѣтній періодъ полнаго круга предваренія равноденствій; и, вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ,

---

[6]) Такъ, обращеніе Сахары изъ морскаго дна въ пѣсчаную степь могло и должно было измѣнить климатическія условія части Европы. См. мнѣніе Этера ф. деръ-Линтъ и Дезора, приведенное Коттою («Geol. d. Gegenw.» 346 и слѣд.).

[7]) Этимъ объясняютъ теплую температуру среднеевропейскаго моря въ юрскій періодъ. См. ниже, а особенно трудъ *Жюля Марку:* «Lettres sur les roches de Jura» (1857, 1860).

[8]) См. труды Дж. Кролля и Дж. Джейки, указанные въ прим. 5.

[9]) «Если бы удалось—пишетъ Креднеръ («Elem. d. Geol.», 198)—связать геологическія событія съ астрономическими измѣненіями, допускающими вычисленіе, то была бы возможность и для геологовъ установить безусловную мѣру времени». Та же мысль у *Котты*, 381.

нѣсколько разъ ледниковый періодъ наступалъ попеременно для того и для другаго полушарія нашей планеты. Въ тоже время, независимо отъ этихъ астрономическихъ вліяній, много разъ совокупное вліяніе геологическихъ дѣятелей измѣняло распредѣленіе суши и моря подъ тропиками и около полюсовъ, поднимало материки и снова затопляло ихъ, выдвигало среди равнинъ хребты горъ и отлагало ихъ обломки слоями формацій на дно морей и озеръ, измѣняло очертаніе береговъ океановъ и направленіе рѣкъ; словомъ, видоизмѣняло формы земной поверхности. Это совокупное вліяніе видоизмѣняло морскія и воздушныя теченія по направленію, по содержанію влажности, по температурѣ, измѣняло изгибы изотермовъ, распредѣленіе влажности, вѣтровъ, грозъ для различныхъ областей земли. Съ тѣмъ вмѣстѣ оно видоизмѣняло и климатъ каждой мѣстности, способность ея быть почвою развитія растительныхъ организмовъ, мѣстомъ дѣятельности организмовъ животныхъ, средою исторической жизни человѣческихъ обществъ.

Идеалъ геологическаго познанія этихъ процессовъ топографическаго и климатологическаго измѣненія земной поверхности заключался бы въ томъ, чтобы мы могли, для различныхъ эпохъ геологическаго времени, начертить карты материковъ и океановъ, карты, на которыхъ могли бы указать для разныхъ мѣстностей высоту надъ горизонтомъ моря, составъ почвы, среднюю температуру; въ томъ, чтобы мы могли, на разныхъ точкахъ земнаго шара, отмѣтить слѣды одновременныхъ геологическихъ процессовъ, и въ одной и той же мѣстности прочесть въ слояхъ земной коры послѣдовательную исторію этихъ процессовъ. Но эта идеальная задача неразрѣшима. То, что сдѣлано было для точнаго рѣшенія небольшой доли ея, имѣетъ еще мало научнаго основанія [10]). Теперь геологамъ приходится довольствоваться лишь немногими прибли-

---

[10]) О разныхъ ненаучныхъ попыткахъ дать *рядъ* картъ поверхности земли для послѣдовательныхъ геологическихъ періодовъ здѣсь говорить не мѣсто. Лайель пишетъ («Princ. of Geol.», 11 изд., I, 255): «Затрудненіе или, скорѣе, невозможность возстановленія географіи земли, какъ она могла имѣть мѣсто въ какой либо предшествующій періодъ, особенно въ отдаленный, заключается въ томъ, что мы можемъ указать лишь мѣсто, гдѣ часть моря сдѣлалась сушею, но почти ни въ одномъ случаѣ не можемъ опредѣлить, гдѣ земля стала моремъ. Поэтому всѣ карты, претендующія на географическое изображеніе отдаленныхъ геологическихъ эпохъ, большею частью идеальны». И Ашиль Делессъ въ послѣдней своей попыткѣ дать рядъ подобныхъ картъ, хотя бы для одной Франціи, приступая къ этому отдѣлу своего труда, прибавляетъ («Lithologie des mers de la France et des mers principales du globe», 1872, 386), что въ полученныхъ имъ результатахъ «значительная доля должна принадлежать гипотезѣ».

зительными свѣдѣніями объ очеркѣ географіи и климатологіи геологическихъ эпохъ, и то, преимущественно, новѣйшихъ и для ограниченнаго пространства земной поверхности. Всякая попытка свести въ одно нѣсколько-обширное цѣлое разбросанные результаты наблюденій, заключаетъ въ себѣ еще очень много гипотетическаго. Всякая попытка перейдти отъ приблизительныхъ хронологическихъ, географическихъ, климатологическихъ данныхъ для древнихъ періодовъ земли къ даннымъ точнымъ встрѣчаетъ громадныя препятствія. Приходится довольствоваться немногимъ. Приходится безпрестанно отказываться отъ обобщеній, только-что установленныхъ, и пытаться обобщить извѣстные факты инымъ путемъ. Приходится отказываться отъ рѣзкаго раздѣленія періодовъ, еще недавно, повидимому, весьма ясно разграниченныхъ, но теперь оказывающихся искусственными. Тѣмъ не менѣе, шагъ за шагомъ, накопляются мелкіе безспорные факты и однимъ своимъ накопленіемъ уясняютъ приблизительное рѣшеніе вопроса. Неудержимо и неустанно на этой критически-прочной почвѣ работаетъ объединяющая мысль, и если идеальная задача исторіи земли останется, вѣроятно, навсегда неразрѣшимою въ точномъ смыслѣ, то можно надѣяться, что наука будетъ все подвигаться къ ея приблизительному рѣшенію и что исторія земли будетъ представляться ученымъ будущаго періода въ гораздо болѣе опредѣленномъ очеркѣ, чѣмъ намъ [11]). Намъ приходится ограничиться теперь немногими *догадками* о географіи и климатологіи разныхъ геологическихъ періодовъ, о приблизительномъ распредѣленіи этихъ періодовъ для разныхъ мѣстностей и познаніемъ ихъ *относительнаго* порядка для каждой мѣстности, въ рѣдкихъ случаяхъ имѣя возможность разграничить ихъ съ достаточною точностью.

Меньшіе геологическіе періоды соотвѣтствуютъ *системамъ* различныхъ *формацій*, въ которыя сплотились горныя породы. Эти системы подраздѣляются на *ярусы*, соотвѣтствующіе болѣе мелкимъ дѣленіямъ періодовъ и составляютъ болѣе обширныя *группы* формацій,—продукты еще болѣе обширныхъ *періодовъ* времени. Еще недавно въ этихъ дѣленіяхъ, особенно же въ системахъ, видѣли нѣчто совершенно опредѣленное и естественное, большею частью—рѣзко ограниченное. Теперь приходится смотрѣть на всѣ эти дѣленія, по выраженію Годри [12]), „какъ на искусственное средство для облегченія изслѣдованія“, какъ на

[11]) См. указанія въ прим. 3. предшествующаго параграфа, и въ книгѣ X, параграфъ: «Пониманіе вселенной».

[12]) Вступительная лекція къ курсу палеонтологіи въ парижскомъ музеѣ естественныхъ наукъ, 1873 г., помѣщенная въ «Revue scientifique» 3 мая 1873 г., стр. 1031.

временное формальное пособіе при изученіи послѣдовательности геологическихъ процессовъ; разграниченія системъ и обширныхъ группъ большею частью составляютъ именно самые спорные вопросы современной исторической геологіи [13]). При послѣдующемъ обзорѣ будетъ употреблена слѣдующая схема слоевъ земной коры [14]):

Періоды	Системы
До-первичный	Лаврентійская (эозоическая) Камбрійская
Первичный (Палеозоическая группа)	Силурійская Девонская Каменноугольная Діасъ (Пермская)
Вторичный (Мезозоическая группа)	Тріасъ Юрская Титоническая Мѣловая
Третичный	Эоценъ Олигоценъ Міоценъ Пііоценъ
Новѣйшій	Дилювій (Плеистоценъ) Аллювій

[13]) Изъ многочисленныхъ цитатъ, которыя здѣсь можно бы привести, беру лишь немногія изъ Котты («Geologie der Gegenwart» 3 изд., 1872), какъ болѣе консервативнаго геолога. «Не существуетъ никакихъ общихъ и рѣзкихъ предѣловъ формацій» (118). «Нигдѣ нельзя провести границы, которая раздѣляла бы двѣ вполнѣ различныя между собою области творенія» (117). «Заключенные геологическіе періоды или такъ-называемые періоды творенія вовсе не существуютъ» (119). Ср. 106, 78 и слѣд. и друг.

[14]) При этой схемѣ имѣлись въ виду труды Котты, Креднера, Ляйеля, Дана, также раздѣленіе, принятое Годри въ лекціи, упомянутой въ прим. 12, и другое, находящееся у Гэккеля въ «Natürliche Geschichte der Schöpfung» (3. Aufl. 1872) стр. 344—345; послѣднее сочиненіе взято въ этомъ случаѣ въ соображеніе лишь по значенію, которое оно имѣетъ для развитія органическаго міра. Болѣе другихъ я слѣдовалъ Креднеру, но не счелъ возможнымъ назвать древнѣйшій періодъ азоическимъ, когда въ немъ безспорно указаны организмы (чего не отвергаетъ и Креднеръ); не счелъ я полезнымъ принятіе *гуронской* системы, выбрасывая *камбрійскую* систему Сэджвика,

Конечно, толщина [15]) ярусовъ, системъ и ихъ группъ весьма измѣняется не только для однихъ и тѣхъ же отложеній въ разныхъ странахъ, но и для одного и того же пласта въ разныхъ мѣстахъ его распространенія. Иногда пластъ, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ становится вдвое толще или совершенно исчезаетъ. То же можно сказать о бо́льшихъ группахъ; и здѣсь вопросъ усложняется обстоятельствомъ, что *геологически-эквивалентныя* отложенія могли происходить при весьма различныхъ условіяхъ и, кромѣ того, эквивалентность ихъ вовсе не означаетъ *безусловной* одновременности, а только *отно-*

тѣмъ болѣе, что новѣйшія изслѣдованія (см. ниже прим. 30) дѣлаютъ болѣе сомнительными пріемы Морчисона (которому, повидимому, въ этомъ случаѣ слѣдовалъ Креднеръ), чѣмъ Сэджвика. Но силурійскую систему, дѣйствительно, удобнѣе отнести ко второму періоду, чѣмъ къ первому. Титоническую систему, кажется, можно принять за достовѣрную (см. ниже прим. 44). Соединеніе третичнаго періода съ новѣйшимъ едва ли удобно. Въ этомъ отдѣлѣ, повидимому, лучше оставить *третичную* группу, какъ равносильную большимъ дѣленіямъ вторичнаго, первичнаго и до-первичнаго (какъ у Котта, 80) періодовъ, и дать мѣсто ея подраздѣленіямъ въ ряду *системъ*, чѣмъ понизить эти всѣ дѣленія на одну степень (какъ сдѣлалъ Креднеръ). Едва-ли когда-нибудь группа эоцена или міоцена будетъ играть для геолога не болѣе значительную роль, чѣмъ группы кэйпера, сеномана, турона и т. д. Этимъ послѣднимъ дѣленіямъ соотвѣтствуютъ 12 третичныхъ группъ, принятыхъ Карломъ Майеромъ (см. *Credner*, 489 и слѣд.), а не четыре крупныя дѣленія, давно уже установленныя. Въ ряду ихъ, впрочемъ, олигоценъ, хотя и принятъ вообще, но едва ли можетъ по праву стать рядомъ со своими остальными третичными братьями. Дальнѣйшія подраздѣленія для цѣли этого труда не важны и я ихъ не привожу, а впрочемъ авторы въ нихъ очень расходятся. Годри́ принялъ ихъ 110 («Rev. Sc.» 3 мая 1873, стр. 1032). Понятно, что они должны быть весьма различны для разныхъ мѣстностей.

[15]) Эта толщина принимается столь различною разными авторами, что я не счелъ себя въ правѣ остановиться въ текстѣ на одномъ изъ разнообразныхъ чиселъ, тѣмъ болѣе, что у одного и того же автора (напр. у Креднера) число для цѣлаго періода иногда не совпадаетъ съ числами для отдѣльныхъ системъ. Приведу здѣсь нѣсколько данныхъ:

Лаврентійская: Креднеръ—30.000 метр.; Гэккель 30.000 фут.

Камбрійская: Креднеръ и Морчисонъ—8000 метр.; Годри́—4000 метр.; Гэккель—18.000 ф.

Силурійская: Креднеръ—6000 метр.; Годри́—6500 метр.; Гэккель 22.000 ф.

Первичный періодъ: Креднеръ—19.000 метр. (безъ діаса); Годри́—13.700 метр.; Гэккель—42.000 фут.

Вторичный періодъ: Креднеръ—1000 метр.; Годри́—4000 метр.; Альс. д'Орбиньи—5000 метр.; Гэккель—15.000 ф.

Третичный періодъ. Креднеръ и Годри́—3000 метр.; К. Майеръ—8000 метр.; Гэккель—3000 фут.

сительно-одинаковое положеніе между нижними и верхними отложеніями, *относительно*-одинаковую эпоху въ развитіи живаго міра, оставившаго свои слѣды въ этихъ отложеніяхъ, хотя эти эквивалентныя формаціи и группы формацій могли въ одномъ мѣстѣ имѣть толщину въ нѣсколько десятковъ тысячъ метровъ, а въ другомъ лишь нѣсколько десятковъ ихъ; могли здѣсь представлять непрерывные морскіе осадки, а тамъ носить на себѣ слѣды ряда обнаженій морскаго дна и покрытія вновь материка водою; могли въ одной части поверхности земли происходить на тысячелѣтія ранѣе, чѣмъ въ другой [16]).

Не менѣе неразрѣшимъ при настоящемъ положеніи знаній (какъ и сказано выше) вопросъ о времени, которое требовалось для отложенія всѣхъ этихъ формацій, для многократнаго измѣненія формъ материковъ, для повтореннаго дѣйствія размывающей воды и наростающихъ горныхъ породъ, для тѣхъ процессовъ вымиранія, обновленія и измѣненія органическихъ формъ, которыхъ слѣды всюду намъ представляются въ слояхъ земли. Мы ограничимся пока явленіями неорганическими, но, во всякомъ случаѣ, мы можемъ здѣсь судить по аналогіи лишь о нѣкоторыхъ процессахъ, такъ какъ сотни тысячъ лѣтъ могли проходить надъ иными мѣстностями, не оставляя за собою въ нихъ слѣдовъ для насъ замѣтныхъ, и слой, весьма незначительный по толщинѣ, могъ потребовать для своего отложенія болѣе времени, чѣмъ слой громадной мощности въ другой странѣ [17]). Даже тамъ, гдѣ у насъ есть аналогіи, дѣло идетъ лишь о минимумахъ, но и эти минимумы представляютъ громадныя числа. Судя по медленности нынѣшняго поднятія Скандинавскаго полуострова, морское дно, на которомъ воздвигнуты нѣкоторые коралловые рифы, какъ доказываетъ самый ростъ этихъ рифовъ, должно опускаться уже 66.000 лѣтъ и это число почти совпадаетъ съ размѣрами, опредѣляемыми ежегоднымъ наростаніемъ оболочки организмовъ, дающихъ начало этимъ рифамъ. Ніагара должна была употребить 36.000 лѣтъ, чтобы прорыть ущелье въ $1^1/_2$ мили длины; но Колорадо прорыло себѣ въ гранитѣ ложе въ 60 миль длины и въ 2000 метровъ глубины. И все это процессы *новѣйшаго* времени, соотвѣтствующіе послѣднимъ *небольшимъ* измѣненіямъ въ формѣ поверхности земли. Мы знаемъ навѣрное, что были періоды, когда эти рѣки вовсе не текли,

---

[16]) См. *B. v. Cotta*: «Geol. d. Gegenw.», 3. изд., 96. Въ другомъ мѣстѣ (379) онъ говоритъ: «вообще говоря, можно опредѣлить лишь *относительную*, а не *безусловную* древность образованій, да и то не всегда». Ср. *H. Credner*: «Elem. d. Geolog.», 26: «эквивалентныя формаціи имѣютъ одинаковую *относительную* древность».

[17]) См. *B. v. Cotta*, 119.

когда самая почва ихъ ложа была не выдвинута изъ внутренности земли, какъ лава вулкановъ, или не была отложена, какъ дно моря. Время для послѣдняго періода (третичныхъ и новѣйшихъ слоевъ) составляетъ, по разсчету Дана [18]), едвали $^1/_7$ времени, протекшаго отъ начала отложенія палеозоической группы, а этотъ весь промежутокъ далеко уступаетъ времени отложенія лаврентійскихъ слоевъ. Если отложенія происходили изъ воды такъ быстро, какъ теперь отлагается илъ въ устьи Миссисипи (а въ глубинѣ морей отложеніе шло неизбѣжно медленнѣе), то нужно было бы болѣе 27 милліоновъ лѣтъ, чтобы отложить толщу въ 7 миль, что, по нѣкоторымъ разсчетамъ, еще не достигаетъ всей толщины осадочныхъ пластовъ земной коры. Принимая болѣе умѣренную быстроту отложенія, Фольгеръ нашелъ для толщины осадочной коры въ 2 мили—648 милліоновъ лѣтъ. По несравненно болѣе умѣреннымъ разсчетамъ Кролля, не болѣе 60 милл. лѣтъ должно было пройти со времени отложенія камбрійскихъ слоевъ, 40 милліоновъ—съ каменноугольнаго періода, 15 милліоновъ—съ начала эоцена [19]). Но всѣ эти разсчеты даже не приблизительны, а указываютъ на нѣкоторый минимумъ, далеко отстоящій отъ настоящихъ величинъ. Конечно, всѣ эти числа падаютъ въ предѣлы времени обособленнаго существованія земли, какъ оно указано, приблизительно, въ предыдущей главѣ [20]), но все-таки они представляютъ для нашего воображенія періоды, подавляющіе своей громадностью, особенно сравнительно съ тѣмъ, что мы называемъ человѣческою исторіею, какъ эти періоды ни ничтожны, если взять иную точку сравненія, именно процессы космическіе, о которыхъ говорено передъ этимъ.

Постараемся собрать во-едино нѣкоторыя черты, болѣе или менѣе точно установленныя геологами, для картины послѣдовательныхъ измѣненій формъ земли въ различные геологическіе періоды, какъ эти періоды обозначены въ предыдущей таблицѣ формацій. Самый ходъ геологическихъ работъ объясняетъ, почему при этомъ очеркѣ приходится, большею частью, ограничиваться Европою и Сѣверною Америкою, лишь изрѣдка говоря о другихъ частяхъ земной поверхности.

---

[18]) См. *Jam. Dw. Dana:* «Manual of Geology» (1864), стр. 569.

[19]) Для предыдущихъ вычисленій см. *Dana:* «Manual of Geol.», 590; *Credner:* «Elem. der Geol.», 199 и слѣд. (большею частью заимствовано у *Dana*); *Volger:* «Erde und Ewigkeit», 321 и слѣд.; *J. Croll* въ «Philos. Magaz.» Т. 35, стр. 367. По Рамзэю толщина осадочныхъ слоевъ въ Великобританіи можетъ быть принята въ 14 англ. миль, т. е. около 3 географ. миль. Сумма всѣхъ слоевъ по числамъ Кредера выходитъ болѣе 7 миль.

[20]) См. въ концѣ § 1 этой книги.

Первобытная застывшая кора съ первобытными осадочными слоями, на нее отложившимися изъ всемірнаго океана, при всемъ своемъ сравнительномъ единообразіи, неизбѣжно представляла линіи наиболѣе слабаго сопротивленія и эти линіи частью опредѣлялись самымъ происхожденіемъ земной коры. Когда въ ней произошли морщины и изломы, вслѣдствіе ея охлажденія и сжиманія, или вслѣдствіе давленія на нее волнъ расплавленнаго ядра, то трещины и изломы должны были произойти въ опредѣленномъ направленіи по линіямъ наименьшаго сопротивленія. Есть основаніе думать, что эти первоначальныя линіи наименьшаго сопротивленія были направлены съ С.З. на Ю.В. и съ С.В. на Ю.З. [21]). Затѣмъ нѣкоторыя части выступали на поверхность всеобщаго океана, другія опустились ниже прежняго своего уровня. Океаны и моря отдѣлились отъ материковъ и материки приняли основное очертаніе, которое могло быть частью измѣнено впослѣдствіи, но которое въ общихъ чертахъ опредѣлило ихъ будущую форму и для тѣхъ періодовъ, когда они, при измѣненіи уровней, опускались подъ воду океановъ и для тѣхъ, когда они снова поднимались надъ нею. При образованіи первыхъ материковъ ихъ формы обусловились опредѣленными направленіями первоначальнаго излома. Въ этихъ береговыхъ линіяхъ материковъ и сопротивленіе было слабѣе и боковое давленіе опустившихся частей на поднятыя было значительнѣе; оно было, притомъ, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ обширнѣе была опустившаяся часть, т. е. чѣмъ значительнѣе былъ бассейнъ образовавшагося океана или моря. Это самое опредѣлило общія черты формъ материковъ. Большинство береговыхъ линій, горныхъ хребтовъ и рядовъ острововъ направилось съ С. В. на Ю.-З. и съ С.-З. на Ю. В. Вулканическое дѣйствіе встрѣчало наименѣе сопротивленія на берегахъ и хребты горъ направились вдоль береговъ, причемъ наиболѣе высокіе расположились по берегамъ большихъ океановъ, менѣе высокіе — по берегамъ меньшихъ морей; вулканы распредѣлились преимущественно по берегамъ и опять преимущественно по берегамъ океановъ; наконецъ, прибрежные слои постоянно

[21]) См. *Jam. Dw. Dana:* «Man. of Geol.» (1864) стр. 734. Креднеръ, повидимому, принимаетъ результаты Дана. Эти результаты въ основной мысли сходятся съ первымъ обобщеніемъ Эли де Бомонъ («Recherches sur quelques unes des revolutions de la surface du globe» въ «Annales des sciences naturelles» 1829 и 1830) объ опредѣленномъ направленіи горныхъ хребтовъ, но это обобщеніе было впослѣдствіи искажено до нелѣпости такъ-называемою «пентагональною системою» французскаго ученаго, о которой см. *J. Marcou:* «De la science en France» (1869), 1-er fasc., стр. 68 и слѣд.; а также статью *Журди:* «A propos du reseau pentagonal» въ «Philos. Posit.» VI. См. указанія прим. 3 предыдущаго параграфа и 11 этого.

стали представлять наиболѣе громадные и разнообразные изломы и скручиванія, тогда какъ среди материковъ распространились равнины, часто сохранявшія горизонтальное направленіе осадочныхъ слоевъ почти безъ измѣненія. Такъ были подняты почти въ горизонтальномъ положеніи въ нашемъ отечествѣ пласты силурійской формаціи, расположенные по южному берегу Финскаго залива и Ладожскаго озера отъ Свири до острововъ Даго и Эзеля; громадная площадь девонскихъ пластовъ, обнимающая 7000 квадр. миль, начиная отъ Курляндіи до Архангельска въ одну и до береговъ Дона въ другую сторону; отложенія горнаго известняка, распространяющіяся отъ Тулы до Бѣлаго моря и, вѣроятно, тянущіяся и очень далеко къ Уралу подъ пермскими и юрскими пластами; наконецъ, площадь пермской формаціи въ 18.000 квадр. миль, идущая отъ уральскихъ горъ до Ростова, Ардатова и Симбирска и занимающая большую часть Европейской Россіи [22]). Лишь при весьма обширныхъ материкахъ или при особенной комбинаціи обстоятельствъ явленія преимущественно береговыя могли совершаться внутри материковъ, какъ поднятіе Уральскаго хребта среди европейско-азіатскаго материка или присутствіе вулкановъ вдали отъ береговъ [23]).

Но эти общія черты будущаго міра подвергались въ продолженіе длинной геологической исторіи многочисленнымъ пертурбаціямъ и эти-то пертурбаціи составляли перипетіи этой исторіи. *Общія* неровности земной поверхности оставались, можетъ быть, однѣ и тѣ же, и *общія* линіи вулканическаго дѣйствія были опредѣлены, но мѣстныя непрерывныя колебанія погружали подъ уровень океана высокія равнины или обнажали низменности; временныя причины усиленія вулканическаго дѣйствія поднимали хребты горъ по данной линіи слабѣйшаго сопротивленія, по данному берегу океана въ тотъ или другой періодъ существованія земли; мѣстныя и временныя причины видоизмѣняли *видимую* карту земли, хотя основныя, характеристическія черты земной поверхности могли оставаться безъ измѣненія.

Повидимому, всюду на земной поверхности образовалась изъ первыхъ осадочныхъ слоевъ всемірнаго океана *лаврентійская* система съ преобладаніемъ гнейсовъ, переходящихъ съ одной стороны въ сланцы, съ другой—въ граниты [24]). Ея толщина доходитъ въ Канадѣ до 1000

---

[22]) См. у *Dana* и *Credner*.—Для послѣднихъ указаній см. *Гельмерсенъ*: «Геологическая карта Россіи и хребтовъ Уральскаго и Кавказскаго, составл. 1863 г.» (1865).

[23]) См. *Dana*, 733.—О вулканахъ внутри материковъ см. *Elisée Reclus*: «La terre», I, (2 изд. 1870), 571.

[24]) См. *Credner*, 246 и слѣд.—Ср. для лаврентійскихъ пластовъ на сѣверѣ

метр., въ Баваріи до 30.000. Между пластами гнейса, на днѣ морей образовались осадки, давшіе кристаллическіе известняки, пласты которыхъ доходятъ до 300 и до 400 метр. толщины [25]). Но объ материкахъ или островахъ этого періода невозможно составить даже приблизительнаго представленія. Восходя далѣе камбрійскаго періода, по словамъ Рамзея [26]), «всякое разсужденіе, опирающееся на подробности геологической исторіи, становится до крайности неопредѣленнымъ». Тѣмъ не менѣе, мы знаемъ, что на днѣ лаврентійскаго моря дѣйствовали вулканы, что лавы разливались по этому дну, образуя діабазы и нѣкоторые граниты, и покрывались снова морскими осадками [27]).

Затѣмъ дѣйствіе вулканизма подняло части лаврентійскихъ слоевъ надъ уровнемъ океана. Иные и остались непокрытыми океаномъ до нашего времени, какъ напр. въ Сѣв. Америкѣ. Другія снова покрылись моремъ и позднѣйшими осадками, но конгломераты Англіи и Шотландіи доказываютъ, что часть древнихъ гнейсовъ возвышалась надъ моремъ и разрушеніе ихъ дало начало этимъ конгломератамъ по берегамъ первыхъ острововъ и материковъ [28]). Длинные ряды голыхъ утесовъ лаврентійской формаціи возвышались надъ моремъ *камбрійскаго* періода, въ которомъ отлагались камбрійскіе сланцы и доломитовые известняки Мичигана, доходящіе до 1000 метр. толщины [29]).

Постепенно перешелъ этотъ періодъ въ послѣдующій и съ самой эпохи установленія этихъ отдѣловъ до нашего времени идетъ все возобновляющійся споръ о ихъ границахъ [30]). Есть данныя, по которымъ можно заключить, что умѣренная температура, господствовавшая для мѣстности нынѣшней Европы въ камбрійскій періодъ, возвысилась въ *си-*

Россіи *Иностранцева*: «Геолог. обзоръ мѣстности между Бѣлымъ моремъ и Онежскимъ озеромъ» въ «Труд. С.-Петерб. общ. естеств.» т. II, вып. 1.

[25]) См. *Credner*, 271, 274 и др.

[26]) См. чтеніе Рамзэя «о древнихъ материкахъ» въ британскомъ королевскомъ институтѣ, напечатанное въ «Revue scientifique» 14 іюня 1873, стр. 1178.

[27]) См. *Credner*, 284.

[28]) Тамъ же, 282.

[29]) Тамъ же, 287, 279.

[30]) Объ установленіи этихъ системъ Морчисономъ и Сэджвикомъ, и о спорахъ, вызванныхъ при этомъ ошибками и самолюбіемъ Морчисона, будетъ сказано въ книгѣ IX, въ параграфахъ: «Космосъ» и «Теорія строенія міра». Пока см. *T. Sterry Hunt*: «History of the names Cambrian and Silurian in Geology» въ «Canadian Naturalist» и въ «Nature» 1872 г. Шаткость этихъ раздѣленій видна и изъ попытки замѣнить систему камбрійскую системою гуронскою въ иныхъ предѣлахъ, и въ томъ отсутствіи согласія между

лурійскій [31]). На сѣверѣ, повидимому, поднялся материкъ камбрійскихъ слоевъ, разрушеніе котораго дало начало силурійскимъ осадкамъ [32]), но все-таки сравнительно значительная часть земной поверхности была покрыта водою и бо́льшая часть суши состояла изъ голыхъ утесистыхъ острововъ [33]). Однако въ этомъ періодѣ нѣкоторые ученые признаютъ уже слѣды дѣйствія ледниковъ. Въ нижне-силурійскихъ пластахъ южной Шотландіи отложены куски гнейса, гранита и сіенита въ 5 ф. въ діаметрѣ, куски, которые должны были быть принесены издалека. Подобныя же явленія указаны въ нижнихъ и въ верхнихъ слояхъ силурійской формаціи Сѣв. Америки. Ледниковые періоды начинали раздѣлять геологическую исторію земли на опредѣленные, хотя неравные промежутки [34]).

Поднялись силурійскія равнины южнаго берега Невы надъ уровнемъ девонскаго океана. Силурійскіе пласты претерпѣли жестокіе изломы и скручиванія въ Сѣв. Америкѣ и въ Англіи [35]). Альмаденская ртуть, мѣдь Верхняго озера и свинцовый блескъ Верхняго Миссисипи застыли въ ихъ трещинахъ [36]). Къ концу силурійскаго періода все то пространство, которое мы называемъ сѣверной Европой образовало часть обширнаго материка, поверхность котораго не уступала самымъ значительнымъ материкамъ нынѣшняго періода, и онъ просуществовалъ въ продолженіе длиннаго промежутка времени, предъ которымъ ничтожно нетолько то, что мы называемъ историческимъ временемъ, но и все геологическое время существованія нынѣшняго распредѣленія суши и моря; именно—до отложенія верхнихъ слоевъ тріаса [37]). Въ этотъ громадный періодъ изъ прѣсныхъ водъ материковъ и изъ морей ихъ омывающихъ отлагались слои, образовавшіе всѣ первичныя формаціи, неопредѣленность разграниченія которыхъ какъ съ до-первичными, такъ и между собою выказывается отсутствіемъ согласія между лучшими современными геологами [38]).

геологами, которое проявляется въ отнесеніи силурійской системы то въ одинъ періодъ съ камбрійской, то въ иной.

[31]) См. *El. Reclus*: «La terre», I, (2 изд. 1870), стр. 43.—Креднеръ принимаетъ для силурійскаго времени, какъ и далѣе до мѣловаго, единообразную температуру для всей земли, подъ вліяніемъ внутренняго жара, но это вѣрнѣе отнести къ его консерватизму.

[32]) См. чтеніе Рамзэя, упомянутое въ прим. 26

[33]) См. *Credner*, 310.

[34]) См. *James Geikie*: «The Great Ice age» (1874), 512.

[35]) См. *Credner*, 307, 308.

[36]) Тамъ же, 308 и слѣд.

[37]) См. чтеніе Рамзэя.

[38]) О несогласіи Барранда съ другими геологами относительно предѣль-

Но всюду, гдѣ мы находимъ эти формаціи (къ какимъ бы различнымъ періодамъ *безусловнаго* времени онѣ ни относились), мы встрѣчаемъ, въ ихъ послѣдовательности, непрерывный порядокъ, ясно указывающій на процессъ ихъ образованія и на измѣненіе видимыхъ формъ земли въ продолженіе всего этого времени. Материки росли въ *девонскій* періодъ, какъ вслѣдствіе медленнаго поднятія почвы, такъ и вслѣдствіе непрерывныхъ наносовъ на береговыя линіи, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ принимали болѣе сложныя очертанія. Наконецъ, на отвоеванныхъ у моря пространствахъ, стали собираться дождевыя воды въ болѣе или менѣе обширные водоемы, большею частью неглубокіе, несвязанные рѣками, которыя еще не успѣли прорыть себѣ ложа; и многочисленныя озера, лагуны, болота покрыли плоскіе берега новыхъ материковъ. Небольшія колебанія почвы то опускали эти временныя площади суши и прѣсноводныхъ бассейновъ подъ уровень океана, то снова выдвигали ихъ изъ него, а непрерывное вулканическое дѣйствіе все расширяло область части морскаго дна, лежавшаго сперва въ глубинѣ, потомъ сдѣлавшагося мелкимъ прибрежьемъ и наконецъ перешедшаго въ часть материка, покрытую болотами. Такимъ образомъ, во всѣхъ мѣстностяхъ, подверженныхъ этому процессу, сначала на глубинѣ моря отлагались горные известняки, какъ на большей части площади распространенія каменноугольной формаціи въ Европейской Россіи (на полосѣ, идущей отъ Тулы до Бѣлаго моря, но эти пласты, вѣроятно, распространяются на $^1/_3$ пространства Европейской Россіи подъ юрскими и пермскими отложеніями); потомъ, на мелкихъ берегахъ отлагались конгломераты, достигающіе до 2000 метр. толщины въ бассейнахъ Англіи, Шотландіи, Аппалахскихъ горъ; потомъ въ болотахъ и лагунахъ отлагались остатки богатой растительности (о которой скажемъ въ слѣдующей главѣ), *продуктивные* пласты нынѣшняго каменнаго угля, и эти три яруса вмѣстѣ составляли элементы полнаго развитія *каменноугольной* системы. Затѣмъ, періодъ поднятія смѣнился для этихъ низменныхъ частей материковъ процессомъ пониженія; материкъ сталъ плоскимъ прибрежьемъ, и опять продуктивные каменноугольные пласты покрылись конгломератами и краснымъ песчаникомъ (Rothliegende), а затѣмъ, при дальнѣйшемъ пониженіи, глинистымъ сланцемъ и известнякомъ цехштейна, причемъ эти два яруса составили систему *діаса*. Въ тоже время иные

ныхъ слоевъ девонской и силурійской системъ см. *Bernh. v. Cotta*: «Die Geologie der Gegenwart» (3 изд. 1872) 117. Ср. сказанное въ концѣ прим. 30. О сомнительности границъ между девонскою и каменноугольною системою см. замѣчаніе Вейса въ «Jahrbuch für Mineralogie» (1865), стр. 838.

процессы происходили въ мѣстностяхъ, гдѣ обнаженіе морскаго дна не совершилось окончательно, или совершилось на незначительное время, такъ что ни прѣсноводныя, ни береговыя образованія не могли имѣть большаго развитія; тамъ, на горныхъ. известнякахъ съ крайне слабымъ или ничтожнымъ развитіемъ продуктивныхъ пластовъ каменнаго угля, легли прямо песчаники и известняки *пермской* формаціи, русскаго и сѣверо-американскаго эквивалента нѣмецкому діасу [39]).

Для большей части извѣстныхъ намъ мѣстностей, гдѣ открыты, дѣйствительно, слѣды пластовъ, образовавшихся изъ растительности каменноугольнаго періода, климатъ былъ теплый и сырой. Повидимому средняя температура этихъ мѣстностей не могла быть менѣе 25—30° Ц. и подобныя указанія встрѣчаются на Шпицбергенѣ и на Медвѣжьихъ островахъ. Всѣ наличныя гипотезы, принятыя для объясненія этихъ фактовъ, не могутъ считаться вполнѣ удовлетворительными, тѣмъ болѣе, что въ каменноугольной формаціи и въ діасѣ Австраліи, Сѣверной Америки, Англіи и Германіи многіе современные геологи признаютъ безспорные слѣды дѣятельности ледниковъ и даже нѣсколькихъ ледниковыхъ періодовъ. Всего правдоподобнѣе, что самые жестокіе холода ледниковыхъ періодовъ могли перемежаться съ эпохами теплаго климата, какъ послѣдствіемъ тѣхъ самыхъ астрономическихъ условій, которыя вызывали ледниковые періоды, а въ порядкѣ отложеній эта разница малыхъ періодовъ для насъ незамѣтна [40]).

Переходъ отъ первичныхъ формацій къ *вторичнымъ* сопровождался значительнымъ измѣненіемъ какъ формъ материковъ, такъ и характера геологическихъ процессовъ. Послѣ многочисленныхъ слѣдовъ вулканическаго дѣйствія, встрѣчаемыхъ среди пластовъ каменноугольныхъ и пермскихъ, какъ въ древнихъ остывшихъ лавахъ, такъ въ изломѣ и въ скручиваніи осадочныхъ слоевъ, насталъ длинный періодъ сравнительно-спокойнаго времени. Пласты тріаса, юры и мѣла тянутся на огромныя разстоянія, почти не измѣнивъ своего горизонтальнаго положенія со времени своего отложенія и лишь въ нѣкоторыхъ ограниченныхъ областяхъ поднятіе хребтовъ горъ и дѣятельность береговыхъ вулкановъ нарушаютъ спокойствіе этого геологическаго періода. Но и эти явленія рѣдки, особенно если сравнить съ тѣми многочисленными

---

[39]) Для предыдущаго см. *Credner*, 338, 353 и др. Также таблицу на стр. 354.

[40]) О температурѣ каменноугольнаго періода см. *Credner*, 372. О слѣдахъ ледяныхъ періодовъ см. *J. Geikie*: «The great Ice age» 513, 514, 515. Объясненіе см. тоже у Джейки. Ср. *Croll* въ «Phil. Magaz.» Т. 36, стр. 382.

и характеристическими измѣненіями профиля материковъ, которыя относятся къ третичному времени [41]).

Столь же значительно различіе въ распредѣленіи суши и моря вторичнаго періода отъ первоначальнаго. Для Сѣв. Америки эпоха перехода въ этомъ случаѣ была повидимому одной изъ трехъ эпохъ значительнѣйшихъ измѣненій формъ материка [42]). Для Европы измѣненія были столь же велики, и разнообразіе отложеній, принадлежащихъ однѣмъ и тѣмъ же формаціямъ доказываетъ какъ возрастающее разнообразіе въ расчлененіи материковъ, образованіе обширныхъ рѣчныхъ системъ и значительныхъ прѣсноводныхъ водоемовъ, такъ и многократныя измѣненія уровня океановъ, хотя эти измѣненія должны были совершаться съ чрезвычайною постепенностью, и колебанія земной поверхности имѣли, повидимому, крайне мало вліянія на правильное отложеніе осадковъ. Этой постепенности отложеній и этому возрастающему разнообразію топографическихъ особенностей слѣдуетъ приписать и многочисленные спорные вопросы, существующіе для систематической геологіи этого періода; такъ, между тріасомъ и юрою встрѣчаемъ пласты, принадлежность которыхъ къ той или другой изъ этихъ формацій вызываетъ споръ, раздѣляющій до сихъ поръ ученыхъ на группы почти равносильныя [43]), а еще выше, между юрою и мѣломъ существованіе цѣлой формаціи (титонической) составляетъ въ наше время предметъ ожесточенной полемики [44]).

Въ концѣ періода *тріаса*—сравнительно-холоднаго для Европы и заключающаго во многихъ мѣстахъ слѣды дѣятельности ледниковъ [45])—на обширномъ пространствѣ произошло пониженіе, положившее конецъ старому сѣверному материку Европы, и новое распредѣленіе суши и моря въ періодъ *юры* было уже совсѣмъ иное [46]). Огромный новый

---

[41]) Для сравненія характера этихъ періодовъ см. *Credner*, отдѣлы исторической геологіи, сюда относящіеся.

[42]) См. *Jam. Dw. Dana*: «Manual of Geology», 722.

[43]) Небольшой слой, называемый геологами Bone-bed, относится 21 авторитетомъ въ геологіи къ юрской системѣ; 19-ю столь же значительными авторитетами къ тріасу, а 12 не менѣе ученыхъ испытателей сочли за лучшее воздержаться отъ опредѣленнаго приговора. См. у *Cotta*, 111.

[44]) Борьба за и противъ титонической системы, которой пытались даже придать характеръ національнаго соперничества, будетъ указана въ параграфѣ: «Научныя пріобрѣтенія», въ концѣ книги IX. Эта борьба очень хорошо изложена *E. Jourdy* въ статьѣ: «L'etage tithonique» въ «La Philosophie Positive», IX.

[45]) См. *J. Geikie*: «The great Ice age» (1874), 514.

[46]) Слѣдующее преимущественно по *Jules Marcou*: «Lettres sur les roches

материкъ распространялся наклонно къ экватору, почти совершенно преграждая сообщеніе между сѣвернымъ и южнымъ океаномъ и отдѣляя двѣ различныя системы заливовъ. Онъ занималъ около трети земной поверхности и охватывалъ большую часть обѣихъ Америкъ, Африку, Индостанъ, Новую Зеландію и Австралію. Мѣсто, занимаемое большею частью нынѣшней центральной Европы, было покрыто средиземнымъ моремъ, среди котораго возвышались немногочисленные острова и которое ограждалось отъ полярныхъ теченій широкимъ серповиднымъ полуостровомъ съ плоскимъ южнымъ берегомъ. Пиренеи и Альпы представляли архипелагъ острововъ. Между Вогезами и Шварцвальдомъ шелъ къ сѣверу заливъ Эльзаса. Теплыя теченія этого средиземнаго моря, ограниченнаго отъ полярныхъ вліяній, возвышали температуру его водъ выше 20° Ц., и на сѣверныхъ плоскихъ берегахъ его, около дельтъ громадныхъ рѣкъ, отлагались береговые пласты, переходившіе въ прѣсноводные осадки, вслѣдствіе медленныхъ измѣненій уровня моря, тогда какъ южнѣе образовывались слои осадковъ глубокаго теплаго моря. На мѣстѣ нынѣшней Москвы и отъ Переяславля Залѣсскаго до Городища на берегахъ Волги (около Симбирска) ложились на первичныхъ слояхъ осадки юрскаго моря, которые должны были дать матеріалъ для горъ южнаго берега Крыма и для значительной части Кавказа [47]).

Періоду *мѣловыхъ* формацій соотвѣтствовало пониженіе сѣверной части юрскаго европейскаго материка и поднятіе центральной части Европы. Въ это время поднялись во Франціи Кот-д'оръ, Пилатъ, Севенны. Мѣловое море обозначило въ ней расчлененіемъ своихъ заливовъ бассейны ея главныхъ рѣкъ. Оно шло отъ Англіи и сѣверной Франціи чрезъ Бельгію по всему пространству нынѣшней сѣверогерманской равнины, но его осадки, большею частью, покрыты позднѣйшими пластами. Въ Сѣв. Америкѣ оно занимало три обширныхъ площади, изъ которыхъ одна, самая большая, распространялась отъ нынѣшней Мексики вдоль восточнаго склона Скалистыхъ горъ до истоковъ Миссисипи и до Сѣвернаго океана [48]). Иные геологи считаютъ возможнымъ отнести къ мѣловому періоду первое проявленіе раздѣленія климатовъ на земной

---

du Jura» (1857, 1860).—Ср. *Elis. Reclus:* «La terre», I (2 изд.), 42; приведенную въ прим. 44 статью *Журди; O. Heer:* «Die Urwelt der Schweiz» (1864); *Ach. Delèsse:* «Lithologie des mers de la France etc.» (1872); лекцію *Ramsay:* «Les vieux continents» въ «Revue scientifique» и др. Но указанія этихъ авторовъ не всѣ совпадаютъ.

[47]) Для послѣдняго см. карту *Гельмерсена*, упомянутую въ прим. 22.

[48]) См. *Credner*, 451 и слѣд., 455. Ср. лекцію *Рамзэя* и *Delesse:* «Lithologie» etc.

поверхности; но едвали можно признать вѣроятнымъ подобное долговременное дѣйствіе внутренней теплоты земнаго шара при дурной теплопроводимости большинства минераловъ, составляющихъ земную кору [49]). Точка раздѣленія мѣловаго періода отъ слѣдующаго за нимъ стала столь же неопредѣленною для геологовъ въ послѣднее время, какъ и границы предшествующихъ переходныхъ эпохъ [50]).

Тѣмъ не менѣе, характеръ новаго, *третичнаго* времени выступаетъ вполнѣ опредѣленно въ его цѣлости. Формы материковъ уже значительно приближаются къ нынѣшнимъ; въ тоже время, за періодомъ сравнительнаго спокойствія, настаетъ періодъ обширныхъ геологическихъ измѣненій. Многочисленныя колебанія измѣняютъ очертанія материковъ, то погружая ихъ подъ уровень океана, то выдвигая изъ него, разрушая древнія Атлантиды и Лемуріи, направляя теченіе рѣкъ въ обратную сторону. Вулканическія изверженія оставляютъ свои слѣды въ Германіи, въ центральной Франціи, въ Британіи, въ Шотландіи, въ Гебридахъ. Встаютъ всѣ замѣчательнѣйшія горныя массы, опредѣляющія теперь профиль материковъ; Альпы, Пиренеи, Юра, Карпаты устанавливаютъ нѣкоторыя черты будущаго раздѣленія національностей и будущей исторіи Европы. Кавказъ выдвигается на границѣ Европы и Азіи. Гималая отдѣляетъ отъ степей средней Азіи будущіе центры древне-арійской цивилизаціи. Кордильеры поднимаются, какъ спинной хребетъ своеобразнаго материка, раздѣляющаго два океана, идущихъ отъ полюса до полюса [51]). Эти основные очерки строенія настоящаго міра требуютъ лишь дополненія въ подробностяхъ, чтобы дать ту топографическую и климатологическую почву, на которой развилась человѣческая исторія. И въ то время, какъ эти перевороты совершались на земной поверхности, много разъ мѣнялись климаты ея разныхъ поясовъ, нетолько въ связи съ измѣненіемъ распредѣленія суши и моря, но и въ

---

[49]) Мнѣніе, упомянутое въ текстѣ, поддерживается Креднеромъ, стр. 436, 461 и др. По мнѣнію Томсона, упомянутому въ прим. 20 къ § 2, поверхность земли перестала получать теплоту отъ внутренняго ядра чрезъ 10.000 лѣтъ послѣ остыванія.

[50]) Послѣ несовсѣмъ удачныхъ попытокъ пополнить этотъ перерывъ формаціями этрурскою и гарумійскою (см. *Cotta*, 108), для Америки предположеніе Гэйдена о существованіи переходной формаціи, повидимому, совершенно подтверждено въ послѣднее время Кэпомъ. См. *Cape*: «On the mutual relation of the cretaceous and tertiary Formation of the West» въ «Bulletin of the U. S. Geological and Geographical Survey of the territories» № 2, 1874.

[51]) См. *Credner*, 460 и слѣд.—Ср. *Andr. Crombie Ramsay*: «Physical Geology.... of Great Britain» (3 ed. 1872), 129.—Объ Атлантидѣ и Лемуріи см. прим. 61.

связи съ астрономическими измѣненіями, то вызывая вѣчно зеленую растительность на берегахъ Гренландіи и Шпицбергена, то раздвигая предѣлы ледниковъ съ вершинъ Альпъ на равнины Италіи, куда падали со льдинъ гранитные обломки дальнихъ горъ въ 105 ф. длины, 90 ф. ширины и 45 ф. вышины. Соглашая эти геологическія данныя съ астрономическими вычисленіями, нѣкоторые ученые нашего времени пришли къ вѣроятности существованія двухъ ледниковыхъ періодовъ для сѣвернаго полушарія во время отложенія третичныхъ формацій, причемъ первый изъ этихъ періодовъ, современный среднему эоцену, могъ имѣть мѣсто въ промежутокъ между 2.630,000 и 2.460.000 лѣтъ до нашего времени; второй, соотвѣтствующій верхнему міоцену,—между 980.000 и 720.000 годами [52]). Но едвали эти числа не малы для геологическихъ періодовъ.

Распространеніе третичныхъ морей можно уже прослѣдить съ бо́льшею точностью, чѣмъ это допускали осадки морей предыдущихъ періодовъ. Начиная съ сѣверной Франціи, гдѣ, въ берегахъ, образованныхъ мѣловыми формаціями, находимъ меньшій бассейнъ третичнаго моря, распространяющійся и на часть Англіи, мы можемъ прослѣдить осадки этого моря въ сѣверной Бельгіи и вдоль всей сѣверной равнины Германіи—хотя здѣсь эти осадки частью скрыты подъ позднѣйшими наносами—и далѣе на востокъ чрезъ польскія и русскія третичныя отложенія до Днѣпра. Точно также на югѣ Франціи третичное море, разливаясь между центральнымъ гранитнымъ плато и Пиренеями, наполняло бассейнъ Гаронны, соединяло нынѣшній Атлантическій океанъ съ Средиземнымъ моремъ [53]), отъ устьевъ Роны шло вдоль восточнаго и сѣвернаго склона Альпъ, наполняло промежутокъ между Альпами и Юрою и далѣе тянулось до мѣстности нынѣшней Вѣны, гдѣ разливалось въ обширный бассейнъ, покрывавшій Моравію, Венгрію, Трансильванію, омывавшій подножіе Карпатовъ, часть которыхъ поднималась надъ его уровнемъ. Далѣе это море соединялось съ третичнымъ моремъ южной Россіи, которое, повидимому, распространялось чрезъ всю центральную Азію до Китая и Японіи. На югъ отъ Альповъ третичное море достигало береговъ Далмаціи; его осадки находимъ въ Сициліи, Греціи и на Пире-

---

[52]) См. *J. Croll* въ «Philos. Mag.» T. 36, стр. 36[illegible].—Ср. *J. Geikie*: «The great Ice age», 514, 515.

[53]) Относительно карты для Франціи третичной эпохи въ трудѣ *Delèsse*: «Lithologie» etc. замѣчено было Джэффрисомъ (J. Gwyn Jeffreys) на брайтонскомъ собраніи британской ассоціаціи (19 авг. 1872), что Делэссъ упустилъ изъ виду соединеніе, безспорно существовавшее между Атлантическимъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ въ это время.

нейскомъ полуостровѣ.—Въ Сѣверной Америкѣ это море отложило въ разныя времена широкія полосы вдоль береговъ обоихъ океановъ и мощные пресноводные осадки внутри материка [54]).

Но было уже сказано, что въ продолженіи долгаго періода третичныхъ отложеній, въ этомъ распространеніи моря и суши и въ профилѣ третичныхъ материковъ происходили непрерывныя и значительныя измѣненія; нѣкоторыя изъ нихъ можно прослѣдить по болѣе ограниченнымъ періодамъ. Такъ, въ періодъ *эоцена* лондонская глина отлагалась у устья громадной рѣки. Передъ началомъ *міоцена* произошло первое поднятіе высокихъ горъ въ мѣстности Альпъ. Юрскіе слои поднялись громаднымъ сводомъ и сквозь проломъ этого свода выдвинулись кристаллическія породы Альпъ, тогда какъ сѣверо-восточная часть Швейцаріи опускалась около того же времени [55]). На сѣверъ тянулись озера и болота на плоскомъ берегу, который былъ то занятъ міоценовымъ моремъ, то снова образовалъ сушу, но рѣки этой площади, теперь занятой бассейномъ Рейна, текли, преимущественно, съ сѣвера на югъ [56]). Въ нынѣшней Испаніи обширныя озера, покрывавшія до 150.000 квадр. километровъ, принимали въ себя рѣки съ материка третичной Атлантиды, простиравшейся нѣкоторое время поперегъ Атлантическаго океана [57]). Въ тоже время Аттика составляла часть материка, распространявшагося по направленію къ Африкѣ по мѣстности, нынѣ занимаемой Архипелагомъ [58]). Вслѣдъ за поперемѣннымъ пониженіемъ и новымъ поднятіемъ мѣстности Альпъ въ продолженіе періода міоцена, произошло, наконецъ, въ эпоху *пліоцена*, поднятіе Альпъ и Юры, какъ мы теперь ихъ знаемъ [59]). Тогда куски эоценовыхъ осадковъ были вынесены на высоту 3000 метровъ и швейцарскія озера на высоту 400 метровъ надъ уровнемъ океана. Міоценовые осадочные пласты образовали наклонную плоскость по направленію къ сѣверу и по

---

[54]) См. премущественно *Credner*, 491, 492.—Ср. карту пространства, покрытаго моремъ въ *разное* время послѣ начала третичнаго періода у *Ch. Lyell*: «Princ. of Geology», (11 изд.) I, прот. стр. 254.

[55]) См. *O. Heer*: «Urwelt der Schweiz»; *Cotta*, 142; *Credner*, 429.

[56]) См. чтеніе Рамзэя «о физической исторіи Рейна» 27 марта 1874 г. въ британскомъ королевскомъ институтѣ, помѣщенное въ «Nature», 1874, 16 стр.

[57]) Объ Атлантидѣ см. прим. 61.—Объ испанскихъ третичныхъ озерахъ см. *E. de Verneuil et E. Collomb*: «Carte geologique de l'Espagne et du Portugal» (2 ed., 1868) и ср. *E. T. Hamy*: «Precis de paleontologie humaine», (1870), 72.

[58]) См. *Albert Gaudry:* «Animaux fossiles de Pikermi».

[59]) См. *O. Heer:* «Urwelt der Schweiz»; *Cotta*, 142.

ней потекли воды Рейна на 500 футъ выше нынѣшняго его ложа, которое онъ долженъ былъ прорыть себѣ постепенно [60]). Водораздѣлы Европы получили свой нынѣшній характеръ. Можетъ быть въ связи съ этими явленіями, если не позже третичнаго періода, произошло исчезаніе Атлантиды, а въ южномъ океанѣ исчезаніе обширнаго материка Лемуріи, на существованіе котораго указываютъ многіе вѣроятные доводы [61]).

Къ концу третичнаго періода Европа имѣла видъ узкаго острова, длинная ось котораго была направлена отъ востока къ западу; Америка же представляла длинную и узкую полосу земли, направленную отъ сѣвера къ югу. Измѣненія уровня, повидимому, ограничились съ тѣхъ поръ большими массами материковъ, преимущественно въ большихъ широтахъ; наприм., сѣвер. Уэльсъ измѣнилъ уровень на 2000 ф.; но новые хребты горъ уже не поднимались. Опредѣлились и развились въ особенности нынѣшніе бассейны большихъ рѣкъ [62]). Эпоха перехода отъ третичнаго періода къ періоду новѣйшихъ наносовъ была ознаменована обширнымъ распространеніемъ ледниковъ въ сѣверномъ полушаріи, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ [63]). Лишь въ Сибири слѣды этого ледниковаго періода крайне сомнительны [64]). Самыя умѣренныя вычисленія относятъ существованіе этого періода къ промежутку времени между 240.000 и 80.000 годами до нашего времени [65]). Несомнѣнно, что подобные же слѣды найдены и въ южномъ полушаріи, но, при современномъ состояніи знанія, всего вѣроятнѣе, что ледниковый періодъ для южнаго полушарія предшествовалъ тому, который разбросалъ

---

[60]) См. чтеніе Рамзэя, упомянутое въ прим. 56.

[61]) Объ Атлантидѣ третичнаго періода см. *Unger:* «Die versunkene Insel Atlantis» (1860); *O. Heer:* «Die Insektenfaune der tertiargebilde» (1847—53); ср. *Ch. Lyell:* «The Geological evidence of the antiquity of man» (2 изд. 1863), 439. О Лемуріи см. въ кн. III, гл. I. О ней у *Ernst Häckel:* «Natürliche Geschichte der Schöpfung» (3 изд. 1872), 321; ср. *Ch. Lyell:* «Princ. of Geology» (11 изд.), 253. Мнѣніе о существованіи этого погибшаго материка нашло опору и въ работѣ Уэллеса о Малайскомъ архипелагѣ. Но большею частью потопленіе Лемуріи и Атлантиды относятъ къ новѣйшему періоду.

[62]) См. *Dana*, 569; *Lyell:* «Principles» etc., I, 193.

[63]) Объ этомъ см. кн. III, гл. I; упомянутый выше трудъ Джейки и главы у Ляйэля, Котты, Креднера, сюда относящіяся. Ср. прим. 5.—О ледниковомъ періодѣ на сѣверѣ Россіи см. замѣчательные труды кн. П. А. Крапоткина, Шмидта, Иностранцева и др. О ледниковомъ періодѣ на Кавказѣ трудъ Абиха.

[64]) Впрочемъ, работы кн. П. А. Крапоткина, Н. А. Лопатина и друг. въ послѣднее время побуждаютъ еще воздержаться отъ рѣшительнаго заключенія въ этомъ случаѣ.

[65]) См. *J. Croll:* «On geological Time» etc.

громадные эрратическіе камни по равнинамъ Европы до параллели 50° и по равнинамъ Сѣверной Америки, до параллели 40°, вырылъ многія озера, и что вообще ледниковые періоды въ обоихъ полушаріяхъ наступали попеременно подъ вліяніемъ астрономическихъ условій [66]). Однако еще многіе геологи приписываютъ явленія ледниковаго періода Европы и Сѣв. Америки распредѣленію суши и моря, имѣвшему слѣдствіемъ для данной эпохи преобладаніе полярныхъ океаническихъ теченій у береговъ материковъ сѣвернаго полушарія, слѣдовательно и значительное охлажденіе климата на этихъ широтахъ [67]). Вѣроятные слѣды распространенія ледниковъ въ болѣе древніе періоды существованія земли, повидимому, подкрѣпляютъ первый взглядъ на вещи.

Но я не остановлюсь здѣсь ни на измѣненіяхъ формъ земли въ періоды древнихъ и новыхъ наносовъ *(дилювія* и *аллювія)*, ни на явленіяхъ ледниковаго періода, который составляетъ переходъ ко времени этихъ отложеній отъ времени образованія третичныхъ пластовъ. Мнѣ придется говорить и о томъ и о другомъ ниже, когда я перейду къ исторіи мысли *человѣка*, такъ какъ всѣ эти измѣненія формъ совершились уже послѣ выработки человѣка съ его характеристическими особенностями въ ряду живыхъ существъ, и человѣкъ присутствовалъ на землѣ при распространеніи ледниковъ послѣдняго ледниковаго періода. Онъ былъ даже, вѣроятно, свидѣтелемъ поднятія главныхъ горныхъ хребтовъ земнаго шара въ третичный періодъ. Поэтому удобнѣе разсмотрѣть геологическія и географическія условія, при которыхъ онъ пережилъ первую эпоху своего существованія, въ связи съ тѣми данными, которыя собраны въ наше время относительно существованія человѣка въ эту эпоху [68]).

Теперь же мнѣ приходится обратиться къ процессу, игравшему, какъ и было сказано выше, немаловажную роль въ самомъ геологическомъ измѣненіи состава земли и формъ ея поверхности; къ процессу, начало котораго предшествовало отложенію древнѣйшихъ изслѣдованныхъ осадковъ; къ процессу, который одинъ въ настоящее время позволяетъ геологамъ сколько нибудь различать эпохи и періоды исторіи

---

[66]) О распространеніи льдовъ см. Джейки, Ляйэль и др.—Въ послѣднемъ своемъ путешествіи Агасисъ собралъ многочисленные слѣды ледниковаго періода въ южномъ полушаріи. Объ этомъ путешествіи см. извлеченіе въ «Знаніи» 1873, № 2. По этому вопросу см. также работу *Clifton Ward*: «Coral reefs and the glacial period» въ «Quart. Journ. of Science», Apr. 1874, и статью *Th. Belt*, указанную въ прим. 5.

[67]) Таковъ взглядъ Креднера. См. прим. 49.

[68]) См. кн. III, гл. I.

земли; къ процессу, наконецъ, который опредѣлилъ всего неизбѣжнѣе и существованіе человѣка и формы его мысли и возможности ея исторіи. Я говорю о процессѣ *развитія жизни* на землѣ, о процессѣ развитія органическихъ формъ.

ПЕЧАТАЮТСЯ

СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„ЗНАНІЕ“:

Дж. Г. Льюисъ. Вопросы о жизни и духѣ, Т. II.

Фр. ф. Гельвальдъ. Исторія культуры въ ея естественномъ развитіи отъ древнѣйшаго до настоящаго времени.

Сэръ Сэмюель Бэкеръ. Измаилія. Разсказъ объ экспедиціи въ Среднюю Африку.

Генри Мэнъ. Древнѣйшая исторія учрежденій.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА:

Шельдонъ Эмосъ. Наука права.

Ванъ-Бенеденъ. Паразиты животнаго царства.

Бэнъ. Духъ и тѣло и ученіе объ ихъ соотношеніяхъ.

Шмидтъ. Теорія развитія и дарвинизмъ.

Кукъ. Новая химія.

Проф. Бернштейнъ. Пять чувствъ.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Н. И. Костомаровъ. Историческое значеніе русскаго народнаго пѣснотворчества.

Проф. А. И. Якобій. Элементы гигіены.

Проф. И. В. Лучицкій. Теоріи исторіи.

Подковинъ. Исторія нравственности.

В. Н. Майновъ. Расколъ и его бытовое значеніе.

Проф. М. Н. Капустинъ. Международныя отношенія.

М. Венюковъ. Историческій очеркъ движенія Россіи въ Азіи.

Проф. Блацерна. Звукъ въ приложеніи къ музыкѣ (пер. съ

трясенія и вулканы (пер. съ нѣмецкаго).

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПРОДАЮТСЯ

изданія редакціи журнала „Знаніе“:

Эд. Тэйлоръ. Первобытная культура. 2 тома. Ц. 6 р.

Дж. Г. Льюисъ. Вопросы о жизни и духѣ. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.

Джиффордъ Пальгрэвъ. Путешествіе по Восточной и Средней Аравіи. Ц. 2 р. 50 к.

Чарльзъ Дарвинъ. Происхожденіе человѣка. Ц. 2 р. 50.

Басни и сказки дикихъ народовъ. Ц. 75 к.

Фрэнсисъ Гальтонъ. Наслѣдственность таланта. Ея законы и послѣдствія. Ц. 2 р.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

I. **Вальтеръ Беджготъ.** Естествознаніе и политика. Ц. 1 р. 50.
II. **Гербертъ Спенсеръ.** Изученіе соціологіи. Т. I. Ц. 1 р. 50.
III. **Гербертъ Спенсеръ.** Изученіе соціологіи. Т. II. Ц. 1 р. 50.
IV. **Германъ Фогель.** Химическія дѣйствія свѣта. Ц. 3 р.
V. **Э. Марей.** Механика животнаго организма. Ц. 2 р.
VI. **Бальфуръ Стюартъ.** Сохраненіе энергіи. Ц. 1 р.
VII. **Генри Маудсли.** Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ. Ц. 2 р. 50 коп.

NB. Гг. подписчики журнала „Знаніе“ получаютъ означенныя изданія съ уступкою 20%.

Цѣна 1 р. 25 к.